

Виктор Садовский

тернистые тропы

ПОЭМЫ

ББК 84(2р)6

С 14

Редакторы: Ю.А. Оноприенко, С.С. Голубева

Художник В.И. Овсиенко

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Орловской области*

С 14 Виктор Садовский. Тернистые тропы. Поэмы. – Орёл:
АО «Типография «Труд», 2023. –268 с.

В книгу Виктора Садовского «Тернистые тропы» вошли крупные поэтические произведения, созданные автором на орловском материале: поэмы о святом праведнике Кукше, Орле времён Ивана Грозного, орловских композиторах И. Калинникове, А. Крепких, Е. Дербенко, орловском казачестве и другие.

Книга адресована широкому читателю и может послужить своеобразным экскурсом в жизнь Орловщины в разные периоды российской истории.

ISBN 978-5-89436-266-3

ББК 84(2р)6

© Садовский В.Ф., 2023

© Овсиенко В.И., 2023

© БУКОО «Орловский Дом литераторов», 2023

КУКША – НАЧАЛО ПУТИ ПРАВЕДНОГО

*Поэтический сказ-легенда
о чудесном исцелении и крещении отрока Кукиши,
ставшего впоследствии просветителем вятичей
и принявшего мученическую смерть
за Веру Православную.*

ПРОЛОГ – НА ЗЕМЛЕ ВЯТИЧЕЙ

ГУСЛЯР-СКАЗИТЕЛЬ:

А и было время на Святой Руси,
На святой Руси, в земле вятичей:
Не молился народ Сыну Божьему –
Творцу Вышнему Триединому.
Поклонялся народ богам множеству:
Солнцу красному, грому-молнии,
Лесу тёмному, травам шёлковым,
Родникам, со водицей целебною...

Мать Природа была храмом вятичей.
Синий свод небес – его куполом,
Не сиял на нём крест серебряный,
В золотых лучах Солнца красного.
Ни святых икон в храме вятичей!
Ни летающих в небе ангелов!
Лишь под куполом, вместо росписи,
Лик Луны сиял в звёздной россыпи.

Имена народ божествам давал –
Светоносные, громогласные.
В честь их праздники зело шумные,
У костров на полянах устраивал:
С питием медов, квасу хлебного,
Из плывущей по кругу братины...
С хороводами развесёлыми и
Да с потехами молодецкими.

После игрищ с лихими плясками,
Молодёжь разбредалась по лесу
Ворковать на пеньках берёзовых,
Аки голуби сизокрылые,

Под покровом недолгой ноченьки.
Нечисть всякая подколодная –
Ведьмы, лешие да кикиморы,
Что таились под каждым кустиком,
Исчезали на зорьке утренней.

В густых зарослях бору тёмного,
За Окою, над лесом Думчинским,
Разгоралась заря румяная.
Разливаясь по небу синему,
Как улыбка Ярилы-солнышка.
Гасли в небе, тускнея, звёздочки.
Месяц ясный спускался в сосенки.
Шли на берег высокий вятичи,
Караулить восход Ярилушки,
Славить хором богов языческих.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – ПРОСЛАВЛЕНИЕ ЯРИЛЫ

ХОР ВЯТИЧЕЙ:

Взойди, солнышко, взойди Красное!
Покажи свой лик, Свет-Ярилушко!
Выше лесу взойди, бору тёмного!
Воссияй высоко в поднебестушках!
Ты согрей-обогрей, Красно Солнышко,
Поляны да злачно полюшко.
Дай родимой земельке силушки,
Рожать ягод да хлеба вволюшку.

ЧТЕЦ:

Всходит, всходит Ярила огненный!
Кажет лик свой в верхушках сосенок!
Новый день зажѐг светом радости,
Для трудов благих, дел не начатых.

Просыпайся, зверь, в мягком логове!
Встрепенись в гнезде, птица певчая!
Ты лети, пчела, в луга росные,
В луга росные – медоносные!
Заиграй, пастух, на жалеечке,
Гнать скотинушку пришло времечко,
На заречный луг, к сочной травушке.
А мы станем в круг, споём славушку.

ХОР:

Слава, Слава Яриле – Солнцу!!!
Слава! Слава!
Громовержцу перуну – Слава!
Слава! Слава!
Слава Богу Дажь богу
Слава! Слава!
И Сварогу, и Ладе – Слава!
Слава! Слава! Слава!!!

Трижды Роду вседержителю – Слава!
Слава! Слава! Слава!!!

Всем богам наше громкое – Слава!
Слава! Слава! Слава!!!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ – СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЧТЕЦ:

Вот в такой-то день в лето давнее,
После праздника, в утро раннее,
Гнал скотинушку – стадо дойное,
На заречный луг в травы сочные,
Молодой Пастух, сын амчанина,

По прозванию Кукша Думчинский.
Отрок был убог с самых малых лет
Говорить не мог, лишь мычал в ответ.
В длинном, рубище, с подпоясочкой,
Да в истоптанных лаптях лыковых.
Шёл вдоль бережка Зуши реченьки
Во рожок играл звонки песенки
И мыча, за ним шли бурёнушки,
Без щелчков кнута, громких окриков –
Повинуясь лишь рожка пению,
По пастушьему повелению.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Во долине-луговине,
Расстилался туман синий.
туман синий расстилался,
луг рососою умывался
как из этого тумана,
По густой траве росистой
Плыл навстречу Кукше странный
крест, в сиянии лучистом.
И бурёнушки в испуге,
вдруг застыли без движенья.
И внезапно по округе
прекратилось птичье пенье.

Пастушок, глаза зажмурил,
А когда открыл – О, Боги!
Старца древнего фигура,
Появилась на дороге.
Был он в белом одеянье.
С длинным посохом в деснице.
И лучистое сияние
Пробивалось сквозь ресницы.

– Здравствуй, сын мой! – Кукша молча
Поклонился старцу в пояс. –

Как зовут тебя, отроче?
Распрямись! Подай свой голос!

В быстрых жестах, Кукша начал,
Обратив свой взгляд к коровам:
Объяснять: он слышит, зрячий,
Но не может молвить слово.

И старик, вдруг, посох вскинув,
Произнёс утробно, глухо:
«Изыди, Отца во имя,
Сына и Святаго Духа,
Дух Нечистый, что вселился
Во младенца при рожденье!
Он, поскольку не крестился,
Обречён был на мученье.
Сгинь, Нечистый, в Преисподней!
Там теперь твоя обитель.
Вятич, ты уже свободен!
Твой недуг убрал Спаситель».

Подойди ко мне, не бойся.
Наклоняйся над криницей:
Я крещаю тебя в Бозе,
(Будь отныне чадом Божиим
Да испей святой водицы)
Этой чистою водицей!

Сняв с груди свой крест с распятым,
Пастуху дал, со словами:
«Мы с тобой, отныне, братья.
И Христос Спаситель с нами!

Назови же имя, вятич!
Пусть порадуются уши!
И пастух, крест в сумку пряча,
Произнёс негромко: – «Кукша!»
Удивился. Не поверил.

Повторил смелей и громче:
Голос был, по крайней мере,
На отцов похожий очень.

«Кукша! Кукша!» – с замираньем
Лугом эхо прокатилось.
Выше грани пониманья,
Этим светлым утром ранним,
Чудо с вятичем случилось.

Старичок двумя перстами,
Осенив себя и Кукшу,
На глазах его растаял.
Но слова «Спаситель с нами»
Множась хора голосами,
Наполняли светом душу.

Дух вселенской любви,
на рассвете от щедрого солнца прими.
Грязь мирской суеты,
смой негромкой молитвой вечерней.
С благодарностью руки воздев,
взор к Нему устреми.
На ночь душу отдай
на Его попечение.

Всё казалось сном, но явным
Крестик был и голос зычный.
Он позволит Кукше равным
Быть, среди людей обычных.

Так он думал. В жизни только,
Будет всё сложнее намного:
Осужденье, кривотолки,
Гнев Перуна и Сварога.

В грубых шутках скоморохи
Крест с распятым развенчают...

Трудный путь к своей Голгофе,
Нынче Кукша начинает.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ – МОЛВЫ СЛОВО ГОРЬКОЕ

Весть о том, что пастух Кукша Думчинский
Исцелился, нежданно-негаданно,
Пролетит по селениям вятичей,
«Аки мысь по извилистым веточкам».

Но в великой родительской радости
И поверивших в чудо сородичей,
Растечётся молвы слово горькое
Словно ложечка дёгтя древесного,
Во бочоночке мёду цветочного.

В чуде виделось что-то грозящее
Устоявшейся вере язычников:
Почему-то, не боги привычные,
А какой-то «Спаситель неведомый»
Одарил безголосого отрока,
Речью внятной,
Но мало понятные
Мысли бродят теперь в голове его,
Порождая вопросы колючие,
На которые взрослые вятичи
Дать не могут ответа правдивого.
И картины событий, по времени,
В глубь столетий ушедших и будущих,
Станет видеть сын вятичей племени,
В неприметном пастушеском рубище.
Отвечать на вопрос «Почему?»,
Будет легче ему самому...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

МОЛИТВА СВЯТОМУ ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ КУКШЕ

Святой Великомучениче Кукша,
Христов небесный воин православный,
Ты – Свет Любви, что льётся в наши души!
С тобой Творца Всевышнего мы славим.
К тебе возносим мы свои молитвы,
О благодати на земле родимой,
Что в судьбоносных и жестоких битвах,
Осталась «купиной неопалимой».

И да святится имя твоё, Кукша,
Во все века, в грядущих поколениях!
Нетленный свет твоих деяний лучших
Пусть будет благодатным омовеньем.

Святой Великомучениче Кукша,
Христов небесный воин православный,
Ты – Свет Любви, что льётся в наши души!
С тобой Творца Всевышнего мы славим.
Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!
Слава тебе, Боже!
Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!
Слава тебе, Боже!
Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!
Слава тебе, Боже!

Орёл, октябрь 2018 г.

ОРЁЛ ЗА ДЫМАМИ ВРЕМЁН

Книжный вариант музыкально-поэтической композиции (оратории) для хора, чтеца, солистов и оркестра, на музыку Е. Дербенко.

Посвящается 450-летнему юбилею города Орла.

ПРОЛОГ

НЕУДАВШИЙСЯ НАБЕГ

На реке Сосне

Песчаный берег на речном изгибе,
Поросший густо тонким ивняком.
Я, позабыв давно уже о рыбе,
Гляжу на кручу. Думаю о том,
Что, может быть, на этой самой круче
Стоял не раз раскосый хан Гирей
И говорил, сощурив глаз колючий:
«Не стерегут урусы дочерей...»
Там девушки купались в тёплой речке,
На хану недоступном берегу.
Они бросали едкие словечки
И наготовой стреляли по врагу.
И чья-то мать, недоброе почуяв,
Молилась на святые образа:
«Любую дань злодею заплачу я,
Но скройтесь с глаз, раскосые глаза!»

В Судбицах¹

Ничего не поделатъ с собою:
Я подряд уже столько ночей
Слышу гул отдалённого боя,
Посвист стрел и удары мечей.

Это пращуры наши дерутся
Под Судбищами с ханской Ордой.
Никогда уже им не вернуться,
Молодым и красивым, домой.

---

¹ Судбищи – старинное село в Новодеревеньковском р-не Орл. обл.

Стихнет битвы неистовый ветер,
И останутся в поле лежать
Казачьи и боярские дети,
И несметная ханская рать.

Смерть кровавым платком примиренья
Остановит и тех, и других,
Обратив их пространство и время
В нескончаемо длящийся миг.

Прорастут их глаза васильками.
Будут в маках сердца пламенеть.
Будут девичьи слёзы веками
На некошенных травах гореть.

Молчаливая месть

Остатки конницы Гирея
Искали брод в реке Сосне.
И торопил их хан: «Скорее,
Не то останемся на дне.
Нам рыб кормить собою рано.
Но где ж спасительная мель?
Негоже мне, Гирею-хану,
Пить пораженья горький хмель.
Негоже мне покрыть позором
Себя и свой великий род...».
Окидывал недобрым взором
Хан реку, что сокрыла брод.

Река текла. Река молчала.
Она, как русский человек,
Как воин, врага встречала
И мстила молча за набег.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ

(Редакторское задание)

– На носу юбилейная дата, –
Наклонился редактор к столу. –
Предлагаю вам дело, ребята:
Погуляйте дня два перед Пятым¹
По старинному граду Орлу.

Погрузитесь в глубины столетий.
Подышите дымами веков.
Но чтоб праздничный номер газеты
Был заполнен до самых краёв.

Рыться в пыльных архивах не надо,
Краеведы не любят родни.
Избегайте крикливых парадов,
Где несчастная капелька правды
Тонет в пёстром потоке брехни.

Всё должно быть из самых надёжных
Первых рук, первых уст, первых глаз.
Чтоб Иван свет-Васильевич Грозный
Оглашал самолично указ.

С коренным пообщайтесь народом.
Если пива с народом попить,
В наших мелких заиленных водах,
Несмотря на сухие погоды,
Можно рыбки ещё наловить.

Что ж, по коням, орлы!
За работу!
На свиданье с седой стариной!
А получится дельное что-то,

---

¹ 5-е августа – День города Орла.

Гонорар обещаю – тройной.
И редакция вмиг опустела,
Словно ветер бумажки раздул.
Кто-то ревностно взялся за дело.
Кто-то в «Ягодку»¹ прежде, нырнул ...

КАРТИНА ВТОРАЯ

К КОРНЯМ РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА

Я вошёл в монастырскую келью,
Тихо скрипнула дверь за спиной
И внезапно попал в параллельный
Мир похожий, но всё же иной.

Изменилось пространство. И время
Отсчитало обратно века.
Я стоял меж высоких деревьев,
Там, где Орлик ласкает Ока,

Как младенца Пречистая Дева
На своей материнской груди.
Здесь Орла родословное древо
Очень скоро должно прорасти.

Не случайно ведь конь белогривый
Пьёт холодную воду в реке:
Вон сидит человек над обрывом,
Нить судьбы в его царской руке.

Тяжела, видно, шапка монаршья.
Расписали морщины чело.
Не по возрасту выглядит – старше.
И уставшим. Уставшим зело?

---

¹ «Ягодка» – кафе на ул. Ленина.

Озабочен весьма и угрюмый.
Глядя вдаль, говорит сам с собой.
Дай послушаю царские думы,
Постою у него за спиной.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ДУМА ЦАРЯ ГРОЗНОГО

То не туча грозовая с поля Дикого.
То не ветер-вихрь дорожкой торёною.
То на Русь опять с гортанным диким гиканьем
Крымский хан Гирей легит стрелой калёною.
Всё сметает на пути степная конница.
Дым пожарищ занавесил небо синее.
Полонянками шатры верблюжьи полнятся.
Вдовый плач висит позором над Россиею.
Взял Казань я, путь открыт за Пояс Каменный¹.
Велика Сибирь – гуляй, казачья вольница!
Города руби. Кали железо в пламени...
Полудённый край теперь моя бессонница:
Чем границу удержать?
Где крепость выстроить,
Чтоб была щитом надёжным для Московии?
Не могу я холостым зарядом выстрелить.
Слово царское - не повод для злословия.
Быть щиту!
На землях непокорных вятичей,
У слияния Орла² с Окой-красавицей,
Дело важное немедля будет начато.
Пой во славу, хор, Руси Великой здравицу!
Многая лета! Многая лета! Многая лета!

---

¹ Пояс каменный – Уральские горы

² Река Орёл – старое название Орлика

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

ОРЛОВ НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ СТОН

О чём вы шумите, дубы над Окой,
Без буйного ветра?
Кто смел потревожить ваш древний покой
Порой предрассветной?
К чему беспокойно кружатся орлы
Над старым гнездовьем?
Неужто слышали посвист стрелы –
Предвестницу крови?
О, нет! Завывания стрел для орлов –
Привычная песня.
И крепким стволам необъятных дубов
Напев их известен.
Осенний рассвет обозначил закат
Для рощи дубовой.
Сегодня орлы навсегда улетят
На поиски новой.
Услышит ли их ностальгический стон
Народ с топорами,
Кому государево слово – закон?
Не держит совета, воссевший на трон
Ни с ним, ни с орлами.
Монаршим Указом царь Грозный у птиц
Гнездовье отнимет,
Как вырвет из книги часть важных страниц.
Но гордое имя
И образ орла он оставит в гербе –
Потомки чтоб знали:
Царь Грозный не памятник ставил себе –
Орловская крепость в Державной судьбе,
Как запись в Скрижали.
Гордитесь и славьте деяния тех,

Кто граду дал имя.
Разрушить гнездовье, конечно же, – грех.
Но если деянье – во благо для всех,
Бог грех этот снимет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

ЗАКЛАДКА КРЕПОСТИ

1.

Поплыло над лесом солнце,
Небо светом полнится.
Зазвонили в колокольцы
На походной звоннице.
Воевода Безобразов,
Шапку сняв, идёт с Указом
К иерарху старшему:
«Бла(го)слови, владыко, нас
С честью выполнить Указ
Государя нашего».
«Бла(го)словляю! Божья Воля
В царском повелении:
...бысть поставлен град на поли
на реке Орлее!¹»
Крест целует воевода:
«Любо, люди ратные!»
«Любо!» – громом с небосвода
Эхо троекратное.
«Любо! Любо!» – вторят войску
Мужики работные.
Льётся солнце тёплым воском
На ряды их плотные.

---

¹ Цитата из исторического документа приводится с опечаткой, допущенной его переписчиками, что превратило название реки Орёл (Орлик) – в Орлею. Однако эта лишняя буква «е» позволила многим поколениям орлян воспевать любимую речку, используя такое ласковое и поэтичное женское имя.

Бабье лето вяжет нити
Паутин серебряных.
«Люди добрые, взгляните!
Вот и ангел наш хранитель
Кружится над дебрями!»
В завершение молебна,
К месту церкви будущей
Прилетел – спустился с неба –
Голубок воркующий.
Крест подняв над головою,
Иерарх со свитою,
Всех кропя святой водою,
Двинулся с молитвою
К месту будущих ворот,
Где река Орёл¹ течёт:
«...утверди, Господи, ограждение се...
избави его от губительства, труса и потопа, огня и меча,
нашествия иноплеменных,
междоусобной брани.
И даруй насельникам града сего
жизнь счастливую».

2.

На реке волна рябит,
Пригревает солнышко.
Возглас дьякона: «Руби!»
Рог походный протрубил,
И – пошла работушка.

Застучали топоры,
Брёвнышки дубовые
Зачищаем от коры,
Строим крепость новую.

Позарез Орлу нужны
Всякие работники.

---

¹ Река Орёл – старое название Орлика.

Землекопам нет цены,
Дровосекам, плотникам...

Из окрестных деревень
Мужики не хилые
Ходят в крепость каждый день
С топорами, пилами...
Всех Орёл готов принять,
Чтоб расправить крылышки.
Тут закон – не выдавать!
Беглый, каторжник иль тать –
Можешь смело пополнять
Ратные дружинушки.

Хочешь воли – к казакам!
На станицы¹ в полюшке!
Но сперва – с молитвой в храм,
Чтоб накопленным грехам
Не досталось волюшки.

Слух летит стрелы быстрее
По России-матушке.
Чешет выю хан Гирей
И литвин на ратуше.

Крепость русская – что кость
Горлу ненасытному.
Не буди в медведе злость,
Приходи на Русь как гость,
Чтоб не быти битому.

3.

Догорают берёзки и клёны
У корней родословных Орла.
Новый город, как юный орлёнок,
Лишь готовится встать на крыла.

---

¹ Станицы – заставы в Диком поле.

Будет путь и прямой, и извилист,
По велению властной руки.
Дай-то, Бог, чтоб вовек не мутились,
Чтобы девственно чистыми бились
В руслах рек, как в сердцах, родники.
Мне пора бы уже возвращаться
В свой бурлящий проблемами век,
Круг времён стал обратно вращаться,
Но к несчастью, а может быть к счастью,
Кони-годы замедлили бег.

Предо мною эпоха иная.
Позади царство смуты и лжи.
Укрепляется Вера Святая,
И державы родной рубежи.

Город, шире расправивший крылья,
Зароился на всех берегах,
Порождая легенды и были,
И вопросы в пытливых умах.

«С коренным пообщайтесь народом!» –
Прогудел на сосне витютень¹.
Что ж, пойду погулять на природу,
У орлян нынче праздничный день.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

КУЛАЧКИ

1.

После праздничной
службы храмовой,
Богомолия
всенародного,

---

¹ Витютень – дикий голубь.

Собирался люд
    за рекой Окой
На широкий луг,
    на кулачный бой.
Вереницами
    шли со всех слобод
Показать себя,
    посмотреть народ.
Шли боярские –
    шибко гордые.
Монастырские –
    люди тёртые,
Шёл кузнец-боец –
    с булаву кулак,
Шёл пушкарь, стрелец
    и лихой казак
В праздник Троицы
    распотешиться,
Чай, с Велика Дня
    руки чешутся.
Ведь не каждый день, –
    лишь в Престольные
Кулакам в Орле
    воля вольная.
Воля вольная,
    но по правилам,
Тем, что предками
    нам оставлены.

2.

Ты стелись под ноги, травка,
Скатертью шелковой,
Начинается затравка
Ребятнёй бедовою.
На пушкарских – казачата,
Цепкие, ершистые,
С места в бой пошли завзято

Стеночкой волнистою.
Дружно чешут кулачонки.
И сверкая глазками,
«Не робей, – кричат девчонки, –
Не срами Черкасскую!»

Погляди-ка, пушкарята
Тоже, брат, не робкие,
Щёки пламенем объяты,
С виду неторопкие.
Стенка – ровным частоколом,
Не пробьёшь из пушечки.
Как ядра удар тяжёлый
Кулака-игрушечки.
Хрусть!
Хрясь!
Кровь –
брызнь!
Зуб –
в грязь!
Дер-жись!
Хрясь!
Хрусть!
Бумс!
Шмяк!
Не трусь,
ка-зак!

3.

После эдакой затравки лихой,
Слободская недоросль рвётся в бой.
А за ними и женатая рать,
В нетерпенье рвётся кости размять.
А потом уж и бойцы-старики
Бьются с левой, как и с правой руки.

«А мы хлопцы – хоть куды,
хоть куды!
Из Покровской слободы,
слободы.
Нам для пятницких, братков
казаков,
В праздник Троицы не жаль
кулаков!
Эх – ма! Эх – ну!
В ду-гу со-гну!»
«Эх – ну! Эх – раз!
Си-няк под глаз!»

«А чего бояться нам –
пушкарям?!
Мы привыкли к кулакам,
тумакам.
Если пушку заряжаем
ядром,
Забиваем в ствол ядро
кулаком.
Бух!
Бах!
Прячь пах!
Ку-лак
в зу-бах!
Ох!
Ух!
Трах! Жах!
Пе-ре-звон
в у-шах!
А вот так!
Эх! Ух!
Не лови, брат, мух!
На бочок – в ло-пух!»

А лежачих тут не бьют.
Ох, не бьют!

Но и мёду тоже тут
Не дают!

Вот пошли на монастырских –
стрельцы.

Дети видят, как дерутся
отцы.

Час пробьёт и для стрельцов-сорванцов
Заменить на службе ратной
отцов.

Эх, ребята, не робей!

Не робей!

Вороватую братву
крепче бей!

Особливо тех, кто ночью
и днём

к беззащитным пристаёт
с кистенём».

4.

– Расступись, честной народ! –

Крикнул голос зычный. –

В бой кузнец Фома идёт!

Он боец отличный!

Кулачищем с булаву

Богатырь-громила

Ложит пачками в траву,

Нехотя, в полсилы

И посадских, и черкасс,

Пятницких, заречных...

А поди ж ты, пьёт лишь квас,

В драках не замечен.

Но кулачки – честный бой,

Не хмельная драка.

На Фому пошёл рябой

Ванька Кожемяка.

Коренаст.
В кости широк.
Руки – что лопаты.
Бугая валяет с ног,
Не взимая платы.
Без труда подковы гнёт,
Как ивняк прибрежный.
Но меж вдовушек слывёт
Кавалером нежным.
С кузнецом Иван в друзьях.
Но на поле бранном
Уступать никак нельзя
Даже кровным братьям.
А сегодня Кожемяк
В супротивном стане:
Продал на день свой кулак
Торгашам с Рязани.
Будут брагой угощать
И денъжат отвалят,
Если сможет устоять
И Фому повалит.
Дружно шепчется посад
(Шёпот всюду слышен):
Меж друзей пошёл разлад –
Оба стёжечки торят
К вдовушке Арише.
Третий год, как муж-стрелец,
Спасший воеводу,
Храбро принял в грудь свинец
У Царёва Броду.
Сердцем тянется к Фоме
Вдовушка младая.
А у Ваньки на уме
Вдов, как в птичьей стае.
Овладеть ещё одной –
Честь для Кожемяки.
Потому идёт рябой
На Фому – как вепрь злой

В клыковой атаке.
У Фомы – тяжёл удар.
Ванька – в хватке ярый.
Но в кулачках сей товар
Не в ходу и даром.
Потому таит рукав
Зубчату свинчатку...
А вот в этом ты не прав!
Грубо правила поправ!
Тут не игры в прятки.
Из толпы раздался свист,
Следом голос резкий:
«Гляньте, как рукав обвис!
Не иначе, – тянет вниз
Штука из железки!»
«Бога вздумал прогневить!
Ишь, зарвался рýбий!»
«Обыскать!»
«Поколотить!
не повадно дáбы...»
«Врежь, Фома!
Рази шульгой
меж бровей лохматых!»
Ванька вскинул над собой
Рúчищи-лопаты.
Из прорехи в рукаве
Выхватил свинчатку,
Но ...удар по голове,
Выбив мысли о вдове,
Усмирил Ванятку.
Подбежали мужики,
Под руки схватили.
На излучине реки
В воду опустили.
Оклемался Кожемяк,
Выполз сам на берег.
Сел на камень, весь обмяк,
Всё ещё не веря,

Что вчистую проиграл
В ипостаси зверя –
Другу лучшему Фоме,
Торгашам с Рязани
И Аришеньке – вдове
С грустными глазами.
Что ж, в кулачках не резон
Нарушать обычай –
Вряд ли вынесешь позор,
Пересуды, перезвон,
Даже с шеей бычьей.

5.

После битвушки
        рать кулачная
В речку с'игаает,
        отмывается.
И опять идёт
        к полю бранному,
Ставшим скатертью
        самобраною.
Мировую пьют
        да братаются.
Силой, удалью
        похваляются.
Ведь не каждый день – лишь в Престольные
Кулакам в Орле –
        воля вольная.

Русский бой, кулачный бой –
Мирная забава.
А пойдут на нас войной,
Будет страшным русский бой.
Будет громкой слава.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

ГРАБЁЖ

«Под мостами тёмной ночью
Не ходите в одиночку.
Там – жуть!
Там ждуть, кого ножичком пырнуть!
А не хочешь в спину нож,
Отдавай последний грош.
«Караул!
Гра-бёж!
Гра-бёж!»
Гра-бёж!»

«Ну, а что ж городской
Не спешит пресечь разбой?»
«Ка-кой раз-бой!
У него – городского –
На сей счёт порядок свой:
Не на каждый голосок,
К помощи взывающий,
Заливается свисток,
Милые товарищи.
Страж порядка чешет длань
Трижды на неделе,
Стал быть, щедро льётся дань
За подмогу в деле.
Крепят пиво солодом,
А молчанье – золотом.
В прошлый год отца Никиту
В рясе сбросили в Оку,
Ну и что? Всё шито-крыто.
Слава Богу, жив Никита,
Крест серебряный – ку-ку!
Говорят, лежит на дне,
На приличной глубине.
Грех, однако, невелик –
Есть чему дивиться:

Под мостом забил родник
Со святой водицей.
И разбойное жульё
Прекратило в страхе
Дело грешное своё.
Все ушли ...в монахи.
Говорят, прорыли ход
В монастырь Введенский
И теперь качают мёд
...Из мужского – в женский».
«Ну, приятель, ты даёшь!
Словно даришь рубль.
Отчего ж тогда грабёж
Не пошёл на убыль?»
«Преуспело в этом зле
Кудеяра племя.
Извести его в Орле
Не приспело время.
Потому как не поймёшь
Хитрую науку –
Где поборы, где грабёж,
Кто чью моет руку.
Тут бы в пору всех послать
Площадною бранью...
Только мать жаль поминать».
«Ну, зачем же трогать мать,
Посылай всех – в баню!»

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

БАНЯ

Божий храм – купель души.
В баню, знамо дело,
Православный люд спешит,
Как в купель для тела.
Баннный дух – что мёд хмельной

И настой целебный.
Жарким летом и зимой –
Ритуал потребный.
Будь мороз хоть трижды лют,
Никакой отсрочки
Мамки дочкам не дают,
А отцы сыночкам.
Стражник, плотник иль пушкарь,
Знатная ль особа –
Раз в неделю кости парь,
Не впускай хворобу.
В бане правила строги
Как в бою кулачном:
Выше согнутой ноги
Зреть на женщин не моги
Тут – не ряд калачный.
На язык набрось узду
И на глаз прицельный,
Чтоб не париться на льду
С веничком метельным.
В бане с теми, кто грешит,
Поступают резко.
Шутки в бане хороши
Через занавеску.

По субботам у меня
Странное свидание:
Милка парится полдня,
Я торчу за банею.
Засверкали после дождика
Церковные кресты,
Если в бане не помылся,
Обходи за полверсты.
На тебя немытого,
(Господи Иисусе!)
Мыла духовитого
Я не напасуся.

Вот напарюсь, нахлещусь
Веничком берёзовым,
И к милашечке явлюсь,
Как кабанчик розовый.

Банщик, дядя Ерофей
С трёх-октавным басом,
Ходит, как архиерей,
С веником на Спаса:
«Кто просил парку?

Поддам...
Бабы, не шумите!
А не то подброшу вам
Парить деда Митю».

Бабы – в хохот!
«Парь, не парь... –
(Шепотком на ушко)
Митю хоть на углях жарь,
Никудышний стал пушкарь,
Не стреляет пушка.
Порох, видно, отсырел.
Подсушить бы трошки,
Митя песню ещё б спел
...бабушке Хаврошке».

Под весёлый разговор
(Аж гудит парная!),
Мужики бегут во двор,
В чистый снег ныряя.
И обратно на полóк,
Под высокий градус!
Баня русская, милок,
Даже мёртвым в радость!
Постепенно тише смех,
Плеск воды, звон шаек.
И с помывки прежде всех
Банщик провожает:

Мамок, юных дочерей,
Вдов и молодаек...
Стоя стражем у дверей,
Строго наблюдает,
Чтоб глаза у молодцов
Были к долу ниже.
А не то, – ушат в лицо!
И клеймо «Бесстыжий!»
После бани все идут,
Как из церкви Божьей.
В чистом теле – крепче дух!
И душа моложе.
В банный день и старый дед
Порезвиться любит.
Добру чарку под обед –
Грех не приголубить!
Грянем тост назло грехам –
Слава русской бане!
С лёгким паром!
Счастья вам, милые орляне!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

КАЗАКИ В ОРЛЕ

(Праздник по случаю победы в войне 1812-1814 гг.)

День осенний, мерзкая погода.
А по главной площади Орла
Снова, снова конница в походе,
Под оркестр стремится, как стрела.
Стук копыт.

Срослись с конями хлопцы.
Шашки – вон!
Чубы – на козырьки!
То на праздник прибыли к орловцам,
Платова лихие казаки.

На шальном ветру трепещет знамя.
Рядом с ним казачий атаман:
На коне, с огнистыми глазами,
Коренастый, смуглый, как цыган.

В кои веки видится такое!
И летит «Ура!» со всех сторон.
Без потерь,
Без выстрела,
Без боя
Взял Орёл казачий эскадрон.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

БАЛ В ИНСТИТУТЕ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

Весна.
Институт благородных девиц.
Как много красивых, взволнованных лиц.
Воспитанниц, в бальные платья одетых,
С поклоном на вальс приглашают кадеты.
И кружатся, кружатся лёгкие пары.
А в юных сердцах полыхают пожары.
И мальчикам в строгих мундирах парадных
Бал кажется первой в их жизни наградой.

Медленный вальс.
Раз, два, три, раз, два, три, раз...
Жар нежных плеч.
Шёпот, несвязная речь.

«А вы...?»
«Да, читала... какая любовь!...»
«Тургенев изыскан...»
«Но ярче Лесков».
«А Тютчев?.. А тонкая лирика Фета?»
«Увы!»

Но сударыня, мы же – кадеты.
В стенах «Бахтина» не до чувственной лиры.
Случится война – береги честь мундира!»
«Простите, Серёжа!»
«Не стоит, Наташа!
Вы нынче прелестны! Наряда нет краше!»

Медленный вальс.
Раз, два, три, раз, два, три, раз...
Жар нежных плеч.
Шёпот, несвязная речь.

Вздыхают валторны и трубы поют.
Шумит благородных девиц институт.
Почётных гостей в ночь увозят кареты.
В казармы уйдут ровным строем кадеты.
Крылатою тройкою время промчится.
Надёжными жёнами станут девицы.
А новым кадетам в мундирах парадных
Бал станет их первою в жизни наградой.

Медленный вальс.
Раз, два, три, раз, два, три, раз...
Жар нежных плеч.
Шёпот, несвязная речь.

КАРТИНА ОДИНАДЦАТАЯ

НА ЩЕПНОМ РЫНКЕ
(Вторая половина XX века)

Ливенка

Седой фронтовик – без погонов мундир –
С потрёпанным тульским баяном
Подсел к гармонисту:
«Давай, командир,

Ребят батальонных вспомянем,
Что гнули фашистскую нечисть в дугу,
Салют в честь Орла приближали.
Запой нашу песню, а я помогу».
И оба – на копки нажали.

Старинный мотив, но другие слова.
А песня, по сути, о том же:
О воинстве русском не стихнет молва!
Русь-матушка крепостью духа жива!
И быть по-другому – не может!

За Окою мы стояли

*На Возморье мы стояли,
На германском бережку.
(народная песня)*

За Окою мы стояли,
На высоком бережку,
Грозно пушки грохотали,
Били пушки по врагу.
Размечтался, подлый фюрер,
Войско русское разбить!
Береги свою фигуру –
Русский любит угостить!

Как пошла метать «Катюша»
С пылу-жару пироги,
Под Змиёвкой и на Зуше
Обжигались вороги!
Прозвучал приказ – «В атаку!»
Распрямилась дуга.
Понеслись лавиной танки
На заклятого врага.

Бой – жестокий!
Бой – кровавый!
Силу – Силушка смела!

И гремел Салют во славу
Града русского – Орла!

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГИМН ОРЛУ
(Песенный триптих)

Люблю мой город

Люблю мой Орёл на исходе ночей,
Когда, величавый и крупный,
Парит в ожидании первых лучей
Михайло-Архангельский купол.

Люблю, когда первый трамвай прозвенит
И звук его,
        медленно тая,
Над городом сонным,
        дрожащий летит,
А небо светлеет.
Светает.

Люблю растворяться в симфонии дня,
В рабочем размеренном ритме,
Когда этот ритм наполняет меня,
Подобно высокой молитве.

Люблю мой Орёл предзакатной порой,
Когда уже солнышко низко
И лучик последний его золотой
Скользит по звезде обелиска.
И мягкая свежесть окрестных лесов
Вливается в микрорайоны...

Люблю тебя, город мой –
Песня без слов.
И вечно останусь влюблённым.

Падают звёзды на город родной
Падают звёзды на город Орёл,
падают звёзды.
Словно для этого, город родной,
ты был и создан.
Падают звёзды, падают,
души влюблённых радуют.
Падают звёзды,
падают звёзды,
звёзды на город родной.

Небо ночное плывёт над Окой,
над куполами.
В сон погружается город родной,
вечность над нами.
Падают звёзды, падают,
души влюблённых радуют.
Падают звёзды,
падают звёзды,
звёзды на город родной.

Жизнь незаметно, как в речке вода,
вдаль убегает.
Время в прошедшее нас никогда
не возвращает.
Но падают звёзды, падают,
души влюблённых радуют.
Падают звёзды,
падают звёзды,
звёзды на город родной.

Гимн Орлу

Город-крепость над Окою
С гордым именем Орёл,
Не померкнет над тобою
Ратной славы ореол.

В лихолетиях суровых,
Город мой, ты смог сберечь
И тургеневское слово,
И живую нашу речь!

Пусть же солнце каждым утром
Мирно всходит над тобой,
Город Первого салюта,
Над красавицей Окой!

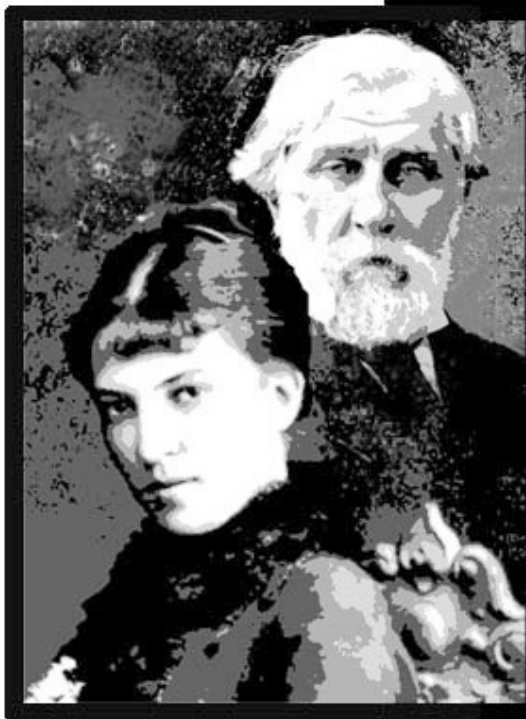
Славы предков будь достоин!
Ты судьбу в боях обрёл,
Город труженик и воин

С гордым именем Орёл!

ЭПИЛОГ

Вот опять – монастырская келья.
Тихо скрипнула дверь за спиной.
И растаявший мир параллельный
Лёгкой тенью взлетел надо мной.
Ворковала голубка на храме.
Луч заката расписывал клён.
Милый город парил над дымами
Навсегда отгоревших времён.

Орёл, 2012-2013 гг.

ПРУД САВИНОЙ

Лирическая поэма

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«Любовь сильнее смерти и страха смерти.
Только ею, только любовью держится и движется жизнь».*

И. С. Тургенев

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РОМАН О ЛЮБВИ

Тургенев и Савина.... Их чувства сверкнули ярким, но, увы, коротким фейерверком. Он – прославленный писатель с мировым именем. Она – блистательная актриса Александринского театра. Они встретились в Петербурге в 1879 году на представлении его пьесы «Месяц в деревне», где Савина великолепно сыграла роль Верочки. Восторженный Тургенев осыпал актрису комплиментами: «Верочка, я даже не обращал на неё внимания, когда писал... Вы живая Верочка... Какой у Вас большой талант!»

Савина была счастлива. С этого дня началась их дружба, о которой она всю жизнь вспоминала с благоговейной нежностью. Тургенев писал ей восторженные письма. «Я почувствовал, что вы стали в моей жизни чем-то таким, с которым я уже никогда не расстанусь...». В день рождения Марии Гавриловны он дарит ей золотой браслет, на внутренней стороне которого выгравировано: «М. Г. Савиной от И. С. Тургенева».

Этот роман длился не более трёх лет, но, если суммировать дни, когда они могли хотя бы видеть друг друга, не наберётся и месяца. Для Тургенева это было «последним путешествием сердца» в прошлое. «...вся Ваша жизнь впереди, – писал он ей – моя позади – и этот час, проведённый в вагоне, когда я чувствовал себя чуть ли не двадцатилетним юношей, был последней вспышкой лампы. ...Мне глубоко жаль, что этот прелестный миг потерян навсегда...».

Грустно. Однако остались их письма, воспоминания, роли, сыгранные Савиной по пьесам и художественным произведениям Тургенева, и Спасское, где они гуляли по тихим аллеям в лето 1881 года, где Тургенев читал ей стихи о любви, где устроил праздник в честь приезда дорогой гостьи.

Незаконченный роман о любви... Дружба двух великих людей искусства – Тургенева и Савиной, нашла своё продолжение в тонкой чувственной лирике хорошо известного на Орловщине поэта, музыканта-песенника Виктора Садовского.

*Л. М. Кондрашова – старший научный сотрудник
музея-усадьбы И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново.*

(ВМЕСТО ПРОЛОГА)

Экскурсоводу

Я поклонился дубу гения,
я слушал голос Ваш прелестный:
Вы были вся в плену Тургенева,
ему слагающая песню.
Вы вспоминали были-небыли,
витали в мире нереальном.
Меня в том мире точно не было.
Ни в брэнном теле, ни в астральном.
Но я мечтал в тени имени:
Ночь.
Дом большой, закрытый ставнями,
где я – не я: Иван Тургенев я,
а Вы – мой гость: Мария Савина.

Купальская ночь

1.

Июльская ночь
жемчуга разбросала,
дохнув ароматами трав луговых.
Хозяин гостей приглашает из залы
под звёздный шатёр, да не выманишь их:
кто занят пасьянсом,
кто полкою книжной.
Кто пешку мечтает увидеть ферзём...
Навязывать гостю прогулку – излишне,
Тургенев и Савина вышли вдвоём.

В зените луна.
Серебристые стрелы
на травах в лугах зажигают росу.
Усадебный дом
словно выбелен мелом.
Не часто увидишь такую красу.
Бог мой!
Что за чудная музыка это –
симфония летних ночных голосов!
Творец,
несомненно, быть должен поэтом,
наш Мир созидаю из музыки слов.
И первое слово, что было вначале,
зерно, из которого жизнь проросла,
звучало надеждой,
как песня, звучало,
которая к свету из мрака вела.
Мелодию жизни из каждой былинки
любовь извлекает волшебным смычком.
Звенят в тишине pizzicato¹ -росинки,
в траве рассыпаясь кристальным дождём.

---

¹ Пиццикато (итал.) – муз. термин, для обозначения игры на струнах щипком.

В разлапистом ельнике филин заухал.
Завыли собаки в крестьянских дворах.
Храп барских коней долетает до слуха.
Невольно в душе зарождается страх.

2.

Они идут по липовой аллее –
как будто неземные существа.
Огромная колыхнется над нею
его, как лунь седая, голова.
Рука – в руке:
в ладонище – ладошка.
Два взгляда: сверху вниз и снизу вверх.
И покрывает Спасские дорожки
густой туман, как первый чистый снег.
Они наивно мысли направляют
на заурядный светский разговор.
Но их сердца вдруг крылья обретают
и словно птицы рвутся на простор.
В Эдемский сад идут Адам и Ева,
где сладкий плод на яблоне висит
и хитрый змий,
обвивший ветку древа,
уже крамолу нежную шипит.
Кто переступит первым
грань запрета
и яблока отважится вкусить?
Известен всем сюжет ветхозаветный,
но мы не будем время торопить.
Есть впереди две тёмных томных ночи,
два светлых дня,
две вечности у них.
И ничего плохого не пророчит
угрюмый филин в зарослях густых.
Они плывут по липовой аллее.
Течёт по небу звёздная река.

Его вдруг горячей волной окатило.
 Он силился сдерживать натиск волны,
 но лодку швыряло
 и вдаль уносило,
 и чувства их были как ветер вольны.
 – Мария Гавриловна, ...
 Машенька, ...
 Маша...–
 Она приложила свой палец к губам:
 – Молчите!
 Сегодня – русалка я Ваша.
 Купальская ночь
 предназначена нам.
 Входите в мой пруд,
                         будем славить Природу.
 Зарю, как язычники, встретим вдвоём...
 Луна белой птицей
                         спустилась на воду,
 их тени накрыв серебристым крылом.

«... только любовью...»

В селе проснулись петухи.
 За окнами светает,
 а Мастер дивные стихи,
 раскрыв тетрадь, читает.
 Из тайников его души
 слова в молитвенной тиши
 плывут, подобно грёзам:
 «...как хороши, как хороши,
 как свежи были розы!...».
 «Деревня», «Воробей»,
 «Христос» –

венки шипов и нежных роз,
чарующие звуки!
Она, сдержать не в силах слёз,
протягивает руки:
– Иван Сергеевич, Вы – Бог!
Вы, несомненно, гений,
шагнувший мыслью за порог
высоких откровений.
Для Вас доступна глубина
пророческого слова.
И жизнь, и смерть – судьба одна!
Любовь меж ними вплетена,
она – всему основа.
Смерть нити крепкие снуёт
и расставляет сети;
любовь к спасению ведёт,
она сильнее смерти.

– Да, только ею, милый друг,
любовью, только ею,
приводится в движение круг,
в котором речка есть и луг,
деревня, где поёт петух,
где я без Вас старею...
Тургенев отложил тетрадь
и взяв актрисы руку,
своих волос пригладил прядь.
Она в ответ – ни звука!
Прижалась вспыхнувшей щекой
к его груди широкой.
И ...всё заполнила собой,
как заполняют пруд весной
живой воды потоки.

Зыбкие грани

1.

Мысли – как осы.
Жалят – так остро!
Каждая в сердце –
        жгучая боль!
Наземь повалены
        в молодость вёрсты.
Разница в возрасте – едкая соль!
«Боже,
        зачем же ты стёр эти грани,
что не давали приблизиться мне
к плоду запретному, даже в тумане,
даже в сладчайшем предутреннем сне?

Бедное сердце рвётся на части...
Ради минуты безмерного счастья
бросился в этот манящий огонь.
Впрочем, зачем я противлюсь природе?!
Годы как вёрсты, но дело не в них.
Просто, скажи себе: «я старомоден,
дружба мужчины и женщины – миф!»
Чувство любви нам даруется свыше.
Значит, не вправе я сердце казнить,
если под этой цветущею вишней
корню усталому хочется жить....»

2.

В комнате Савиной окна зашторены.
Запах духов ароматных висит.
Руки и волосы – в разные стороны.
Гостья с блаженной улыбкою спит.
Душу её не терзают сомнения.
Что наша жизнь? –
        пролетающий миг.

Словно «богиня» ваятеля гения,
спит, отдыхая от дел неземных.

Нежные щёки румянцем украшены.
Дышит, вздымаясь, белая грудь...
Спасские ночи, легендою ставшие,
им никогда уже вас не вернуть.

3.

Холодное утро туманное.
Туманный ответ на вопрос.
Разлука «с улыбкою странною»,
без нежных объятий и слёз.

В потухших глазах – равнодушие...
Свистит паровозный гудок.
И от поцелуя воздушного
холодный струится дымок....

Уехала, славой увенчана.
Оставила на сердце боль,
сыграв в мелодраме
«Тургенев и женщины»
свою гениальную роль.

(ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

В старинный парк, волнуясь, захожу.
Кричат грачи над самой головою.
И от ограды шустрый майский жук
ведёт меня по тропке за собою.

В густой тени деревьев вековых
стоят снопы полуденного солнца.
И бабочки сверкают среди них,
и редких паутинок волоконца.

А как свежо!
Ведь в кои веки я
дышу так вольно, воздухом пьянящим
и упиваюсь трелью соловья,
что ручейком звенит в зелёной чаше.

Я ухожу от пруда не спеша.
Ещё дымится влажная тропинка.
И кажется: очистилась душа,
как под дождём зелёная травинка.

СУДЬБА СИМФОНИИ – СИМФОНИЯ СУДЬБЫ

Поэма

*150-летию автора знаменитой русской симфонии № 1
(соль минор), орловцу Василию Сергеевичу Калинникову
(1866-1920), посвящается.*

ПРОЛОГ

Не знаю, кто ты, мой читатель, –
Заезжий гость иль коренной
Орловских улиц обыватель,
Живущий рядышком со мной.
Не важно. Я хочу с тобою
Времён завесу приподнять,
Чтобы пройти судьбы тропюю,
Того, чьим именем порою
Мы любим гордо козырять.
Его мелодии, как птицы,
Для них границ державных нет.
Им покоряются столицы
И рукоплещут сотню лет.
Но так ли было изначально?
Увы! В короткую судьбу
Вместились радости, печали,
И горький привкус умолчаний,
Похожих больше на табу.
Сейчас Калининкова имя
Стоит в ряду больших имён.
Читатель мой, давай поднимем
Завесу тёмную времён.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – *Allegro moderato*

ПОБОЧНАЯ ПАРТИЯ

1.

Крым. Ялта. Пляжи опустели.
Декабрь тосклив, как старый пёс.
Уныло тянутся недели.
Настало время зимних грёз.

Дождь нудно сеялся сквозь сито
С утра зашторенных небес.
Больной чахоткой композитор
Смотрел с тоской на чёрный лес,

Покрыв пологий склон Авинды¹,
Сбегали сосенки к волне.
Мила картина с этим видом,
Но он сейчас хотел бы видеть
Пейзаж в орловской стороне.

Хрипато каркали вороны,
Летали низко, тяжело.
Василий, в думу погружённый,
Представил милое село:
«Родной до боли Первый Воин²,
Как не хватает мне порой
Зелёных рощ, просторов вольных,
Речушки Колы под горой,
Где казаки и однодворцы
В округе множили дворы;
Где не всегда под мирным солнцем
Взрослели стайки детворы;
Где и меня Господь однажды
Призвал для жизни в этот мир,
Наполнив сердце страстной жаждой,
Создать своей судьбы клавир.
В огромном музыкальном море,
В котором дна по сути нет,
Хочу, с великими не споря,
Оставить свой заметный след.
Я не тщеславен по природе.
Но, раз уж взялся ты за гуж,
Как говорят у нас в народе,
Не говори, брат, что не дюж.
Мне скоро тридцать, а в портфеле
(По сути, нечем козырять)

---

¹ Авинда – горная вершина близ Ялты (1473 м.).

² Первый Воин – село в 15 км. от г. Мценска Орл. обл., где родился В.С. Калинин.

Нет ни «отелло», ни «офелий» –
С десятком опусов тетрадь.
Но я-то чувствую, что сдую
Поднять большое полотно.
Не даром голову мне кружит,
Его искристое вино.
Оркестр – вот моя стихия!
В её просторе легче мне
Петь в полный голос о России
На симфонической волне.
Душа мелодиями бродит,
Как родниками пруд весной.
Но нет в их пёстром хороводе,
Пока, единственной одной.
Той самой нет, чтоб, как от печки,
Пошёл по горнице плясать.
Нет ручейка, что стал бы речкой,
Готовой к морю путь держать».

2.

Дождь перестал. Кричали гуси,
Взлететь пытаюсь с бугорка.
Луч солнца бил сквозь облака
И к чистым куполам тянулся,
Как Бога светлая рука.

Василий сразу вспомнил детство:
Улыбку добрую отца,
Который, при стеснённых средствах
И при отсутствии наследства,
Вводил в мир музыки мальчика.

Он бескорыстно в сельской церкви,
Когда свободен был от дел,
Регентовал¹.
По местным меркам
В уезде хор успех имел.

---

¹ Регентовал (был регентом) – управлял церковным хором.

По нотам петь учил родитель
Ребят и хмурых мужиков,
На радость бабушке Никите,
Что не жалел хвалебных слов.

Провинциальная глубинка
И скромный хорик приходской –
Та, изначальная тропинка
К вершине музыки большой.

3.

Не прост, однако, путь к вершине –
Извилист чаще и тернист.
Без верной женщины мужчине
(Будь он хоть трижды Паганини)
Легко со скал сорваться вниз.

А если в нём огонь недуга
Плоть пожирает, как свечу,
Быть и женою, и прислугой,
Увы, не каждой по плечу.

Калинников земное счастье
При жизни испытать успел:
Он в храм, с любимой обвенчаться,
На крыльях ангельских летел.

Её отец был настоятель –
Приход Дмитровский окормлял.
Любовь в евангельском понятии
С рожденья дочке прививал.

София стала другом нежным.
И переписчицею нот.
И терпеливой, и прилежной
Хозяйкой, в куче неизбежных,
Рутинных будничных забот.

Василий подошёл к супруге,
 На плечи руки положил:
 – Всё хорошо на этом юге,
 Но я бы долго здесь не жил.
 Когда бы не твоя улыбка,
 Когда бы не твоё тепло,
 Меня бы на рассвете зыбком
 Давно за горы унесло.

– Смени тональность, муж любезный,
 Глянь, солнце вышло из тени!
 Тебе ниспослан знак Небесный:
 Хандру работою гони!
 Я нынче слышала, как ночью
 Ты напевал мотив во сне.
 И записала, между прочим, –
 Вон, в той тетрадке на окне.
 Не знаю, как на вкус богемы, –
 С ней будь готов и на провал –
 Но мне сдаётся, эта тема
 Достойна всяческих похвал.

Набросив шаль жене на плечи,
 Василий развернул тетрадь:
 – Ты можешь это наиграть?
 Присядь, душа моя, к роялю,
 Я весь – внимание к тебе!

И струны тихо зазвучали,
 Они жилище наполняли
 Щемящей светлую печалью
 И эхом таяли в трубе.
 Закрыв глаза, он слушал молча,
 И мысль сверлила всё сильнее:
 «Прекрасней партии побочной
 Нет для симфонии моей!»

5.

– Что б без тебя я делал, Соня!?
 Сошёл бы от тоски с ума.
 Ты – моя главная симфония.
 Целитель и искусный маг.
 Мотив, рождённый этой ночью,
 Преподнести тебе хочу.
 Я эту пару нотных строчек
 В любимый образ превращу.

– Да полно, Вася, мне хватает
 Того, что ты всегда со мной,
 Что в доме музыка витает.
 Что кружат чайки над волной.
 Когда ты увлечён работой,
 В душе моей покой царит,
 И кажется, над каждой нотой
 Она голубкою парит.
 Я жду готовой партитуры
 И верю, ты покажешь в ней,
 Как скульптор в камне мощь фигуры,
 Всю мощь симфонии своей.

6.

И он работал вдохновенно,
 Совсем не думая о том,
 Что будет публика богемная
 В столицах говорить о нём.

Финал симфонии давался
 С трудом великим, но и он,
 В конце концов, «на милость сдался»,
 Как Бонапарт Наполеон.

Поставив точку, композитор
 Послал в Москву свой главный труд,

Чтоб дирижёрам знаменитым
Представил Кругликов¹ на суд.

Он в первых опусах орловца
Заметил зреющий талант
И вёл его как мудрый лоцман
Корабль в безбрежный океан.

Ему – учителю и другу –
Своё творенье посвятив,
Калинников назло недугу,
Хранимый Богом и супругой,
Был ожиданьем долгим жив.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ – Andante

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КВИНТЫ²

Профессор Римский-Корсаков – не в духе.
Видать, не с той ноги сегодня встал.
Спать не дала назойливая муха,
В родной консерватории аврал:
Пора экзаменов – сплошной «девятый вал».

Скорее бы промчалась эта буря!
А тут ещё покоя не даёт
Навязчивая мысль о партитуре,
Которая его оценки ждёт.

И наконец, раскрыв к концу работы
Увесистый, со штемпелем пакет,
Он скрупулёзно покопался в нотах,
И тут же набросал в Москву ответ:

---

¹ Семён Николаевич Кругликов – муз. критик и преподаватель муз. драматического училища, где учился В. Калинников.

² Запрещённое в классической гармонии движение двух голосов.

«Небезызвестный музыкальный критик,
Дражайший друг мой Кругликов Семён!
Ты весь наполнен жаждою открытий
Доселе незнакомых мне имён.

В который раз внимательно листаю
Злосчастную симфонию g-moll,
И чувство недовольства нарастает,
Как от погоды слякотной зимой.

Ты просишь у меня благословения.
Но «дать сей русской музыке добро»
При всём к тебе огромном уважении,
Увы, не поднимается перо.

Симфония скучнейшей оказалась.
И я бы исполнять её не стал.
А ты, к больному проявляя жалость,
Уже вознёс его на пьедестал.

И это при твоём отличном вкусе
И безупречном критика чутье.
Да, партитура в целом «дышит Русью»,
Но дышит не на должной высоте.

В ней, видит Бог, неграмотность такая,
Что править надо сразу в две руки.
В аккордах то и дело натыкаюсь
На грязь и параллельных квинт штыки.

Ошибками, усеяны страницы,
Которых ты не видишь.
Нет уж! Нет!
Сей труд зимой в растопку лишь годится,
А не «пленять своим искусством свет».

Хотя насчёт мелодики не спорю,
Она не режет грамотных ушей.

А вот за квинты, братец, – ей же ей! –
Готов учеников консерватории
На улицу из класса гнать взащей.

Калиникову знаний не хватает.
Но раз уж к форме крупной тяга есть.
Пусть мои учебники читает,
Чтоб легче было в эту гору лезть.

Я сожалею, друг мой, что на рану
Не порошок целебный сыплю – соль.
Превозносить Калининкова рано,
Слаба его симфония g-moll».

Услышав трель звонка «на перемену»,
Он бросил взгляд на нотную тетрадь,
Как будто строгим видом дал понять,
Что опус этот на столичных сценах
Уже никто не будет исполнять.

РЕКА НЕПОНИМАНИЯ

Письмо недолго шло из Петербурга.
Москва – не Ялта, почта – как часы.
Мяукнувшая в кресле кошка Мурка,
К двери входной направила усы.

Хозяин дома сразу оживился:
То верный знак – за дверью почтальон.
И в тот же миг звонок в сенях залился,
И на пороге показался он.

В мундире синем, в форменной фуражке,
Увесистые сумки по бокам –
Газеты, письма, важные бумажки...
И ...нестерпимый запах табака.

С трудом пытаюсь сдерживать дыхание,
Приняв пакет, дал Кругликов «на чай».
И почтальон, обласканный вниманием,
Развёл руками: «Барин, не серчай!»

Открыв письмо из Северной столицы
Читать не стал. Он сразу понял: в нём
«Добро» на нотный труд, как говорится,
Не сыщешь даже белым днём с огнём.

– Профессор Римский-Корсаков (чистюля,
Во всех своих делах аккуратист)
Сидел, видать, на очень шатком стуле,
На партитуру глядя сверху вниз.

И тут не надо быть большим экспертом,
Всё ясно! – Он подал письмо жене. –
Неровный почерк автора конверта
Уже ответ подсказывает мне.

– Вы с ним друзья, Семён, тебе виднее. –
Жена раскрыла сложенный листок.
Прочтя, сказала: – Возражать не смею,
Он к автору симфонии жесток.

Увы! Две композиторские школы,
Как фермы разведённого моста:
На разных берегах, при двух престолах,
У них одна и та же высота.
Но степень отношений непроста.
– Да, ты права.
Меж двух консерваторий
Течёт непонимания река.
Мне кажется, что вся эта история,
Обречена на общую викторию¹,
Которая уже не далека.

---

¹ Victoria (лат.) – победа.

Москву Европа жалует охотно,
Чайковский уж полмира покорил.
И Петербург для дальних перелётов,
Как юный сокол, крылья отрастил,

Но утонул в новациях повальных:
Восток, Кавказ, стиль модный «а-ля рус»¹.
Москва же, как всегда, патриархальна –
На классике оттачивает вкус.

И в этом корень стойких разногласий.
Отсутствие желания понять,
Того, кто не у Корсакова в классе
Учился партитуры сочинять.

Нет слов, мой друг известный композитор
И мастер оркестрового письма
В гармонии классической – Юпитер²,
Вся жизнь его – гармония сама!

Хотя и не кончал консерваторий,
Но педантизм врождённый отточив,
Он покорял и штормовое море,
И в море музыкальном не почил.

– Твой ученик, Калининков, ведь тоже
Школ важных музыкальных не кончал.
– Да, в этом смысле судьбы их похожи,
Обоих «в уши Бог поцеловал».

У русской музыки одна есть мать – Россия.
И спор о том, где родилось дитя
И чей отец умней был и красивей,
Не стоит отсечённого ногтя.

Мелодия, рождённая под Мценском,
Я верю, вольной птицей воспарит.

---

¹ a la russe (фр.) – в русском стиле.

² Юпитер – верховное божество в греч. мифологии. В данном случае – непрекаемый авторитет. (В.С.)

Ей по плечу обнять простор вселенский,
И мир душою русской покорить.

Симфония не просто Русью дышит –
Она поёт Руси Великой гимн.
Как жаль, профессор этого не слышит
И не даёт возможности другим.

– А что же те, к кому ты обращался
И партитуру почтой отправлял?
– Один лишь Виноградский¹ отозвался,
Симфонию исполнить обещал.
Но это только в будущем сезоне.
И Киев – не богемный стольный град,
Где духу русскому на музыкальном троне
Пока ещё никто у нас не рад.

Как объяснить Калининкову это?
Он безнадежно болен и раним.
А в планах симфонических концертов
Висит судьбы дамоклов меч над ним».

И Кругликов в посланье за посланьем
Пытался петербуржца убедить,
В том, что своим глухим непониманием
Он автору обрежет жизни нить.

Его «добро» надежду дать могло бы
И руки дирижёрам развязать.
Авторитету самой высшей пробы,
Никто, ведь, не посмеет возражать.

Ответы были все в едином духе –
В них между строк сквозило слово «Нет!».
Профессоров кусают тоже мухи
В разгаре лета и под старость лет.

---

¹ Дирижёр киевского симфонического оркестра.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ – Scherzo

1.

Над партитурой меч Дамоклов.
На волоске коротком жизнь,
Но сквозь распахнутые окна
Звеняще входит неба высь.

Два долгих года в ожиданье.
Два долгих года – в нищете.
И вот пришёл конец страданиям –
Свет показался в темноте.

То был триумф!
И первым Киев
С восторгом автора качал,
«Ура!» симфонии кричал.
Она пошла по всей России,
Переходя из зала, в зал.

Всё было, словно в темпе Presto¹.
Ведь русской музыки душа
Расправив крылья над оркестром,
Мгновенно находила место
В тех, кто внимал ей чуть дыша.

Рукоплескала заграница –
София, Вена, Бухарест...
И только русские столицы,
Благодаря известным лицам,
На ней поставили свой крест.

Но всё стремительней сжимался
В кольцо короткой жизни круг.
Судьбе маэстро не сдавался –
Старался побороть недуг.

---

¹ Presto (ит.) – быстро, скоро.

Пока перо держали пальцы,
Он правил нотные листы
И не считал себя страдальцем,
Не покорившим высоты.

Лишённый чувства укоризны,
Не телом – духом был сильней.
Ему судьба в короткой жизни
Дарила истинных друзей.
Сергей Рахманинов ворвался,
Как майский ветер в скромный быт.
В лампаду, гаснущую, масла
Он щедро подливать старался,
Заставив про недуг забыть.
Талант и молодость сверкали
В нём, как на горных склонах снег,
Он, словно маг из зазеркалья,
Вернул в жилище друга смех.

Здесь столько музыки звучало,
Как никогда до сей поры!
Дом словно стал концертным залом,
Где мастер, сросшийся с роялем,
Творил нездешние миры.

Своим бурлящим оптимизмом,
Избытком неуёмных сил,
Своей загадочной харизмой
Он друга словно окрылил.

Второй симфонией отмечен
Короткий творческий союз.
Рахманинов взвалил на плечи
Её судьбы дальнейшей груз.

Он понимал: маэстро скоро
Услышит зов трубы с Небес.

И отзовутся эхом горы,
И не заглушит эхо лес.

Готовит косу смерть-старуха,
Нет берегов от неё.
Она заходит в дом без стука
И дело делает своё.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ – Финал

Вот так однажды на рассвете,
Когда снаружи по стене
Крылами бил январский ветер,
Василий вдруг сказал жене:

– Ты знаешь, Соня, ночью длинной
Мне часто видится скамья,
На ней с тетрадью нотной – я.
Над головою куст калины,
А рядом мальчик ...Тоже – я.
Руками дудочку сжимая,
Я подношу её к губам
И наперёд как будто знаю:
Сейчас мелодию сыграю,
Что сочиню когда-то сам...

София подошла к роялю,
Раскрыла с нотами клавиш.
И ...молоточки застучали.
Они покорно извлекали
Из струн мелодию печали,
А за стеною ветер выл.

– Играй подольше, друг сердечный,
Я подремлю... Я так устал!.. –
Закрыв глаза, он встретил вечность
С улыбкой мягкой на устах.

ЭПИЛОГ

Ну вот и всё, мой друг читатель.
Мы прикоснулись к именам,
На коих Вышний наш Создатель
Свою печать поставил сам.

Бог судия. И мы не вправе
Кого-то в чём-то обвинять.
Они ушли от нас во славе,
Перед судом Его предстать.

Талант всегда неповторимый.
Он, словно чудо из чудес.
Орёл Калининкова имя
Хранит, как дивный дар Небес.

И помнит сына мать Россия,
В его симфониях она
И величава, и красива,
И благородна, и сильна.

01.02. 2016 г.

ОКЇ И ДОНА ЧИСТАЯ ВОЛНА

Поэма

*150-летнему юбилею писателя, педагога, государственного
и общественного деятеля России, донского казака Фёдора
Дмитриевича Крюкова, посвящается*

ПРОЛОГ

Читатель мой, земная книга судеб
Полна следов от вырванных страниц.
Без них мы часто о прошедшем судим,
Как о заре по всполохам зарниц.
И потому, охотно мифам верим,
Их сами с удовольствием плодим.
Ломаем копыя и ломаем перья,
Когда, вдруг, миф рассеется как дым.
Но жизнь без них была бы скукой серой,
Как и без песен, сказок и легенд.
Я в этом жанре далеко не первый,
Поэма – не архивный документ.
В ней вымысел и правда ходят рядом.
И не вступают в спор из-за межи,
Как тот сосед, что из-за пары грядок
Готов со свету родича изжить.

Герой повествованья, несомненно,
В ряду великих должен быть имён,
Но книга судеб мылась в водах пенных
И в революционных переменах
Он был в другую книгу занесён.
Уже спадает пелена забвенья,
Становится надёжней правды щит,
Но не было обряда омовенья
И от засохшей пены очищенья
Его высокий голос не звучит.
Читатель мой, внимая сердца звукам,
Давай с тобой – не тратя лишних слов –
К портрету, под названьем «Фёдор Крюков»,
Своих добавим парочку штрихов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОЩАЙ, ОРЁЛ! (год 1905)

*«Ой, заскучал лихой казак по дому,
Коню на гриву повод уронил».
(Старинная казачья песня.)*

На старинных улочках Орла,
Под звонок неспешного трамвая,
Осень в пору зрелости вошла,
Золотом дорожки осыпая.

Сизый дым над крышами домов
(Жгут костры орляне в огородах).
Так похожи рукава дымов
На коней, что пьют из речки воду.

Колоколен чистый перезвон –
Звуки детства, сердцу дорогие,
Благовеста глас протяжный – «Доннн!»,
Вызывает чувство ностальгии.

Вид коней волнует казака,
Заставляя сердце чаще биться.
Мысль одна – вскочить на дончака¹,
По степным скакать солончакам,
К синю Дону, до родной станицы.

Там коровы на базах мычат.
Там парное молоко под вечер,
Разбавляют бабы для внучат,
Ароматом колоритной речи.

В ней – и тонкий запах ковыля,
Чернобыли горечь, сладость мяты... –
То, чем вольно дышит конь храпатый

---

¹ Дончак – порода лошадей.

И старик, сигаркою дымя
С лебедой воюющий за хатой.

Тень улыбки прячется в усах,
С появлением сгорбленной соседки.
Лет под сто на жизненных часах,
Ну а глаз – как в юности – в разведке.

Заломив фуражку набекрень,
Лихо палец сунув за ремень,
Сгорбленной старушечке
Выдаёт частушечки:

«А я милашечку свою
Ды по походке узнаю´.
У неё походочка –
Ды словно в море лодочка.

Эх, ма! Кутерьма!
Где мой конь каурый?
Где ты молодость моя,
Стройная фигура?»

Баба Нюра палкою трясёт,
Но глаза становятся добрее:
«Не балуйся, старый лысый чёрт!
А не то, я тя зараз¹ огрею!»

Этих ярких жизненных картин,
Что в глубинах памяти роятся,
Хватит на роман – и не один.
За большое дело надо браться.

Истоцал писательский портфель
Без обильной животворной пищи:
Ест рыбёшку, что плывёт на мель,
А готов осилить и сомища.

---

¹ Зараз – сейчас.

Так, в раздумьях, шёл казак донской
Вдоль оград по улочке старинной,
С юных лет обвенчанный с тоской,
По родной земле своей былинной.

Хороша красавица Ока!
Но отрады нет в душе без Дону!
Потому, что Дон для казака,
То не просто вольная река,
Дон – в конце пути – дорога к дому.

Он двенадцать лет здесь пел о нём,
На рассказах набивая руку.
И теперь прощается с Орлом,
Овладевший мастерски пером,
Признанный писатель – Фёдор Крюков.

В переулках тихих городских
Он листает памяти страницы,
Где прошедшей жизни каждый миг
Отражён в событиях и лицах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. МЫСЛИ ОБ ОПАЛЕ И ЗАБВЕНИИ

Вот и домик, где с отцом не раз
Жарко спорил молодой Ермолов,
Перед кем воинственный Кавказ
Остудил свой пылкий горский норов...

Генерала жёсткая рука
Флаг российский славой покрывала.
В мирной жизни, распустив войска,
Он попал, за жёсткость языка,
В царскую немилость и опалу.

Правда – редкий праздник для ушей.
Им куда приятней сладость лести.
Будь готов – кто породнился с ней –
Принимать судьбы удары с честью.

2. ПЕРО – В РЕБРО

Крюков остро чувствовал нутром,
Что его судьбу ждёт та же участь:
Если не при жизни, то потом
Червь забвенья душу будет мучить.

Не язык, так жёсткое перо
Может стать причиной опалы.
Здесь, в Орле, кому-то под ребро
Остриё его уже попало.

Шепоток в гимназии мужской
Сквознячком язвительным струится:
Сочиняет, мол, казак донской
О своих коллегах небылицы.

Помещает опусы в журнал.
Говорят – и книга издаётся.
Все, кто эти «пасквили» читал,
Стороной обходят «крюкотворца».

Видно, точно заслан казачок
Расшатать привычные устои.
Стало быть, болтливый язычок,
Отпускать на волюшку не стоит.

Давит чёрной завистью коллег,
То, что любят Крюкова подростки,
Отделив заботливо от тех,
Кто мишенью стал для шуток плоских.

В памяти своих учеников,
Он остался мудрым педагогом,
Без нравоучительных «кнутов»
И без «гаек» дисциплины строгой.

Вот они, весёлою гурьбой,
«Митрича» приветствуя с поклоном,
В сад спешат публичный городской.
Нынче там закрытие сезона.

Это место, более всего,
Памятным осталось для него.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. МЕСТО ПАМЯТНЫХ ВСТРЕЧ

Горсад – что улей! День воскресный.
Оркестр играет полковой.
Набор мелодий, всем известный,
Разносит ветер озорной.

Вздыхают томные валторны.
Гнусавя, вторит им фагот.
Кларнет, как франт во фраке чёрном,
Красивым голосом поёт.

В согласье с флейтой и трубою,
Выводит соло баритон...
Плывёт над тихою Окою
Старинный вальс «Осенний сон».

Вот также, в памятное лето,
Как дуновенье ветерка,
Под звуки страстные кларнета,
Любовь коснулась казака.

2. «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Она на лавочке сидела,
Под тенью липы вековой
И в томик Пушкина глядела,
Не замечая никого.

Судьба Людмилы и Руслана,
На двух страницах замерла.
Казалось, мысль о них не главной
Для этой женщины была.

С лица исчез налёт печали,
когда казак напротив сел.
Они уже не раз встречались,
Но он, банальными речами,
Тревожить барышню не смел.

И как всегда, раскрыв тетрадку,
Взяв из-за уха карандаш,
Легко набрасывал украдкой
Её лица весёлый шарж.

Она была мила собою.
На вид, чуть больше двадцати.
Им столько лет пришлось обоим
До этой лавочки идти.

Но шаг последний – самый трудный.
Здесь кто-то должен быть смелей,
Чтоб скрытым чувствам обоюдным
Дышалось чуточку вольней.

Обычно, завершив рисунок,
Клал рядом с ней – и уходил.
Но в этот раз его рассудок,
Порывам чувств благоволил.

Один лишь Бог Всевышний знает,
Какую надо тронуть нить
В душе, чтоб молодой прозаик
Стихами начал говорить:
«Как жаль, – вы не моя Людмила!
А я, увы, не Ваш Руслан.

И нас двоих не уносило,
В любви бурлящий океан.

Несли нас разные течения.
Был свой у каждого причал.
Я строк своих стихотворений
Вам никогда не посвящал.

Не грел в крещенские морозы
В своих ладонях Ваших щёк.
И даже утренние розы
Дарить в день ангела не мог.

А нынче я – невольник слова,
Готов, кандалный звон цепей,
Считать рефреном песни новой,
Для Ваших ангельских ушей.

Да, жаль! Вы не моя Людмила.
А я не Ваш Руслан. Увы!»
Но разве есть на свете сила,
Чтоб казака остановила,
Когда ему свиданье с милой,
Фуражку сносит с головы!?»

Она никак не ожидала,
Таких рифмованных страстей.
Об этом в книгах лишь читала,
Но, чтобы так вот... лично с ней...

И не скрывая удивленья,
На миг короткий замерла.
Но быстро справившись с волнением,
Впервые голос подала:

– А Вы, казак, поэт, однако.
Должна талант Ваш оценить:
Экспромтом в лобовой атаке
Непросто женщину пленить.
– Благодарю! Польщён! Но сразу,
Хочу Вас огорчить слегка –
Я не поэт, пишу рассказы.
К бумаге и перу привязан,
Как к берегам своим Ока.

Скажите, прав я, полагая:
Вы – офицерская жена?
Не зря ж «атака лобовая»
В Ваш милый говор вплетена?

– Да, это правда. У супруга
Высокий генеральский чин.
Грудь в орденах – всё по заслугам.
В отставке обзавёлся плугом,
В наследство землю получив.

Но, не лежит душа к деревне.
Заядлый карточный игрок,
Он, искущённый страстью древней,
Совсем в деревне занемог.

Гудит, как шмель: «Скорей бы в город!»
И не торопится назад,
Пока не утолит свой голод,
Впадая в карточный азарт.

Все дни проводит за игрою:
Семёрка,
    дама,
        туз, валет...

А я у пушкинских героев
Ищу поддержку и совет,

Как жить, когда мечтой о счастье
Искусно правит Дама Пик?
Увы! Мы все – под жёсткой властью
Её коварства и интриг.

Она вдруг улыбнулась мило,
Отправив «Пушкина» в карман:
– Простите, я Вас утомила! –
И руку протянула: – Мила!
А Вы, случайно, не Руслан?

– Моё почтение! Фёдор Крюков.
В Орле – из области Донской.
Пытаюсь приобщать к наукам
Ребят в гимназии мужской...

Прощаю часто им проказы,
Ведь надо брать, всегда в расчёт,
Что без родительского глаза
Куга¹ зелёная» растёт.

Так называют малолеток
В донских прибрежных хуторах.
Язык казачий очень меток –
Весь сложный возраст – в двух словах.

Изрядно стоит потрудиться,
Чтоб к ним понятие пришло:
Птенец тогда лишь станет птицей,
Когда он сможет научиться
Держать уверенно крыло.

---

¹ Куга – прибрежная растительность с острыми, ребристыми побегами.

– Хороший, видно, Вы учитель.
К тому же, мудр не по годам.
Семья есть... дети?
– Не взыщите,
Я не женат ещё, мадам. –
Так, постепенно погружаясь
В непринуждённый разговор,
Они друг в друге растворялись,
Убрав невидимый забор.

Но время жаль неумолимо.
И, как всегда, его – в обрез.
Диск солнца, временем гонимый,
Уже спускается за лес.

И Мила, вдруг, очнулась будто
И покачала головой,
Подумав: «Как летят минуты,
Когда любезный друг с тобой!»

А вслух сказала:
– Дети – с няней,
А я прилюдно, белым днём,
От генерала мужа втайне,
С донским флиртую казаком.

Простите, Фёдор, но пора мне!
Не знаю, встретимся ль опять.
Я не хочу, чтоб кто-то камни
В Ваш огород пошёл бросать.

И одарив его улыбкой,
Чувств неожиданных полна,
Как золотая чудо-рыбка
В толпе растаяла она.

А он стоял, как онемевший,
Не в силах слова проронить.

С любовью Дону гимны певший,
Он мог и женщину любить,

С таким же чувством восхищенья
Её природной красотой.
И с тем же трепетным почтеньем,
К нелёгкой миссии земной –

Быть продолжательницей рода,
Мороз ли... снежная ль пурга... –
Хранить в любое время года
Тепло родного очага.

3. ПАРАДОКСЫ СЧАСТЬЯ

Бог дал возможность им встречаться.
И в эти редкостные дни,
Минуты истинного счастья
Могли испытывать они.

Потом он писем ждал коротких
И все их помнил наизусть.
Порою в них звучали нотки,
Что вызывали в пальцах хруст:

«Души не чаю в ребятишках.
Однако, более всего,
Жалею маленького Гришку...
Похож – сам знаешь, на кого».

В последний раз она весною
Была в Орле со всей семьёй.
С тех пор так часто сердце ноет:
Растёт казак, родной по крови,
А по фамилии – чужой.

Но жизнь – сплошные парадоксы,
От коих вверх взлетает бровь:

Он сам воспитывает хлопца,
В ком не течёт казачья кровь.

Безвестной матерью-кукушкой,
Подброшен был в подъезд зимой
Младенец, спящий на подушке,
В простой плетушке лозовой.

Тот случай пищей стал для слухов.
Но все формальности пройдя,
Советник статский Фёдор Крюков,
Усыновил-таки дитя.

Могло всё обернуться драмой.
Однако есть на свете Бог:
Сестрёнка стала крёстной мамой...
У сына есть родной порог.

Есть и фамилия донская.
Есть имя-отчество мальчика.
И не согнёт молва людская
В нём дух приёмного отца.

Увы! Но так и не случилось
Ему обнять в последний раз
Того, с кем сходство проявилось
«В чертах лица и в цвете глаз».

Ведь не был в планах мужа Милы
Прощальной встречи краткий миг.
Скорей всего, тут проявила
Своё коварство Дама Пик.

ЭПИЛОГ

Догорает медленно закат.
Над Окой туман клубится сизый.
Монастырский яблоневый сад
В нитях паутин, как в белых ризах¹.

Высоко над крышами домов,
Словно кони, что бегут в ночное,
Рукава гривастые дымов
Улетают в небо голубое.

В стороне от шумных мостовых,
На дорожках тихих переулков,
Пишет осень золотом листвы
Памятный автограф – «Фёдор Крюков!»

Через 15 лет Фёдора Дмитриевича Крюкова не стало. Судьба рукописей его неоконченного романа до сих пор неизвестна. Она обросла легендами, мифами... Об этом спорят, ломая копья и перья, профессионалы и любители. Но это уже другая история.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ ИСПОВЕДЬ СТАРОГО ПОРТФЕЛЯ

*«Что ж ты вьёшься чёрный ворон над моею головой?!
Ты добычи не дождёшься, я казак ещё живой».*
(Старинная казачья песня)

1.

Я был обычным кожаным портфелем,
Когда меня купил один из тех,
Кому, в его, бесспорно, важном деле,
Уже светил заслуженный успех.

---

¹ Риза – верхнее облачение священника, надеваемое во время богослужения.

Он был писатель, Дону певший славу.
Кто род казачий, как никто, воспел.
Но, к сожаленью, труд свой самый главный
На суд всеобщий выдать не успел.

Он ежедневно добавлял страницы,
К тому, что я уже оберегал.
И никогда в поездках по столицам,
По хуторам казачьим и станицам,
Меня из рук своих не выпускал.

Я был свидетель важных разговоров,
О судьбах мира в гибельной войне...
Но и в минуты самых жарких споров,
Не забывал хозяин обо мне.

Он доверял портфелю все секреты.
Ведь только я секреты мог хранить.
Вот так, вдвоём, мотались мы по свету,
Пока судьбы не оборвалась нить.

2.

В то время Дьявол Красный правил балом.
И братья в братьях видели врагов.
И на скаку «декретом» вышибало,
Из сёдел, непокорных казаков.

Хозяин мой – таким был человеком.
И в то же время – ангел во плоти!
И потому, с жестоким новым веком,
Не находил единого пути.

Владея словом, как и острой шашкой,
Казак донской умел рубить сплеча.
Я часто слышал, как вздыхал он тяжело,
В роман свой погружаясь по ночам.

О чём мечтал, во что так верил свято –
Своим героям вкладывал в уста...

.....

В глухую ночь, в тревожный год двадцатый,
Когда метель укутывала хаты
И выл за дверью старый пёс лохматый,
Перо застыло посреди листа.

3.

Что было дальше, помню смутно очень.
Всё через плотный видится туман:
Последние страницы рвались в клочья...
Меня в холодный бросили чулан.

А утром кто-то шарил воровато
В моих карманах парой грубых рук.
И недовольно выругавшись матом,
Повесил на большой железный крюк.

И слава Богу!
Недоступный крысам,
Я рукопись от гибели сберёг...
Писатель снежным саваном укрылся.
А что роману уготовил рок?

4.

Сперва, о ставшем сиротой портфеле,
Никто не вспомнил после похорон.
Я на крюке висел.
Шли дни... недели...
Друг дружку крысы в том чулане ели...
О! То был тяжкий, беспробудный сон!

Однажды ночью был мне странный голос,
Похожий на шипение ужей.

Злорадствуя, шептал в чулане полоз:
«Я ключ к тебе давно искал уже.

Назначен Шорох¹ автором романа.
Взойдёт на небесах его звезда.
А истина покроется туманом,
На долгие грядущие года.

Кто был фигуры яркой жалкой тенью,
Тот на Олимп сияющий взойдёт.
Ему при жизни – громкий титул «Гений!»
Ему при жизни – Слава и Почёт.»

Всё было так, как голос напороочил:
На шумной свадьбе сына торгаша,
Отец невесты, меж подарков прочих,
Вручил меня и, тяжело дыша,
Сказал: «Здесь – друга моего душа.

Она, как Дона Тихого водица, –
Живым ключом в ней жизнь народа бьёт.
Храни, зятёк!
Надеюсь, пригодится,
Когда воспрянет вновь казачий род».

Я, в те года, потрёпан был изрядно.
И молодой жених, от «горько!» пьян,
Чтоб не испачкать свой костюм парадный,
Меня ногой задвинул под диван.

Шумела свадьба.
Гости ели, пили.
Орал хрипато старый граммофон...
Спустя два дня меня опустошили –
Ушёл в другое русло «Тихий дон».

---

¹ Шорох – тихо говорящий человек

Потом, среди других вещей ненужных,
Я много лет лежал на чердаке...
Портфели – мы тому лишь верно служим,
Кто крепко держит нас в своей руке.

Я навсегда запомнил эту руку.
Она была надёжна и крепка...
Да сохранится имя – Фёдор Крюков –
В скрижалях памяти потомка-казака –
На долгие грядущие века!!!

Орёл, 20.02.2018 г.

ЕГО ПЕВУЧАЯ ДУША

*Светлой памяти А. А. Крепких –
певца земли орловской – посвящается*

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ЮБИЛЕЙ (Вместо предисловия к поэме)

В довольно шумной и красочной череде мероприятий по празднованию 450-летия Орла, хватило места и времени, чтобы упомянуть и осветить многие исторические события и отдать должное делам тех, кто, как говорится, верой правдой служил некогда родному городу и тех, кто сегодня умножает его славу и делает краше. Цари и военачальники, писатели и музыканты, учёные и врачи, строители и педагоги... – это их («почётных» и «просто граждан») интеллекту и рукам мы должны быть благодарны, гордиться и не забывать, хотя бы, «во дни торжеств». Но, к сожалению, углубляясь в «дела давно минувших дней», мы, порой, не помним тех людей, имена которых ещё совсем недавно были у всех на слуху, а о делах их слава шла далеко за пределами земли орловской.

Александр Александрович Крепких (1941-1998) – Заслуженный работник культуры России, композитор, хоровой дирижёр – один из тех, чьё имя не было упомянуто в торжественных речах, а его 75-летний юбилей (1-го августа 2016 г.), аккуратно совпавший с юбилеем города, остался никем незамеченным. А ведь этот музыкант воспевал несколько десятилетий подряд «город мой над Окой», «любимый край орловский», Русь, Россию, будучи художественным руководителем известного во всей России Орловского русского народного хора профсоюзов. Не было, пожалуй, ни одного певческого коллектива на Орловщине, который не исполнял бы песен Александра Крепких и народных песен в его оригинальных обработках.

«Орловский край» (сл. Дм. Блынского), «Цвети, расти, берёзонька» (сл. Гр. Иванова), Русь (сл. Ан. Шиляева), или замечательные по мелодизму песни Крепких на стихи В. Катанова, В. Дронникова, С. Есенина, Н. Рубцова – это лирический гимн земле Тургенева и Фета, Бунина и Лескова... Это гимн и его земле, которая подарила нам замечательного самородка.

Как же быстро летит время! Кажется, совсем недавно он ходил по этим тихим переулкам; стоял на висячем мостике через Орлик, наблюдая за парой белоснежных лебедей; его можно было запросто окликнуть: «Привет, Саш!»; выпить по паре кружек пива и отвести душу за разговорами о судьбе России, о нелёгких временах, постигших русскую национальную культуру, народную песню; и вот минуло уже почти два десятка лет, как он ушёл. Ушёл в расцвете творческих сил. Прах его упокоился на старом кладбище, рядом с другими почитаемыми орловцами. Он остался в прошлом столетии, даже тысячелетии, а душа его продолжает жить в песнях – удивительно проникновенных, не крикливых, по-настоящему русских, глубоко патриотичных, без «ура!».

Любимой народной песней Сан Саныча, как называли своего руководителя участники русского народного хора профсоюзов, была «Stepь да степь кругом». Потрясающий, по своему эмоциональному воздействию, музыкально-поэтический рассказ о замерзающем в степи ямщике, был всегда «коронным номером». Сам он редко выходил на сцену в качестве дирижёра. Обычным местом во время выступления были для него кулисы, или крайнее сидение в первом ряду концертного зала, откуда, незаметно для зрителя, жестами, понятными только певцам, танцорам и музыкантам, он управлял этим сложным организмом. Но «Stepь да степь кругом», «Вот мчится тройка почтовая» или «Выйду на улицу», в его оригинальных обработках, – были исключением. Эти номера, где нюансировка, от тончайшего пианиссимо, до мощного форте, требовала от певцов высочайшего эмоционального и физического напряжения, Крепких дирижировал, стоя перед хором.

Он очень любил использовать неожиданные перепады от громкого пения к тихому и наоборот. В такие моменты и певцы, и слушатели получали внезапный эмоциональный шок, от которого подкатывал к горлу ком. Жесты его рук не укладывались в учебные дирижёрские схемы. Он, словно скульптор, высекал из огромной глыбы камня, только ему видимый образ. И когда этот образ обретал законченную форму, мастер, коротким жёстким штрихом подводил итог сделанной работе.

Напряжение спадало не сразу. Оцепеневший зрительный зал разряжался не вдруг, а провалившись на какое-то время в звенящую тишину. То же происходило и с хором. И только когда дирижёр поворачивался лицом к зрителям, весь, казалось, измождённый, как от тяжёлой работы и делал поклон, они осыпали его заслуженными аплодисментами. А он, с улыбкой стеснительного школьника, получившего нежданно-негаданно «пятёрку», протягивал обе руки к исполнителям, как бы говоря: «Да я-то тут при чём? Это их заслуга». И уходил за кулисы, давая возможность зрителям воздать должное певцам и музыкантам. Подходить к Крепких в это время никто не решался. Он сам пребывал ещё в том состоянии, в которое погрузил несколько минут назад переполненный зрительный зал.

Иногда на репетиции он, как бы в шутку, говорил: «Когда уйду...навсегда, спойте вместо траурного марша, «Степь да степь кругом». Я почему-то вспомнил об этом, когда Александр Крепких действительно ушёл, и уже – навсегда. Он, как тот ящик, замёрз в холодной, безмолвной степи одиночества. Весть о его кончине пришла из далёкой Америки, куда он ездил погостить у родственников. Его сердце, которое всегда было открыто для общения и не выносило одиночества, остановилось 11 марта 1998 года на безлюдной улице в тихой провинции штата Род-Айленд. Случись подобное в шумных орловских рядах... Но, увы! Америка – не Россия. Там просто так по улицам люди не ходят.

К тому времени у себя на родине он был уже, образно говоря, выброшен солёной перестроечной волной на пустынный берег отчуждения. Оставшись без своего детища – хора, которому бескорыстно отдавал свой талант и силы, он болезненно это переживал и как-то незаметно ушёл в тень.

Никто, из пришедших проститься с Александром Крепких, не увидел привычной траурной картины. Из-за океана прилетела небольшая урна с его прахом. Звучали в записи песни Крепких, в мастерски сделанных аранжировках его сыном, тоже Александром. Светило ласковое весеннее солнце. Оно переливалось, как в цветомузыкальной установке, в начищенных до блеска трубах военного оркестра. А с портрета,

украшенного весенними цветами, смотрел слегка смущённый Сан Саныч. Казалось, он как бы извинялся за причинённые хлопоты.

После, в разговоре с поэтом Виктором Дронниковым, родилась мысль о том, чтобы позаботиться об увековечении памяти этого замечательного человека, истинно русского музыканта – патриота, певца земли орловской. Мысль эту поддержали многие, кто знал Крепких. Можно было назвать его именем какую-нибудь новую улицу, или переулок, скверик у Оки или Орлика, организовать песенный фестиваль его имени... Но, как говорится, каждому овощу – своё время. Памятник отцу-основателю города, царю Ивану Грозному, появился в Орле только через...450 лет.

За прошедшие два десятилетия значимость вклада Александра Крепких в общенациональную русскую культуру начинает вырисовываться более весомо и зримо. Мы стали понимать, что его песенное творчество, в постперестроечные смутные десятилетия, было одной из тех соломинок за которую цеплялась, захлёбывающаяся мутным потоком шоу бизнеса, русская национальная культура. Сегодня народное творчество Орловщины уже не мыслимо без песен Крепких. Их эмоционально заряженная, положительная энергетика, словно колокольный звон очищает окружающее пространство от всего дурного и чужеродного. Не случайно записи Орловского русского народного хора под управлением А. Крепких вошли в золотой фонд Всероссийского радио и телевидения. Недавно, усилиями родственников и друзей композитора, при поддержке Областного центра народного творчества и Союза работников культуры, увидел свет авторский сборник Александра Александровича Крепких «Привольный край России». В него вошли около ста песен и обработок народных мелодий для ансамблей, хоров и солистов. Это далеко не полное творческое наследие певца земли орловской, об истоках которого я хочу рассказать в стихах.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ САНЬКИ КРЕПКИХ

(Поэма)

ПРОЛОГ

Александр Крпких – младшему

Расскажи-ка, Саша, об отце,
То, о чём никто из нас не знает,
Ведь улыбку на твоём лице
Свет его улыбки озаряет.
С возрастом в движениях твоих,
В голосе, в суждениях о жизни,
Вижу я «Сан Саныча Крепких»,
Задолго до той печальной тризны,
О которой в шутку иногда
Говорил он, насладившись пением:
«Жизнь, ребята, – быстрая вода,
Трудно устоять в её течении.
Если я когда-нибудь умру,
А умру я точно – нету спору,
Вы со мной проститься поутру
Приходите всем народным хором.
Спойте песню «Степь да степь кругом».
И совсем не надо много грусти.
А потом священник, под псалом,
Пусть грехи земные мне отпустит.
И когда пойдёте не спеша,
Под оркестр не плачьте надо мною.
Пусть моя певучая душа
Светит вам, как солнышко весною».

Расскажи нам, Саша, об отце.
Расплетая памяти лозинки,
Неприменно вспомни о Ельце,
О родимой Войсковой Казинке,
Где, вдыхая запах спелой ржи.
Он встречал рассветы с петухами...

Всё, что помнишь, Саша, – расскажи!
Я рассказ твой изложу стихами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАК САНЬКА СПАСАЛ ОТ ФАШИСТОВ ГАРМОНЬ

Холодный декабрь сорок первого года,
К Москве рвётся рьяно фашистская рать.
Но, кажется, даже родная природа,
Неистово лютой морозной погодой
Готовится Гитлера планы сорвать.

Село наводнили чужие солдаты,
Звучала везде непонятная речь.
Озябшие, в тонких шинелях помятых,
Они занимали просторные хаты,
Где главной в мороз была русская печь.

Всё ценное грабили. Ели и пили.
Краснели от шнапса и жара печи.
Губные гармошки, как суки скулили...
Быльём поросли эти давние были,
Но что-то, порою, всплывает в ночи.

В семье с давних пор сохранилось преданье,
О том, как от немцев спасая гармонь,
Дед спрятал её под подушку Сани
В младенческой люльке, надеясь, что к тайне
Ворюга фашист не протянет ладонь.

Пелёнки менять не старались нарочно,
Чтоб фриц от постельки свой нос воротил.
«Елецкое чудо» и денно, и ночью,
Как будто святые нетленные мощи,
Малыш под головкой надёжно хранил.

На ней, подрастая, играл на матане,
На свадьбах, вернувшихся с фронта бойцов.
Мечтая о собственном тульском баяне
(И это осталось в семейном преданье),
Любую работу шёл делать с отцом.

Когда же мечта стала явью для Саньки,
Он ночь напролёт мог на клавиши жать.
Родитель ворчал: «Ты хоть дашь, Ванька-встанька,
Нам выспаться нынче спокойно с маманькой?!
Довольно меха полонезами рвать!»

Конечно, ругался отец незлобиво,
Он сам обожал на баяне игру.
К подворью Крепких вся округа ходила:
Жена под частушки дробушки дробила.
И сын – музыкант – был всегда на миру́.

За Санькой гурьбой увивались девчонки,
«Киношные песни» просили играть.
Жужжали над ухом, как майские пчёлки,
Но он, на шальные из глаз их иголки,
Баян и гармошку не смел променять.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗОВ КРЫЛАТОЙ МЕЧТЫ

Был Елец – старинный городок –
И село Казинка Войсковая,
Матушки Орловщины восток,
Нынче – запад липецкого края.

На таланты здешняя земля
Плодовита и щедра безмерно.
Всё в достатке – и потехи для,
И для крепкой Православной Веры.

Есть простор сметливому уму,
И для рук умелых есть работа.
Стало быть, и дело есть тому,
Кто душою потянулся к нотам.

Отрок Сашка к музыке прирос,
Но остаться «вечным самоучкой»
Не желал. И встал ребром вопрос:
«Кто ж – пахать, косить, таскать навоз,
Если сын вдруг станет белоручкой?»

Ты и так играешь хорошо!
Только жизнь – не праздник каждодневный.
Где работать думаешь, Сашок,
На заводе или здесь, в деревне?

Буду рад – подашься в токаря,
Там рубли – не трудодни в прорехе.
Там вставать ни свет – брат – ни заря
Можно только для большой потехи».

Внять житейской мудрости отца,
Мог бы Санька, но мечта – крылата!
Подошло, знать, время для птенца
Покидать родимые пенаты.

Улетел.
Ему, в пятнадцать лет,
Небольшой Елец был градом стольным,
Где в кармане тихий звон монет,
Заглушался звоном колокольным.

Баянист-хормейстер, год спустя,
Покидая курсы областные,
Счастлив был, как малое дитя,
Документ в руках держа впервые.

В Войсковой Казинке старики,
На печать серьёзную взирая,
Говорили: «крепкие Крепких!
Испокон, брат, кость у вас такая.

То, что ты на всех дудах игрец,
И коню понятно и кобыле.
Хорошо с гармонью – под венец,
Только дело выбрать, наконец,
Надо, чтоб в руках мозоли ныли».

Что ответишь старым казакам?
Их святая сельская наивность
Растеклась, как речка по векам,
Сохранив природную невинность.

Так, порой, и в песне простота,
По своей наивности, – сквозяща.
Но по родниковому – чиста
И душевна, и до слёз щемяща.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СТЕПЬ ДА СТЕПЬ КРУГОМ

Первый раз в Измалкове селе
Он сидел с баяном перед хором,
А мороз декабрьский на стекле
Рисовал белёсые узоры.

Пели песню «Степь да степь кругом»,
В ней ямщик, в дороге замерзая,
Просит сотоварища о том,
Чтоб не помнил зла. И чтоб по нём
Не страдала жёнушка родная.

«...И скажи ты ей слово прощальное,
Передай кольцо обручальное.
А ещё скажи, что в степи замёрз,
А любовь её за собой унёс...
Замолчал ямщик, слеза катится,
А в глухой степи вьюга плачется».

Подкатил внезапно к горлу ком
И слеза сверкнула на баяне,
Словно Сашка сам был ямщиком,
Замерзавшим в том степном буране.

Устыдившись «слабости» своей,
Капли слёз смахнул с баяна чубом,
И нажал на клавиши сильней,
Взгляд поймав солистки хора Любы.

Разошлись певицы в поздний час.
Баянист с солисткой вышли вместе.
Девушка сказала, щуря глаз:
– Саша, ты устраиваешь нас,
Выдержал экзамен нынче с честью.

Я твою заметила слезу,
И теперь без лишних слов мне ясно:
Выбрал сердцем ты свою стезю.
Только вот стыдишься чувств – напрасно.

В русской песне, что сложил народ
Есть где нашим чувствам разгуляться.
Верю я – тебя удача ждёт,
Надо только очень постараться.

«Умная! – подумалось ему. –
Говорит, как завуч в школе нашей. -
Вслух сказал: – Ну, что ж, совет приму,
Если рядом будешь ты, Любаша».

Девушка с Измалкова села,
Голосом красивым отличаясь,
Стать артисткой яркою могла,
Если бы с Крепких не повстречалась.

Случай был.
На смотр областной
Съехались певцы со всей округи.
Был на смотре том и наш герой,
Со своею будущей супругой.

Нина Константиновна Мешко –
Член жюри (...из Северного хора!),
Заявила: «Люба, – день на сборы!
У тебя талант! И он – бесспорный!

Обещать не буду гор златых,
Но, поедешь – сделаю певицей».
Тут вмешался в ход судьбы Крепких:
– Не поедет! Нам в краях своих
Надо музыкально опериться.

Север подождёт, сперва – Орёл,
Всё ж надёжней под его крылами.
– Жаль! – сказала гостя, сев за стол, –
Парень, вижу я, ты сам орёл.
Пусть звезда удачи правит вами!

Так, характер крепкий проявив,
(Ведь не зря ж казацкой был породы)
Он остался с той, кого любил.
Не на дни иль месяцы, – на годы.

Радостью земной наполнил дом,
Детский смех и песни в нём звучали...
Было это всё потом, ...потом.
Мы же говорим сейчас о том,
Что в судьбе их было изначальным.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

БАЯН, ТРОМБОН И РУКИ-КРЮКИ

Учиться музыке всерьёз,
Им, молодым, велело время.
На музыкантов спрос возрос –
Тянулась к городу деревня.

В стране задумали стереть
Различий грани вековые,
И этот груз со старых плеч
Переложить на молодые.

Орёл, однако, под крыла́
Принять двоих сопротивлялся:
Удача Любу обняла,
А Сашка за бортом остался.

Для баяниста – «не силён!
Нет надлежащей подготовки!»
Охотно брали на тромбон,
Но, понял сам, – не будет толку.
У педагогов хоровых,
Что благосклонны были к Любе,
К рукам, натруженным Крепких,
Свой оказался резкий штрих:
«Для дирижёра – слишком грубы».

И только через пару лет,
На «руки-крюки» не взирая,
Студенту выдали билет,
Успехов искренне желая...

Орёл, 2017 г.

ГАРМОНИ РУССКАЯ ДУША (ИЛИ ЛЮБОВЬ МОЯ – «ЛИВЕНКА»)

Поэма

*Посвящается Евгению Дербенко –
орловскому композитору,
Заслуженному деятелю искусств РФ,
основателю профессиональной
школы игры на русской гармонии.*

ПРОЛОГ

Простая русская гармошка
О громкой славе не мечтала,
Топтала сельские дорожки
И в старых городских кварталах,
На свадьбах пела, именинах,
На юбилеях и крестинах,
Шла с земляками на войну
И поднимала целину.

Но сцен больших концертных залов,
Где скрипки пели и рояли,
Гармошка русская не знала –
Её туда не допускали.
В репертуаре гармонистов
Ни Баха не было, ни Листа,
Ни чудных «танцев лебедей»,
Ни виртуознейших «шмелей».

Убрать несправедливость эту
К «невыездному» инструменту
Никто в России не пытался,
И лишь один однажды взялся
Большому миру доказать,
Что может здесь, под небом синим,
Своих гармонных «паганини»
Российская земля рождать».

Герой поэмы нашей – мастер!
Он не подковывает блошку,
Но превращает в птицу счастья
Простую русскую гармошку.
Он крылья дал ей для полёта
К высокой музыки вселенной.

Он путь открыл гармонии к нотам
Творений гениев нетленным.

«Тальянки», «хромки», «тулы», «вятки»
Со сцен столичных зазвучали.
Но, всё ж, давайте по порядку:
Мы предлагаем экскурс краткий,
К тому, что было изначально.
А посему, минуя даты,
Бесследно канувшие в Лету,
Перенесёмся в век двадцатый,
К его годам семидесятым,
Уже поэтами воспетым.

То было время интереса,
К тому, что предками копилось
И от прапращура Велеса
В народной памяти хранилось.
Там мэтры нынешние наши
Ещё без громких званий груза
Культуры ниву дружно пащут,
В глубинке братского Союза.

Времени пружина резко сжалась –
Полвека словно сдуло ветром.
Перрон орловского вокзала.
Час летней ночи предрассветный.
Толпе, что вышла из вагонов,
Меж лиц уставших, полусонных,
Есть человек – о нём сейчас
Пойдёт дальнейший наш рассказ.

ГЛАВА I. ГОД 1974-й

1. НАЧАЛО ПУТИ

Приехал в Орёл молодой музыкант,
С престижным столичным дипломом;
Искал благодатную почву талант
Вдали от родимого дома.
С тяжёлым баяном чехол за спиной,
Висел, как рюкзак альпиниста,
Что вздумал пройти над отвесной скалой
По узкой тропе каменистой
Туда, где Олимп музыкальный сиял –
Вершина мечты вековая...
Никто на перроне его не встречал.
Короткой дорогой, минуя вокзал,
Пошёл к остановке трамвая.

Орёл летним утром прохладен и чист,
На травах роса серебрится,
Приятен для уха и щебет и свист,
А глазу – улыбки на лицах.
Последняя гаснет на небе звезда
И первые лучики солнца,
Скользя меж опорами по проводам,
Стучатся в окошки орловцев.
Трамвай, совершив разворот на кольце,
Качаясь на узкоколейке,
По улочкам старым направился в центр,
Взяв с парня всего три копейки.

У сквера танкистов, где вечный огонь,
Он, стоя на площади Мира,
Искал, развернув над глазами ладонь,
Дом белый с эмблемою лиры.
Но символ искусства, увы, не венчал
Храм музыки с крышей покатою,
А то, что строитель-творец изваял,

Герой наш простыми словами назвал:
«Союз топора и лопаты».

По улице главной несутся авто,
Народ – как без пастыря овцы.
Скажи им сейчас – не поверит никто,
Что парень с чехлом за спиной – это тот,
Кого этот самый народ занесёт
В число знаменитых орловцев.

В окне отразился рябиновый куст.
Однажды, за этой вот стенкой,
Впервые сорвётся с восторженных уст:
«Маэстро Евгений Дербенко!!!»
Заслуженный деятель.... Лауреат...
Российских и международных...»
И чей-то холодный, завистливый взгляд
Оценку даст: «Столько престижных наград,
А ходит в костюмах не модных».

Но всё это будет когда-то, потом.
А нынче вот, утром чудесным,
Стоит он под дверью с большим козырьком,
Ещё никому неизвестный.
Олимп покорять музыкальный ему
Придётся, начав с покоренья ОМУ.

2. В МУЗЫКАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ

Вахтёрша (Марь Ванна), обняв телефон,
Зевая, боролась с дремотой.
Дубовая дверь прогнала её сон,
Скрипучей фальшивую нотой.
Согнувшись под тяжкою ношей своей,
Со лба крупный пот утирая,
Вдруг, парень смущённый возник перед ней,
Как грешник пред стражником Рая.

Взглянув на стенные часы за спиной,
Кивнув на приветное «здрасьте»,
Сказала:
– Когда ж только дверью входной
Займутся в хозяйственной части!?
От музыки этой в учебные дни
Хоть в омут с обрыва бросайся.
Нет смазки для петель? Так ты примени
Кусочек обычного сальца.
Делов-то всего лишь на пару минут,
А тянут резину, как песню,
Что в церкви Никитской до Пасхи поют...

Она осеклась вдруг:

– Да что же я тут

Завхозу родному устроила суд!
Ты, видно, сынок, не из местных?
– Московский. С вокзала вот, прямо сюда.
Трамвай как часы у вас ходит.
– Так ты опоздал. Вишь, какая беда:
Экзамены кончились вроде.
Неделя прошла уж, как все в отпусках,
Студентам два месяца воли.
Директор один, как солдат на часах
С ружьём, что стреляет фа-солью
И дробью дизельно-бемольной.
Вон, слышишь, играет Шмелиный полёт
На стареньком тульском баяне?
Потом «Эх, дороги», «Землянку» споёт.
Друзей своих павших вспомянет.
– Вот он мне и нужен. Могу я пройти?
– Да ты не спеши, рассупонься.
Не спал, поди, ночку в дороге-пути?
В порядок маленько себя приведи,
Водицей холодной умойся.
Сейчас доложу.

И она начала

Накручивать диск аппарата:
– Пал Фёдрыч, у нас тут такие дела:
К Вам гость с Подмосковья чубатый.

3. ПЭ ФЭ

Пал Фёдрыч (на сленге студентов «ПэФэ»)
Души в баянистах не чаял.
Дав гостю усесться на мягкой софе,
Сперва напоил его чаем.
Сквозь стёкла очков, изучая диплом,
Был, явно, доволен визитом:
Окончивший «гнесинку» значился в нём –
«Артист, педагог», но весомей при том
Звучал аргумент: «композитор».

И сразу душевный потёк разговор
С показом своих сочинений.
Исчез сам собою незримый забор
Меж двух возрастных поколений.
То был разговор на одном языке,
Понятном для всех музыкантов,
Не важно, смычок ли он держит в руке,
Иль мир покоряет с бельканто.

Директор был опытный, мудрый старик,
Он понял, с кем дело имеет:
У парня заряд для свершений велик,
Он в деле своём преуспеет.

Душой не привыкший кривить музыкант
Сказал по-отечески: «Женя,
Для поросли юной твой яркий талант
Здесь нужен, как дождик весенний.
В Орле есть, конечно, ОГИК и «кулёк»,
Но должен сказать откровенно:
Там музыки меньше гораздо, сынок,
Марксизмом пропитаны стены.

В итоге, к решенью пришли одному:
Евгению быть педагогом ОМУ.

Он с ходу в Орла музыкальную жизнь
Ворвётся бурлящим потоком,
Смывая плывущую с Запада слизь
Водой из родимых истоков.
В концертных программах со сцен областных,
В райцентрах, в глухих деревеньках,
Как звёздочки, вспыхнут на фоне других
И песни, и пьесы Дербенко.

Тот рог изобилия будет таким,
Что хватит потомкам грядущим –
Берлин покорять и Варшаву, и Рим,
И заокеанские пущи, –
Там тоже однажды узнают о нём,
А нынче, почистив ботинки,
Герой наш, знакомясь со старым Орлом,
К Щепному направился рынку.

ГЛАВА II. «ЛИВЕНКА»

1. ТАЛАНТЫ-САМОРОДКИ

На шумном базаре в воскресные дни
Легко меж людей затеряться.
Товар за гроши предлагают одни,
Другие – давай торговаться.
Здесь можно наткнуться на редкую вещь,
Чего в магазинах не сыщешь:
К примеру, на «шубу с тургеневских плеч»,
Что стоила некогда «тыщи».

А нынче никто и за так не берёт
Обитель прожорливой моли.
Но, всё же, хозяин примерить даёт –
Писателя шубу соболью.
В придачу предложит и шляпу, и трость
С фамильной печатью на ручке,

Что, якобы, в доме найти удалось
Двоюродной фетовской внучки.

Герой наш с трудом пробивался, к пивной,
Где хвастаясь звонким разливом,
На круг зазывала частушкой лихой,
Певунья – гармошка из Ливен.
Лукавый старик – борода на мехах,
Корявые пальцы на кнопках,
Но, как он играет, волшебник и маг,
На простенькой этой коробке!
Туман от махорки, хоть вешай топор,
И в Англию ездить не надо.
Любимых мелодий нехитрый набор –
Души захмелевшей отрада.

– Давай-ка, Петрович, по-нашенски – «К ней!»
Малиновый мех развернулся:
– Серебряны планочки, пойте дружней!
Иду на свиданье к Марусе! –
А вот и «От ней!» – застрадала гармонь.
Толпа животы надрывает:
– Эх, парень, не промах!
    – А девка'т – огонь!»
Любовь и похлеще бывает...

Пристал покупатель:
– Ну, как, продаёшь?
– Не думай об этом товаре!
Она не продажна.
– Ну ты, брат, хорош!
Зачем же сидишь на базаре?

Старик недовольно плечами пожал
И шумно потёр ладони:
– На «ливенке» нашей Есенин играл.
Цены нет у этой гармонии.

Прошёлся неспешно по звучным ладам.
Меха пристегнул ремешками:
– Годков через ...надцать и даром отдам.
А нынче мы – сами с усами!

Евгений представить не мог в тот момент,
Что скоро в судьбу музыканта,
Ворвётся вот этот простой инструмент –
Душа деревенских талантов.

2. ЛИВНЫ

В цветущих садах утопая весной,
В краю благодатном, былинном,
Раскинулся город над тихой Сосной,
С певучим названием – Ливны.

Живёт в слободах работающий народ,
С казацкою хваткой в ладонях.
Он песни свои озорные поёт,
Играя на дивных гармониях.

Растянут в косую саженьку меха
На свадьбе чубатые хлопцы,
И в круг, подбоченясь, выходит сноха,
Под звонкие ритмы лихого «Бычка» –
Горохом – дробушки из-под каблучка,
Аж вёдра звенят у колодца.

*Гармошечка, говорушечка,
Поддавай огня, друг Андрюшечка!*

*Разверну меха, меха синие,
Звонче дробы бей, Ефросиния!*

*Пойду домой
Стёжкой кривенькой,
А во след за мной –
Парень с «ливенкой».*

*Ефросиньюшка, хватит прятаться!
Скажи матери – пришёл свататься.*

Без «ливенки» свадьба теряет огонь,
Без «ливенки» гаснет веселье,
Не зря же любил озорную гармонию
Поэт – зять орловский – Есенин.

Под «ливенку» пели его «рекрута»
Прощальные песни девчатам,
Когда покидали (порой, навсегда)
«Пеньки» и родимые хаты.

Калинников с «ливенкой» путь начинал
К мелодиям русских симфоний.
Не зная об этом, мир рукоплескал
И простенькой русской гармонии.

Когда-то гулял инструмент по Руси,
Немецкого вида и строя –
Коротенький мех, в пару кнопок басы
Удобны для песен Тироля.

Орловский мужик – нараспашку душа –
(Видать, не скупился Всевышний)
Подумал: «Для немцев гармонь хороша,
Для русских – размах – никудышный:
Умаешься дёргать «туда да суды»
Германцев «визгливое чудо»,
И выклепал мастер другие лады
Из медной фамильной посуды,
И в дюжину рёбер размашистый мех
Пристроил к коробкам с ладами
И тем обеспечил гармони успех,
Что не угасает с годами.

Кудрявых и Нестеров, Занин Иван,
Нечаев, Еруднев и Сопов –

То был мастеров удивительных клан,
Особенной пробы высокой
Их жизнь проходила в родных деревнях,
Но знала большая Россия,
Чью «ливенку» держит ребёнок в руках,
Скрестив свои ножки босые.
В легенды ушли имена мастеров,
Гармонью прославивших Ливны.
Из фразы крылатой не выбросишь слов:
«Москва златоглавая дивна кремлём,
А Ливны – гармониями дивны!»

ГЛАВА III . ПАРТИЙНОЕ ЗАДАНИЕ

1.

Цветным камням нужна огранка,
Чтоб красотой они блистали,
Картине живописной рамка,
А для вина – бокал хрустальный.
Так и мелодиям народным
Потребны руки мастеров,
Чтоб и в салонах благородных
Их не пинали, хмурия бровь,
Как непородистых щенков.

2.

Ансамбль ливенских гармошек
За рубежи Страны Советов
Впервые в гости был запрошен.
Поездка намечалась летом.
Вышестоящее начальство
В ОМУ спустило директиву:
«Принять активное участие,
Для подготовки коллектива...»
Там был вопрос к репертуару:
Он очень редко обновлялся,
Десяток пьес и песен старых

В шлифовке мастера нуждался.
Директор – «вечный председатель»
Жюри всех смотров музыкальных,
Решил, что будет очень кстати,
В район послать Дербенко дальний.

«Задача очень не простая. –
Сказал, напутствуя, Андропов. –
Всё надо сделать, чтоб заставить
Плясать под ливенку Европу,
Взять, как на фронте, в окруженье.
Тут впору предлагать ансамблю
Поставить на вооруженье
Хачатуряна «Танец с саблями».
Шучу, однако! Но уверен:
Ты, Женья, справишься с задачей.
И мне тебе, по крайней мере,
Осталось пожелать удачи.
Для композитора не лишне
В мир новых красок погрузиться
Талант, что дал тебе Всевышний?
В живой нуждается водице.
Езжай! Край Ливенский не бедный.
Гостей радушно принимает.
Не пристрастись к привычкам вредным
Душа, брат, помни, меру знает».

ГЛАВА IV. ИЗ АРТЕЛИ В АНСАМБЛЬ

Автобус, сильно кособочась,
То увязая в жирных лужах,
То обсыхая у обочин,
До Ливен полз, урча натужно,
Так каждый раз, два дня в неделю
(С ночлегом после репетиций)
Герой наш с думою о деле
Спешил в районную столицу.

Чтоб выжать всё из уникальных
И колоритных инструментов,
Он начал с чистки музыкальных
И чистки зрелищных моментов.
В ансамбле были гармонисты,
Похлеще цирковых артистов.
Не зная ни единой нотки,
Как говорится, рвать подмётки
Могли, выделявая трюки:
Играть, меняя сходу руки,
На кнопках зычных голосов
И с лёгкой хрипотцой басов;
Локтём, коленкой, подбородком;
Мех развернув над головой,
Или с гармонью за спиной,
Пройтись манерною походкой,
Переходящею в чечётку,
Под ритм частушки озорной.
Но даже если ты с успехом
Со сцены зрителя пленял,
Не лезь поперед батьки в пекло,
Пока старик не отыграл.

Ансамбля не было, по сути,
Как это профессионал
Пройдя ступени института,
Себе всё это представлял.
Была артель из гармонистов
И в ней царил порядок свой:
Здесь каждый рвался быть солистом,
Как на базаре у пивной.
Отказ от явно слабых трюков,
Изрядно потрепавший нервы,
Согласно зрелищной науки,
Был, несомненно, шагом верным.
Петрович сразу в коллективе
Стал уважаемым маэстро.
У гордых самородков Ливен

Сей титул почитался лестным.
Его лишь в духовом оркестре
Имел усатый дирижёр,
По прозвищу Тамбур-мажор.

ГЛАВА V. ЗНАЙ НАШИХ

Пьес для гармошек уникальных
Никто в России специально
Ещё не брался сочинять.
Герой наш первым эту нишу
(Как будто по велению свыше)
Стал энергично заполнять.
Он понял, что в руках умелых
Простые русские гармонь
Дать фору смогут скрипкам первым,
Со сцен столичных филармоний.

Он сам уже, спустя неделю,
На «ты» общался с инструментом.
И вскоре «ливенки» запели,
Срывая гром аплодисментов.
И голосочком флейты нежным,
И мощным голосом органа...
Ансамбль из Ливен в зарубежье
Стал, всем на диво, гостем званым.
Берлин, София и Варшава,
Давясь жевательной резинкой,
Кричали гармонистам «Браво!»
И в пляс пускались под «Калинку».
Доступен «ливенке» Вивальди,
Бах, Штраус, Моцарт и Россини,
Но в странах ближних, в странах дальних,
Поёт всегда исповедально
Гармонь о Матушке России.
Она, как скрипки и рояли,
Давно солирует в оркестрах,

Давно богемный зритель в зале
Нос не воротит с видом пресным.
Гармонь в стенах консерваторий
И школ искусств обосновалась,
А мы поведали историю,
С чего всё это начиналось.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА РАЗМЫШЛЕНИЕ У ЭКРАНА ТЕЛЕВИЗОРА

1. РУССКАЯ ГАРМОНЬ

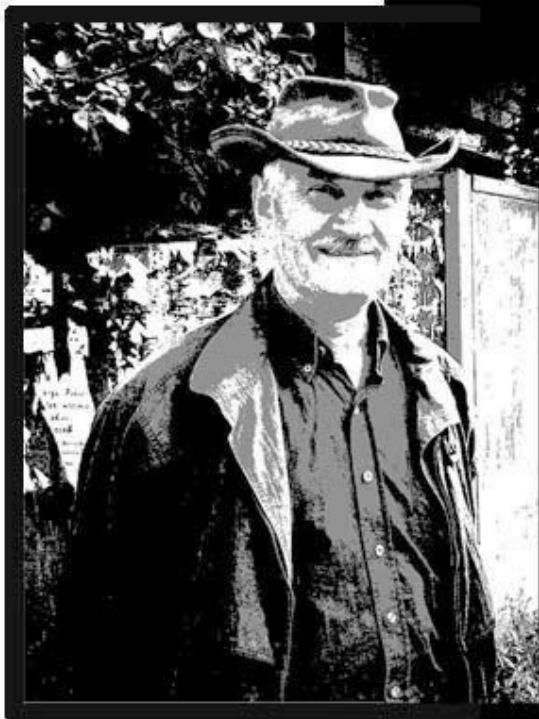
Ну, кто сказал: из моды вышла?
Ну, кто сказал: потух огонь?
Кто заменить на «Хара Кришну»
Пытался русскую гармонь?
Набор сонливых медитаций
Да «звёздный» шоу-балаган,
Как опий, для растленья нации
И день и ночь сливал экран.
Что ж, спору нет. Возможно, Хара
И впрямь индусам хороша,
Да только нет в той Харе жару,
Чтоб наша русская душа
Вдруг развернулась, разгулялась
Под голосистую гармонь
Да так, чтоб Кришне той икалось,
Чтоб «звёзды» знали: нас – не тронь!
Чтоб даже дряхлая старушка
Пустилась в пляс, как егоза,
Стреляя хлёткою частушкой
По шоу-бизнеса глазам.
Ну, кто сказал: из моды вышла?
Ну, кто сказал: потух огонь?
Эй, «хэви мэталлы», потише!
И «рэпы» с «роками», потише!
Пусть для души поёт гармонь!

Она из Ливен, Тулы, Вятки, –
Исконно русских городов –
И наша вечная загадка,
И всенародная любовь!

2. ШАПКА МУЗЫКАНТА

«Тяжела ты, шапка Мономаха!» –
Восклицали русские цари.
Но легка ли шапка музыканта
Из Орла, Тамбова иль Твери?
Не легка. Ты сам об этом знаешь,
Но, надев однажды шапку ту,
Ни в жару, ни в холод не снимаешь,
Воплощая в музыке мечту.
И она уже не канет в Лету,
Не уснёт под толщею веков,
Ведь её несёт по белу свету
Легион твоих учеников.
И когда-нибудь благою вестью
В небесах, как вспыхнувший огонь,
Воссияет новое созвездье
Под названьем «Русская гармонь»,
Вспыхнет в нём и звёздочка «Дербенко»,
И порою вешнюю под ней,
Паренёк с гармонью на коленках
Будет петь о девушке своей.

Орёл, 2022 г.

СВЕТЛА ТВОЯ СКАЗКА, ЧЕРНА БОЛЬНО БЫЛЬ

Поэма

*Памяти жертв аварии на Чернобыльской АЭС
(26.04.1986 г.)*

ПРОЛОГ

*«У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была...»
(Русская народная песня)*

У церкви, конечно, стояла карета.
Точнее, зеркальный сверкал лимузин.
И гости, как в песне – «нарядно одеты»,
С дежурной улыбкою, все как один.

Орган завершал процедуру венчания
Торжественным маршем в дуэте с трубой.
И радуга вспышек кольцом обручальным
Висела над жаждущей зрелищ толпой.

Жених на руках нёс невесту как вазу.
В цветах драгоценный наряд утопал.
Ах, если бы только я был богомазом,
Икону бы, точно, с неё написал.

Но тут не Россия.
Я – просто художник.
В церквях протестантов
не встретишь икон.
«Мадонны» великих, минуя таможни,
Плывут под охраной на аукцион.

Но речь не об этом.
Та мысль улетела.
Другая, как молния, вдруг, обожгла
Да так,
Что, казалось мне, кровь закипела,
Когда эта женщина мимо прошла.

Под ручку с женщиной
Седым, но не старцем.
Две девочки рядом – знакомы черты.
И эти улыбки не американцев...
Бог мой!

Неужели, та самая?..

Ты?

Какими судьбами,
Какими ветрами
Из мёртвой деревни – в цветущую жизнь,
Где дарит надежду земля под ногами
И сердцу открыта органная высь?

Я было подался невольно за ними,
Окликнуть хотел, как в деревне Дворы.
Но память с задержкою выдала имя –
Лет десять, не меньше,
прошло с той поры.

Глава I. «МЫ ГУЛЯЛИ В САДУ»

1.

Когда по следам исчезающих песен
Бродил я по сёлам родной стороны,
Мне часто встречался народ
не из местных,
Из «точек горячих» горячей страны.
...Кавказ,
Украина,
Молдова...
Державный пиджак расходился по швам.
Лишённые крова,
лишённые дома
Тянулись к давно позабытым корням.

На поиск ночлега, я шёл к её дому,
В котором, казалось, никто не живёт.
Дырявая крыша, гнилая солома...
Но, Бог мой, там кто-то негромко поёт!
Мы гулялы у саду,
Там соловэйко щебэтак.
Додому я просылася,
А вин мэнэ всё нэ пускав.

«Ты мылый мий, а я твоя,
Пусты мэнэ зийшла зоря.
Проснэться матэнька моя,
Будэ пытать, дэ була я».

(Мы гуляли в саду,
Соловей щебетал.
Я просилась домой,
Он меня не пускал.

«Милый мой, я твоя,
На исходе заря.
Будет мама бранить,
Что мне ей говорить?»)

Два голоса льющихся, женский и детский,
Вели так знакомый мне с детства мотив,
Что я, как фанат старины деревенской,
Вошёл и с порога его подхватил:

«А ты йий дай такой ответ:
Яка чудова майська ничь!
Вэсна идэ, красу нэсэ,
А тий краси радие всё».

(«Ты скажи ей в ответ:
Ночь была, как рассвет.
В эту ночь – не до сна
Потому, что – весна».)

Они на полслове не бросили песню,
Но, с радостью приняв в поддержку басок,
В едином порыве певцам лишь известном,
Со мною плели этот чудный венок.

«Доню моя, нэ в тому ричь,
Дэ ты гуляла цилу ничь, –
Чому розплэтэна коса,
А на очах блэщить слёза?»

(«Знаю, дочь, что весна.
Знаю, что не до сна.
С расплетённой косой
Ты вернулась домой».)

Я словно попал вдруг в станичную хату,
Где время застолья уже позади,
А песню выводят хозяйки-девчата,
Уставшие руки сложив на груди.

«Тому розплэтэна коса
И на очах блэщить слёза,
Що бильше я в тому саду
Гулять з козаком нэ буду».

(«Мне, уж, мама, видать,
Косу не заплетать
В том саду с казаком
По ночам не гулять».)

Легко и свободно лилось трёхголосье,
И каждый из нас тонко чувствовал роль.
Я видел их радость нежданному гостю.
И песня была для меня как хлеб-соль.

«Откуда вы, дядько, нэвже, з Украины?
И вас, как и нас, тем же самым кнутом
Прогнала из дома лихая година?»

А, впрочем, проходите – расспросы потом.
Сперва угощу вас селянским борщом.

У нас не всегда на столе разносолы,
Но борщ – это ж главная наша еда.
Да вы не стесняйтесь, садитесь до столу,
Для гостя и чарка найдётся всегда».
Она, щебеча, у плиты хлопотала,
Меся украинско-российскую речь,
И запах толчёного старого сала
В голодный желудок влетал, как картечь.

«Давненько не ел я любимого блюда.
А нынче с утра – лишь чаёк натоцак».
«Поговору видно, что вы не отсюда».
«С Кубани, девчата.
Кубанский казак»

«Так, значит, мы родичи, если с Кубани.
Сечь – родина предков для вас и для нас.
И бабушку дед мой привёз из Тамани,
А сам он был родом казак из Черкасс.

И в этой деревне мы ходим в «черкасах», –
Здесь так украинцев зовут испокон.
Да что ж это я всё вас потчую квасом,
Давайте-ка, выпьем за нас – казаков!

Чтоб внуков и правнуков наших не гнали
Ни царская воля, ни злая беда
С насиженных мест.
Чтоб их дети не знали,
Что мёртвой бывает в криницах вода».

Теплом растекалась по жилам перцовка.
Нутро обжигалось горячим борщом.
Вспорхнув, улетела, как птица, неловкость.
Мы пели, болтали и пели ещё.

2. ХОЛОДНЫЙ РАССВЕТ

А летняя ночь нас швырнула в объятия.
Мы вместе встречали дождливый рассвет.
Дымилось до нитки промокшее платье,
Когда она бросила резкое «нет!».

Ответила гордо, казалось, и смело,
В тумане стоявшему, словно в реке.
И билось под платьем упругое тело,
Как рыбина бьётся на крепком крючке.

Он вилы схватил и вонзил их с размаху...
В стог сена, что был нам в ту ночь шалашом.
И, злой матерщиной нагнав на нас страху,
Растаял в тумане, откуда пришел.

Она же на мокрое сено присела.
Обмякла и стала беззвучно рыдать.
О, женщины, зная вас чаще как тело,
Мы душу едва ли сумеем понять.

Я молча стоял у нее за спиною,
К горячим плечам прикоснуться боясь.
Курил сигареты одну за другою,
Месил деревенскую липкую грязь.

И вилы в стогу (а могло быть и хуже),
И чувство вины, словно голую кость,
Глодали меня: был бы я её мужем,
Обоим бы, точно, несладко пришлось.

Туман становился липучим и зябким,
Густым, непроглядным, как матовый свет.
«А вечер был тёплым и ночь была сладкой, –
Сказала она, – да холодный рассвет».

Я снял свой пиджак и помог ей укрыться:
Дрожала, покрытая мелкой росой.
«Опять убежал мой черкас из больницы
В казённом халате и снова босой».

Лицо исказилось устало-печальной,
Тяжёлой улыбкой, без света в глазах.
«Что толку в колечке моём обручальном?
Оно как ярмо на рабочих быках.
Прости меня, сокол залётный, за слабость.
Быть сильной должна я да нет уже сил:
Проклятый Чернобыль забрал мою радость
И свет в нашем доме навек погасил».

Глава II. СВЕТЛА ТВОЯ СКАЗКА – ЧЕРНА БОЛЬНО БЫЛЬ

1.

В тот год, той весной,
Была я невестой.
Под белой фатою,
Как вишня цвела.
Нам дети кричали
«Тили-тили-тесто»,
Когда к сельсовету
Мы шли вдоль села.

Мы кланялись в пояс
У каждой калитки
И вдовы седые,
Слезу утерев,
Дарили нам с Ваней
Такие улыбки,
Каких не дождёшься
От сонных царевн.

Ах, Ванечка, Ваня –
Десантник «афганец»!
Домой возвратился живой,
Невредим.
Когда приглашал он
Подругу на танец,
Я Люське шепнула:
«Он будет моим».

Всё так и случилось.
Весёлая свадьба.
И «горько»,
И первая брачная ночь
До зорьки,
Когда уже надо поспать бы,
А мы всё гадали
На сына и дочь.

Потом – этот стук,
Необычно тревожный.
И голос парторга:
«Тревога, Иван!»
Холодная дрожь
Пробежала по коже,
Когда он покинул
Наш брачный диван.

Я сердцем своим
Вдруг почувяла сразу:
Случилась беда.
«Это, Ваня, приказ, -
Звучали за стенкой
Короткие фразы, –
Приказ, знаешь сам,
Обсуждать не про нас».

Мы жили в той самой –
Теперь уже «зоне»,

От атомной станции
В часе ходьбы,
Где Ваня бойцом был
В гражданобороне.
И не было места
Милей и спокойней,
Чем наше село
Золотые Дубы.

Красивая речка.
Лука в землянике.
Грибов в перелесках –
Косою коси.
И люди все добрые,
Лица – как лики.
Помогут, чем могут,
Кого ни спроси».

Она перешла вдруг
На голос утробный,
Глухой и далёкий,
Совсем не её.
Так сельский священник,
Идущий за гробом,
Уже говорит
отрешённо, негромко
С душой
Отлетающей в небытиё.

«Теперь это всё
Проглотил безвозвратно
Незримый,
Похлеще Горыныча, Змей.
С ним драться не выйдешь
На полюшке ратном.
И он не боится
Булатных мечей.

А кровушку пьёт он
И денно, и ночью
Из нежных младенцев
И вдов, и мужей.
Живые тела
Превращаются в мощи
За сотнями вёрст
От его рубежей.

Страшна́ и жестока
Ожившая сказка:
Она превращается
В жуткую быль,
Где царствует холод
И мрачная краска,
А ты, человек, – просто пыль...
...Чер-но-быль...

Сперва нас просили.
Потом – умоляли.
Потом – выгоняли
Из хат и дворов.
Шесть лет уже снятся
Глухими ночами
Глаза недоёных,
Ревущих коров.

Нельзя было брать ничего:
Ни скотину,
Ни утварь, ни пить,
Ни в дорогу поесть.
Военной поры
Ожила, вдруг, картина.
Внезапной была
Эта чёрная весть.

Село опустело.
Лишь старые люди,

Видавшие виды
В той, давней войне,
Сказали: «Ни, хлопцы:
Що будэ, то будэ.
Помрэм на своей,
Не чужой стороне».

В полста километрах
Был лагерь – «отстойник»,
Где мы получили
Свой временный кров.
Туда нас свозили,
Как свозят на бойню,
На крытых машинах
Колхозных коров.
Ревущее стадо.
Сказать по-другому,
Нет слов подходящих
В родном языке.
В глазах, лишь, написано
«Хо́ чу до дому!»
А дом, хоть и рядом, –
Уже вдалеке.

Не сразу открылась
Нам горькая правда.
У всех по началу
Надежда была:
«Вернёмся.
Вот сделают хлопцы
Что надо,
И ...гайда назад,
До родного села.

Там наше добро всё
Осталось в хатах...»
А мы и не знали,
Что нашим добром

Уже набивали
Сундук супостаты
И нам же его
Продавали потом.

С огромною дозой
Невидимой смерти.
Одежду, игрушки,
Наборы конфет...,
Конечно же, брали
Родители детям,
Не зная,
Что вся их забота – во вред.

На семьдесят лет –
«Поражённая зона».
На семьдесят лет –
Только в поле ковыль.
За семьдесят лет,
По природным законам,
И мы превратимся
В могильную пыль.

Светла твоя сказка,
Черна, больно, былль,
Полынь Украины,
Трава чернобыл.

2.

Кто загодя, молча,
Копил золотишко,
Те двери посольств
Омывали слезой.
А нашей стогривенной
Тощей сберкнижкой
И печь не растопишь
Холодной зимой.

Куда нам на Запад!
Конечно, – в Россию.
Она, как-никак,
Тех же самых кровей...
На перекладных
До Орла колесили.
А дальше –
Чиновнику было видней.

В пустые деревни.
В прогнившие хаты.
На школьных дворах
В полный рост ковыли.
Колхоз «Светлый Путь»
Третий год без зарплаты...
На что мы рассчитывать
Больше могли?

Россия сама
Перед долларом сытым
Упасть на колени
Готова была.
И мы к ней на шею
С разбитым корытом.
Ворчала, конечно,
Но всё ж приняла.

Спасибо на том,
Мы росли не в теплице.
Работа не в тягость,
Когда ты здоров.
Но Ваня уже
Прописался в больнице,
Ему не до песен
И не до коров:
Лекарств не достать.
Нужных нет докторов.

На всё нужны деньги.
И деньги большие.
Чернобыль
Даёт себя знать каждый день:
Был муж мой чубастым –
Теперь стал плешивым.
Был сильным мужчиной –
Стал дряхлым, как пень.

И это в его
Двадцать семь с половиной!
А что будет дальше –
Представить боюсь.
Но, видно, такая, уж,
Доля-судьбина –
Тянуть эту лямку,
Пока не загнусь.
Я маму свою уже тут схоронила.
Отец и не дожил
До этой беды.
Я думаю, смерть их
Одна подкосила –
Чернобыльской мёртвой
Испили воды.

За дочку боюсь,
О себе, уж, молчу я,
Она хоть и в этом
Краю родилась,
Но сердце моё
Материнское чует,
Что кровь её мутит
Смертельная грязь.

Прости меня, сокол залётный,
За слабость.
А Ваня позлится
И тоже простит.

Ведь я у него
Только числюсь как баба:
Пять лет уже рядом
Беспомощный спит.

Пойду я.
Прощай, козацюра усатый.
Спасибо за песни,
В них радость одна.
«...А мы уезжаем
До дому, до хаты», –
Пропела и скрылась
В тумане она.

Глава III

1. В ЧУЖИХ ЛЮДЯХ НЕ ПО-НАШЕМУ

*«В чужих людях не по-нашему,
Варят кулеши – зовут кашею».
(Народная песня)*

Ах, времечко, время,
Ты так быстрокрыло.
За этот десяток промчавшихся лет,
Кого-то злодейка-судьба подкосила,
Кого-то из мрака швырнула в рассвет.

«Горячие» войны, на смену «холодным»,
Пришли, прокатились по судьбам людским.
На щит поднимались вожди всенародно,
Потом низвергались, как старый режим.

Все бывшие братья Россию ругали.
Враги превращались в хороших друзей,
На «Боингах» в гости друг к другу летали,
Невест увозя для заморских мужей...

Грешно нам соваться в дела твои, Боже,
Но дивны бывают деянья твои.
Та женщина, может быть, просто похожа,
А я тут гадаю: они ...не они?

Уже укатили жених и невеста.
Почётным эскортом машины гостей,
Одна за другой, стали трогаться с места.
И Ричард, отец жениха, крикнул: «Эй!

Пора на ресепшен – на свадебный ужин.
О чём ты задумался, Виктор, очнись!
Там будет не плохо, друг мой, и к тому же,
У нас для тебя есть приятный сюрприз».

Описывать свадьбу, где нет ни гармошки,
Ни песен застольных, ни тостов хмельных,
Ни глаз любопытных, глазающих в окошки,
Ни «горько» до сини в губах молодых, –
Пожалуй, не буду...
Не пахло там Русью.
Чужой монастырь, и чужой нам устав.
Им весело было, и спорить о вкусах
Не принято в этих заморских местах.

Счастливая пара гостей обходила
С набором стандартных, для случая, фраз.
Минуту и мне, как и всем, уделила:
«Мы рады вас видеть на свадьбе у нас...»

И – дальше, в гирлянды жемчужных улыбок.
(Успеть бы за пару часов переплыть
Весь этот аквариум красочных рыбок
И всем благодарность достойно скормить.)

Приятный сюрприз, мне обещанный ранее,
Себя не заставил томительно ждать.

«Знакомься, – подвёл меня Ричард
... к ней, – Таня.
А муж – однокашник мой.
Рональдом звать».

Она протянула красивую руку:
В кольце бриллиант, без мозолей ладонь.
«Вы знаете штат Теннесси, Чаттанугу?
Рон родом оттуда. И там у нас дом.

А вон наши дети – Марийка и Галя.
Танцуют со всеми, им тут благодать.
Среди детворы в этом праздничном зале
И я уж с трудом их могу отыскать.
Спасибо вам, Ричард, за то, что позвали,
Давно мне хотелось у вас побывать».

«Я думаю, вам переводчик не нужен.
Позволь мне, Татьяна, на десять минут
Оставить тебя без любимого мужа
А ты позаботься о Викторе тут.

Его с непривычки грызёт ностальгия,
Мы эту заразу не можем лечить.
Она непонятна для нас, как Россия,
К которой так трудно подделывать ключи».

И Ричард нырнул с «однокашником» Роном
В жующую массу почётных гостей.
Мы столик свободный нашли на балконе,
Поднёс нам вино чернокожий лакей.
«Ну что, за знакомство, Татьяна, – по всей!

Нежданно-негаданно тут, в Новом Свете,
Не думал, что встречу с тобою вот так».
«Мне Ричард показывал фото в газете,
Ты тут в знаменитостях ходишь, казак».

«Да что обо мне, я музыка бродячий,
Гармонь за плечами, весь мир – коммунизм.
Тебя-то какими ветрами удачи
Из мёртвой деревни – в цветущую жизнь?»

Она, вдруг в лице изменилась и стала
Похожей на ту, из минувшей поры.
И грустная исповедь вновь зазвучала,
Врнув нас в рассвет за деревней Дворы.

Глава IV

*«Мне, уж, мама, видать,
Косу не заплетать
В том саду с казаком
По ночам не гулять».*

1.

«В тот год Ваня умер.
Был праздник престольный
Покров Богородицы.
Чудный денёк.
Старушки пешком
Шли домой с богомолья.
А Ваня уже
Подниматься не мог.

Я рядом сидела.
Он взял мои руки,
Погладил
И нежно сказал, как пропел:
«Прости меня, Таня,
За все твои муки,
Я счастье не смог тебе дать –
Не успел.

Они меня ждут уже,
Кто не вернулся...
Иду я к вам, хлопцы...
Мне так хорошо!»
Глазами по хате повёл,
Улыбнулся,
Вздыхнул облегчённо
И...тихо ушёл.

Ах, Ванечка-Ваня,
Десантник «афганец»,
Шумят над тобой
Золотые дубы
И кружит метель
Белоснежный свой танец,
Неистовый танец
Разбитой судьбы.

2.

Бог знает,
Как я обивала пороги
И местных инстанций,
И всех областных,
Чтоб пенсию дали.
Хотя бы немного.
Но только согласно
Инструкциям строгим,
Записан был Ваня
В графу «не своих».

«Езжайте домой,
Вы ж теперь «самостийни».
У вас уже свой президент –
Не «москаль»...
До страшной беды
Всех «своими» крестили,
А нынче и август
Звучит как – февраль.

И я надломилась,
Как ветка сухая.
Вином заглушая
Душевную боль
И разумом внутренним
Всё понимая,
Зелёного дьявола
Стала рабой.

Нашлись, как всегда
В этих случаях, сразу
Подруги по рюмке,
По схожей судьбе.
Дитя, огород...
Без хозяйского глазу.
Как вспомню,
Так тошно самой мне себе.
Когда родилась
Моя меньшая – Галя,
С полгода держалась,
Взялася за ум.
«Подруги», в кавычках,
Конечно, пропали,
А с ними и тяжесть
Безрадостных дум.

Потом,
Когда пенсию дали за мужа,
И деньги домой
Почтальон принесла,
На радостях, с дуру,
Позвала подружек
И ... «Таня-хохлушка
Опять запила».

Бывали просветы,
Порой по неделе,
Когда ни копейки

За грешной душой.
Голодные дети
Собаку бы съели,
А мне б – только рюмку
С больной головой.

Ходила к цыганке:
«Лететь тебе, дева,
По синей дорожке
В чужие края,
Где, горе забыв,
Заживёшь королевой
И станет родной
Неродная земля».
Могла ли поверить я
Старой гадалке,
Когда моя вера
Сгнила на корню?
Самой мне себя
Уже было не жалко
И, если б не дочки,
Полезла б в петлю.

Но, всё же, есть Бог.
Я не верила прежде.
В стране атеизма
Он был не в чести.
Но Он стал моею
Последней надеждой,
Явившись однажды,
От смерти спасти.

3.

Решила травиться.
Был святочный вечер.
К старушке соседке
Детей отвела.

Вернулась к своей
Нерастопленной печке,
Достала из шкафа
Наряд подвенечный,
Тот самый,
В котором счастливой была.

Оделась невестой.
Свечу восковую
Зажгла и портрет,
Где мы с Ваней вдвоём,
Сняла со стены.
Сдула пыль вековую.
Открыла бутылъ
С недопитым вином.

И целую жменю
Снотворных таблеток,
Что пил перед смертью
Покойный Иван
(А, после я ими
Снабжала соседок),
С вином намешала
Гранёный стакан.

В тот вечер
Голодной волчицею вьюга,
Казалось мне, выла
В холодной трубе.
А рядом – ни мамы,
Ни мужа, ни друга...
Одна-одинёшенька
В мёрзлой избе.

Всё было как сон,
Перемешанный с явью:
Я вдруг провалилась
На миг в забытьё,

Ещё не коснувшись
Губами к отраве,
Но тут же очнулась
И вижу ...её.

Точнее себя вижу
В этой же хате,
Как в зеркале
Можно себя увидеть.
Из чёрного бархата
Длинное платье,
Чернявые волосы,
Стройная стать...

Она мне стакан
Протянула с улыбкой
И мягко сказала:
«Я жду тебя.
Пей!»
И это звучало,
Как музыка скрипки,
Когда за стеною
Играют на ней.

Но в это мгновение
Что-то случилось:
Внезапно погас
Электрический свет.
Вся комната алым
Огнём озарилась
И женщина в чёрном,
Вдруг, вскрикнула: «Нет!»

Руками лицо,
Как от страшной напасти,
Закрыла.
Испуганно вскрикнула я.
Упавший стакан

Раскололся на части,
Отрава сквозь щель
Уползла, как змея.

И женщина в чёрном
Куда-то пропала.
Исчезла.
Как будто сквозь стену прошла,
Где, как на экране,
Лицо проступало,
Того, здесь которого
Я не ждала.

Христос!
Это я поняла без подсказки.
Подобен закатному солнцу, когда
Его благородною
Тёплой краской
Пропитана насквозь
Морская вода.
И музыка скрипки
Сменилась органной.
К вершинам блаженства
От мощных глубин
Душа поднималась.
И я понимала,
Что музыку эту,
Которой нет равной,
Играл для меня
Тот, кто Трижды Един.

Дышало покоем
Огромное море.
И сердце моё,
Словно свежая кровь,
Смывая солёные
Накипи горя,
Наполнила страстная
К жизни любовь.

Мне стало вдруг стыдно
За то, что могло бы
Случиться, всего лишь,
Минуту назад:
Рыдали бы дети
Над маминым гробом,
Когда бы свершил
Свою миссию гад.

Но Бог начертал
Мне иную картину
Судьбы, что гадалка
Смогла предсказать.
Он высветил буквы
На книге старинной
И дал мне возможность
Слова прочитать.
Кириллицей – «Смерть»,
Перечёркнуто накрест.
И «Life» по-английски,
Что значило – «Жизнь».
Слова исключали
Любую двоякость:
Со смертью дороги мои
Разошлись.

4.

А дальше всё было
Похоже на сказку,
Про принца из дальних
Заморских краёв.
Он был среди тех,
На кого бы с опаской
Смотрели мы
В прежнее время своё.

Ведь мы и баптистам,
И всем протестантам
Лепили, как минимум,
Два ярлыка
С похожей окраской:
«Шпионы»,
    «сектанты»,
Которых «забросила
Вражья рука».

Он жил в нашей хате
Почти две недели.
За деньги, что он
Заплатил за постой,
Я месяц могла бы
Кормить всю артель их,
А нам на четыре
Хватило с лихвой.

Я всё удивлялась:
Летят на край света!
В глухую деревню,
За собственный счёт.
Иные проводят там
Каждое лето.
Что их, не голодных,
В Россию влечёт?

Детей наших лечат,
Одеждой снабжают.
Убогих с рожденья
Увозят с собой.
Как будто нарочно
Таких выбирают,
Которым у нас
Интернат – дом родной.

Теперь мне понятно:
Они – христиане.
И, как христианам,
В своём большинстве,
Им с детства привиты
Любовь, сострадание...
Забота о каждом
Живом существе.

Нам трудно, порою,
Родному ребёнку
Сказать,
По головке погладив, «люблю».
Они ж это дарят,
Как зайцам морковку,
И счастьем сияют
От слов «I love you!»

Вот, кстати, знакомься,
Легки на помине:
Марийке – четырнадцать,
Гале весной
Уже будет десять.
Растут на чужбине,
Но нет у них родины
Больше иной.
Здоровы,
И крыша есть над головой».

Марийка – красавица!
Копия мамы:
Румяные щёки,
Большие глаза:
«А я вас узнала.
Всё тот же, с усами,
«С Кубани, девчата,
Кубанский казак».

Она расплылась
В добродушной улыбке:
– Мам, ты не волнуйся,
У нас всё о'кей!
А Галя ладошкой,
От сладостей липкой,
Приклеилась крепко
К ладони моей.

Короткое «Хай!»¹,
Взгляд на маму, сестричку.
Потом на меня
Посмотрела в упор.
Пожала плечами,
Чуть сморщила личико:
«Ай донт ноу, ху ар ю.
Ви диднт мэт бифор»².

«Вот так вот!
По-русски и по-украински
Уже заставляю общаться
С трудом.
Тут, хочешь не хочешь,
Освоишь английский,
Чтоб внукам не стала
Чужою потом».

Татьяна
Косички поправила дочке:
«Ты лучше про дядьку,
Сестру расспроси.
Ей было тогда
Лишь четыре годочка,
Но вспомнила сразу
Казачьи усы.

---

¹ Привет! (анг.)

² Я не знаю, кто вы. Мы раньше не встречались (анг.).

Идите, гуляйте.
Проведайте батьку,
Он там уж соскучился,
Видно, без вас.
А я тут ещё
Побеседую с дядькой».
И Таня опять
Окунулась в рассказ.

5.

Признаться,
Меня уже не занимали
Подробности этой
Удачной судьбы.
Они как горох от стены
Отлетали.
Я думал о дочери,
Девочке Гале.
Ведь всё совпадает
И всё может быть.

И месяц, ...и год...
Ну, какие сомненья?!
А эта улыбка ...
А эти глаза...
Да в ней половина деталей,
Не менее,
Кричат, что художник – кубанский казак.

Заметив мою отрешённость,
Татьяна,
Конечно же,
Бабым нутром поняла,
Что я её исповедь
Слушать не стану,
Коня за уздечку
Сама повела.

Дала мне понять
И словами, и видом:
Она не твоя –
Есть законный отец,
Он любит её,
Не позволит обидеть...
Сказала, как в сердце
Вогнала свинец.
Но всё же у повести
Добрый конец.

6.

«Давай-ка, споём
Нашу давнюю песню.
Как раз и Марийка
Опять подошла».
Она затянула
Мотив мне известный,
А дочь подголосок
Ей в след повела.

Мы пели втроём.
Подбежавшая Галя
Нырнула, как рыбка
В знакомый свой пруд.
И праздно жующая
Публика в зале
Невольню тянулась
Туда, где поют.

Тому розплэтэна коса
И на очах блэщить слёза,
Що бильше я в тому саду
Гулять з козаком нэ буду

(«Мне, уж, мама, видать,
Косу не заплетать

В том саду с казаком
По ночам не гулять».)

Потом мы купались
В аплодисментах,
В словах благодарности,
В лестных «Инджой!»¹
И Рон, муж Татьяны,
С улыбкой ...в пять центов,
Сказал, извиняясь,
«Мы едем домой!»

Цепочкой пошла
Процедура прощанья:
Дежурные фразы,
Объятья друзей...
Мы рады вас видеть...
Звоните заранее...
Никто не поднял
«На дорожку – по всей!»

Они отъезжали.
В шикарном «Роллс-Ройсе».
Ладонку подняв,
Оглянулась назад
Девчушка с косичками –
Носик-курносик,
С врождённой грустинкой
В счастливых глазах.

ЭПИЛОГ

На улице вечно цветущих
Магнолий
Роняли листву
Золотые дубы.

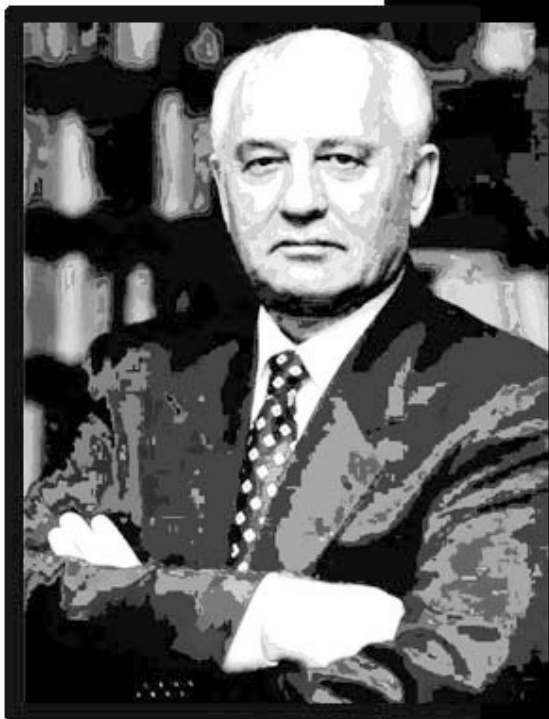
---

¹ Мы получили удовольствие! (ам. англ.).

В России, пожалуй,
Леса уже голы
И снег заметает
Дороги судьбы.

Судьба – это мхом
Обрастающий камень.
Но если на нём
Появляется слизь,
И вы, поскользнувшись,
Срываетесь вниз,
Дай Бог чтоб была
Та земля под ногами,
Где сердцу открыта
Органная высь.

Decatur, Alabama, USA, 2002

ПОДАРОК ДЛІА ГЕНСЕКА

Поэма

ПРОЛОГ

*«Пренеприятнейшее известие:
К нам едет ревизор!»
(Н. В. Гоголь)*

Бессмертен, воистину Гоголь!
Сменяют друг друга века,
Но мы изменились на много ль?
Порой, мне сдаётся – никак!

Меняются стили одежды
И жизнь ускоряет свой бег.
Но сути своей, как и прежде,
Менять не спешит человек.

Чиновник во властной системе,
В России у нас, искони –
Для устного творчества тема –
И в праздник, и в будние дни.

Изъяны системы – не тайна:
На взятках всех путает чёрт.
Высоких чинов почитанье, –
но кто же не любит почёт?!

Мы гостя из стольного града,
К тому ж если он ревизор,
Обильно умасливать рады,
Косясь на добреющий взор.

Охота с обильным застольем
В глухом заповедном лесу... –
Любой ревизор поневоле
Оценит природы красу.

Гроза, что готовилась к ночи,
Обходит уже стороной.
Кукушка беды не пророчит.
Гость важный не рвётся домой.

Подарок ему, непременно,
На память о встрече вручат.
Традиции наши нетленны:
Что было для бабушки ценно,
То ценно для ейных внучат.

Мы крепко, однако, застряли
В трясине ушедших веков.
Пример не столь давних реалий,
я вам предоставить готов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1.

В овальном зале заседаний,
При ярком свете фонарей,
Из всех районов – ближних, дальних –
Собрали партсекретарей.

Элиту местную культуры
И ветеранов в орденах...
И губернатор с носом бурым,
Взошёл на красную трибуну,
С бумагой гербовой в руках.

Окинув зал туманным взором,
(Сегодня, явно, ночь не спал)
Сказал: «Такого ревизора,
Нам Кремль ещё не посылал.

Сам приезжает. Генеральный!
Отец родной КПСС.
Конечно, случай аномальный,
А потому, режим – авральный.
Наш в этом кровный интерес».

Зал загудел, как рой пчелиный:
Ждал, как всегда, большую речь.
А речь была совсем не длинной,
Зато весомой, как картечь.

«Не уж то – Сам?! – народ дивился, –
Генсек Безгорбов! Ну и ну!
Чем тихий край наш провинился?
А может, чем-то отличился,
Чтоб прогреметь на всю страну?»

Дав проглотить народу новость,
Глава стал тему развивать:
«Хотел бы знать вашу готовность
Гостей высоких принимать».

Зал сразу стих. Как будто вымер.
Глаза – кто в пол, кто – в потолок:
А вдруг своё услышишь имя!
Тогда – пиши пропал, милоч!

2.

Вне службы, Окский губернатор
Имел душевный добрый нрав,
Но часть его электората
Из низового аппарата
Держалось мнения: «Удав!»

Владея магией гипноза
И цепкой хваткой кольцевой,
Он был – и милостив, и грозен.

Извилист.
Скользкий. И прямой.

В его владеньях всё решалось,
По схеме «Кролик и Удав».
Не мог рассчитывать на жалость
Тот, кто считал, что «Сам» не прав.

3.

«Итак, с Генсеком едет свита.
Всех надо в смету заложить.
Из зала голос: «Цель визита
Нельзя ли вкратце изложить?»

«Я не забыл, товарищ лектор!
Вот суть визита в двух словах:
Судьбой известного проекта
Интересуются в «верхах».

Речь о программе «Серп и молот» –
Селу все блага горожан!
Жильё такое, чтобы в город
Не рвался труженик Иван.

Построить новых сто посёлков
За полтора десятка лет.
Надеюсь, трудимся, как пчёлки,
Без перерыва на обед!?

Вопрос прямой к ГУБЖИЛСЕЛЬСТРОЮ:
Гостей чем будем удивлять?
Они же едут к нам с мечтою
Ценнейший опыт перенять».

4.

Начальник одного отдела
Смахнул обильный пот со лба.
Унять пытаясь дрожь по телу,
Шепнул соседу: «Не судьба!»

Пошёл к трибуне, словно кролик
На зов удава томных глаз.
Все понимали: в этой роли
Он побывал уже не раз.

В три года брался обустроить
До двух десятков деревень.
А в результате – меньше втрое.
Как говорится, явно тень
Наводит кролик на плетень.

За счёт державного бюджета
Себе хоромы строит летом.
Селу – когда пурга метёт.
До завершения проекта
Едва ли правнук доживёт.

Удав о том, конечно, ведал.
Но, так как кроликов любил
И сам в кормушке той обедал,
На милость быстро гнев сменил:

«Два образцовых поселенья
Готовьте срочно на показ!
Чтоб там – тепло, вода и газ.
И детский смех. И в клубе пенье...
Короче – с Богом! В добрый час!

Образование. Культура.
Спорт... Бросьте силы на село!
И чтоб ни капельки халтуры

И чтобы лиц, не дай Бог, хмурых,
Через кордон не занесло!

Всем силовым структурам срочно
Режим усиленный ввести!
Чтоб и при скважине замочной
Сотрудник службу мог нести.

У «Самого» своя охрана –
Прорваться «к телу» не дадут.
Народ – «дядь Федю, Марь Иванну» –
Чтоб показать с теле экрана,
Под белы ручки подведут».
Итак, пройдясь по всем отделам –
Кого журия, кого браня, –
Хозяин выявил пробелы,
Чтоб устранить их, дал три дня.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1.

«Теперь к поэзии от прозы
Пора, друзья, переходить.
Хотя вопрос – куда серьезней,
Чем можем мы предположить.

Речь о подарке в день отъезда
Большого гостя в стольный град.
Мы ж не какие-то невежды,
Чтоб ни копейки за погляд.
Но вот чему он будет рад?

Подарок должен быть полезным.
Не заурядный сувенир.
Быть может, средство от болезней –
Душе и телу эликсир...

И чтоб он был традиционным
Для наших благодатных мест.
Настойки, вина... – «змий зелёный»
На это не проходит тест.

Сухой закон! «Вершина власти»
Законы строгие блюдёт.
От «мокрой» губельной напасти
Его супруга бережёт.

Ни капли в рот, окромя соку
Из ягод южнорусских лоз.
Как говорится: видит око,
Да зуб неймёт. Вот в чём вопрос!
Его жена, не то, что наши –
Как нитка ходит за иглой,
И, кстати, выглядит не старше.
И он при ней – как молодой.
Хотя и лысый, и седой.

Итак, жду ваших предложений! –
Из уст главы струился мёд. –
Гармошки, ложки... – не в зачёт!
Прошу включить воображенье
И мысли творческой полёт».

Воз предложений был набором
Настоек, мазей, порошков –
От облысения, запора,
От бородавок и грибков.

И для лечения подагры –
Примочки на соку берёз...
Но в большинстве таких «подарков»
Спирт вызывал большой вопрос.

И всё же после шумных споров
(Как будто речь шла о больном),

В конце концов, – решили хором
Остановиться на одном.

2.

Наш край был славен коноплёю,
Во все века, при всех царях.
О чудо-масле, над землёю
Молва летела за моря.
Целебных свойств в нём было столько,
Что никакие порошки
И духовитые настойки
Не применяли мужики.

Помазал плешь на сон грядущий –
на утро – русский чуб волной!
И целый день, с душой поющей,
Орлом летаешь за женой,
Как два десятка лет – долой!

Глава пригладил пятернёю
Прядь поредевшую волос
И с мыслью, явно озорною,
Негромко хмыкнув, произнёс:

«Такой подарок для мужчины,
Пожалуй, был бы в самый раз».
Из зала, тот же робкий глас:
«Но маслобойную машину
Не сыщешь днём с огнём сейчас.

Их сотни было при царизме.
В войну – фашист к рукам прибрал.
До светлой эры коммунизма
Жать чудо-маслице не дал».

«Но быть не может, чтобы где-то
Не заваялся старый пресс.

И чтоб продукт, целивший дедов,
У внуков-правнуков исчез.

Найти!
Скребите по сусекам,
В амбарах и на чердаках!
Но чтоб с подарком для генсека
Мы не остались в дураках».

Перечить кролики удаву
При всём желанье – не могли.
У них забрали это право,
За исключением крика «Браво!»
С поклоном низким до земли.

Друзья, пусть власть сама решает,
Чем ревизору мазать рот.
А нам никто не помешает
Немного забежать вперёд.

И, глаз начальству не мозоля,
Понаблюдать со стороны
В работе гостя и в застолье.
С женой когда, и без жены.
Сегодня в этом мы вольны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1.

Не только маслом конопляным
Был славен край наш в старину.
На поле хлебном и на бранном
Держал он битву не одну.

Орда, французы и германцы
Мутили наши родники,

Но горсть земли родимой в ранце
Всегда носили земляки.

Она была им оберегом
В походах дальних и в боях.
И в Альпах, занесённых снегом,
И в не заснеженных долах.

Земля героев полководцев,
Земля поэтов и певцов,
Чиста вода в святых колодцах,
Что нам достались от отцов,

А им от прадедов и дедов.
И мы для внуков передать
Должны всё, что нам дарит щедро
Земля – кормилица и мать.
Нам есть, что гостю показать.

2.

Читатель, друг мой, я не стану
Тебе рассказывать о том,
Как гостю важному осанну
Поют, когда он входит в дом.

Об этом в телерепортажах
Ты можешь видеть каждый день.
А нам картинку видеть важно
Ту, что умело прячут в тень.

3.

Генсек Безгорбов по рождению
Был человеком из села.
Судьба – родная мать везенья,
На трон державный вознесла.

Подобно звёздному артисту,
Стал узнаваем за версту.
По сути ж лидер коммунистов
Остался сельским трактористом
На этом царственном посту.

Одно – пахать в колхозе ниву,
Другое – ниву всей страны,
Где вдоволь грубой целины.
А в кабинетах – нерадивых
И протирающих штаны.

Он тосковал по сельской жизни
В палатах каменных Кремля,
Без веры в эру коммунизма
Страной огромною руля.

Вот потому-то в дни визита,
Что будет, зная наперёд,
Он, на толпу оставив свиту,
Как говорится, шёл в народ.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1.

Пруды, речушки, перелески,
Берёзы, липы, тополя....
Прекрасна ты в осенних фресках,
Исконно русская земля!

Два образцовых поселенья,
Где и «тепло, вода, и газ...»,
Когда их видишь в отдаленье, –
Картина милая для глаз.

Внизу река течёт. А выше –
На бугорках домов ряды.
Антенн, что аистов на крышах.
А за околицей – сады.

Увидев за рекою стадо,
Гость проявляет интерес:
«Я думаю, заехать надо
На новый комплекс КРС».

У губернатора мурашки
Зашевелились под пальто.
Поправив козырёк фуражки,
Сказал: «Оставим на потом.

Сперва поедem на посёлок,
Там жаждет видеть Вас народ.
Что до бычков, коров и тёлочек –
Не к спеху. Стадо подождёт».

Узрев, как нос кривит супруга,
Генсек смекнул без лишних слов,
Что должен эту «розу юга»
Держать подальше от коров.

«Ну, что ж, томить народ не будем,
Его ведь тоже ждут дела.
Забота партии о людях
Нас в тихий край ваш привела».

2.

Тут с облегченьем губернатор
Вздыхнул – свалилась с плеч гора:
Злосчастный комплекс – не театр,
В нём жизнь бурёнок – не игра.

В проекте резво замахнулись
Аж на две тысячи голов.
А сдали комплекс – ужаснулись:
С дверями наломали дров.

Дверной проём – в одну корову.
А чтобы всех во внутрь загнать,
Полдня, наполненные рёвом,
Теперь приходится терять.

Сегодня разобрали стену
Для мощных раздвижных ворот.
Бригада трудится в три смены
Работу к вечеру сдаёт.
Надежда есть – не подведёт.

Там есть ещё одна заноза,
Чего никто не ожидал –
Отстойник бывшего колхоза
Для агрофирмы слишком мал.

Не розой пахнувшая жижа
Бежит ручьями с бугорка
Туда, где уровнем пониже
Течёт красавица река.

Беда пока что незаметна.
Но если мер не принимать,
То все попытки станут тщетны
Рыбёшку на уху поймать.

Проблемы фразою летучей
Мы объясняем иногда:
«Хотелось сделать всё, как лучше,
А получилось, как всегда».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Их у домов, красивых, новых,
Где бдел спецназ на чердаках,
Встречали бабушки в понёвах
И в допотопных лапотках.

Звучали в песне величальной,
Традиционные слова:
«У кого ж у нас кудрява,
Раскудрява голова?..»

Заулыбался гость кремлёвский,
Он с чувством юмора дружил.
И на высоком подголоске,
Сняв шляпу, «кудри» обнажил.

Толпа захохотала даже.
Шептались: «Он, как мы – простой!»
Контакт с народом был налажен,
И разговор пошёл живой.

Про то, про сё...
Пустые полки...
Сухой закон... И дядя Сэм...
Вопросов откровенно колких
Народ не задавал совсем.

Их упреждать вменялось свите,
Поскольку непременно там
Был полномочный представитель
По всем житейским мелочам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Покинув клуб, где начинался
Концерт артистов из Москвы,
Генсек в посёлке затерялся,
Как жук под листьями травы.

Заметив старенькую хатку
От новостроек в стороне,
Он быстрым шагом, без оглядки,
Пошёл по узкой тропке к ней.
Нос уловил знакомый с детства
Свекольной браги аромат.
Отбить сей дух – нет в мире средства.
Но потребитель духу рад.

Возле плетня, в платочке белом,
Старушка щурила глаза.
Козлёнок вдоль ограды бегал.
Паслась на привязи коза.

«День добрый!»
«Здравствуйте, мамаша!
Скажите, как Вас величать?»
«В деревне кличут бабой Пашей.
Звала Парашей в детстве мать».

Безгорбов сгорбился в почтенье
И шляпу приподнял слегка.
К пятну родимому на темени,
Скользнула бабушки рука.

Глаза расширились. Улыбка
В смущенье на бок поползла.
Тень неуверенности зыбкой
В сторонку сразу отошла:

Да ты и впрямь, сынок, тот самый,
Что нами правит из Кремля!
По телевизерной программе
Тебя частенько вижу я.

А нынче, вишь, и сам явился.
Мне говорили мужики:
Парторг намедни матерился –
Ровнял все ямки-бугорки...
Сказал, что гусь приедет важный.
Да не один – с большой толпой.
А тут – то птицей двор загажен,
То магазин зарос травой.

А что от магазина толку –
Шаром по полкам покати!
Таммыш повесится в кладовке –
Гнилой крупинки не найти.

Вчера как с неба всё свалилось:
От дефицитов рябь в глазах.
Понавезли – чего не снилось
Нам даже в самых лучших снах.

А завтра всё вернётся снова
На свой, обычной жизни круг.
Попрячем в сундуки понёвы,
Парторг гараж достроит новый.
И до прилёта белых мух
Визит твой превратится в слух».

Вдыхая браги дух свекольный,
Безгорбов в мыслях представлял –
Стакан. Огурчик малосольный...
А вслух задумчиво сказал:

«Даа! Аппарат у вас такой же,
Как у меня в Кремле – старьё!
Как говорится: эти дрожжи
Не взбродят новое сырьё.

Пора менять!»
«Да я б сменила.
А то б и вовсе не гнала.
Деньжат на новый не скопила –
Уж дюже пенсия мала.

То внук из города примчится,
То внучка: «Баба Паша, дай!»
А влага ниточкой струится.
Попробуй, дорого продай.

Всяк норовит урвать дешевле.
А то и задарма порой.
Как участковый. Ох и шельма!
А не нальёшь, грозит тюрьмой».

Тут разговор, немного странный,
Пришлось внезапно прерывать –
По следу шла уже охрана
«Объект» под белы руки брать.
Но он успел ещё сказать:

«Ты, баба Паша, аппарат-то
На новый всё же замени.
А тех, кто «задарма», из хаты
Метлой поганую гони!

Прощай!
Спасибо за беседу.
За ностальгии аромат.
Я словно первый раз проведаль
За много лет родную мать».

И он ушёл.
За ним по тропке
Шла пара дюжих молодцов,
Ведя на поводке коротком,
При чемодане с важной кнопкой,
Державы Первое Лицо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

А не пора ль нам возвращаться,
Читатель – друг любезный мой,
К подарку.
Дни, как тройки, мчатся.
Гостям уже пора домой.

Музеи, комплексы, усадьбы,
Поляны у лесных озёр...
Пустых речей хвalebных хор...
Всю эту красочную свадьбу
Давайте спрячем под ковёр.

А что же с маслом конопляным?
В закат ушла его звезда:
Взялись за дело слишком рьяно,
Но вышло так же, «как всегда».

В какой-то вымершей деревне
Нашёлся старый ржавый пресс.
И этим агрегатом древним
На масле был поставлен крест.

Когда засыпали в «родимца»
Мешок засохшего зерна,
Он вдруг нагрелся, стал дымиться.
Зерну тому пришла хана.

Ни жалкой капли в результате!
Надежда превратилась в пыль.
Но ...к счастью, там же, в старой хате –
В углу, где вешалось распытье –
Нашлась заветная бутылъ.

Давно хозяин на погосте.
Родня в райцентр перебралась.
Туда никто не ездит в гости,
И даже нос не кажет власть.

Так панацея от хворобы
И дозаправка для лампад,
Пройдя немислимые пробы,
Спасло партийный аппарат.

ЭПИЛОГ

Не знаю, мазал ли Безгорбов
Своё родимое пятно,
Но если даже и натёр бы,
Не закудривится оно.

На тот момент к заморским мазям
Генсека тропочка вела.
А к ним нельзя ни в коем разе
Свои подмешивать масла.

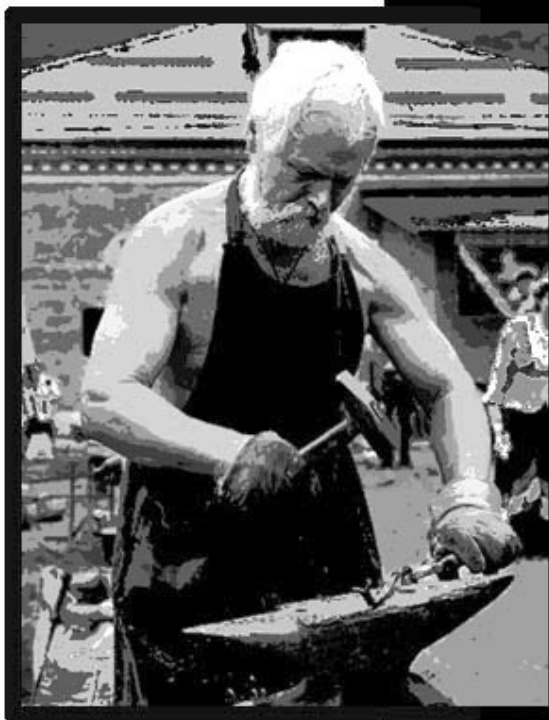
Такие смеси – кто не знает –
Похлеще молниевых гроз:
На предков память отшибают,
Пятно родимое смывают,
А с ним остатки всех волос.

Нам Дикий Запад не поможет.
Он – как и дикое зверьё –

Все наши косточки обгложет
За вспоможение своё.

Об этом помните, потомки!
И запасайтесь, господа,
Своей спасительной соломкой,
Пока не грянула беда.

7 апреля, 2019 года

ШУРУП

*Невероятное приключение,
случившееся с потомком известного русского умельца*

Однажды в Туле на закате солнца
К хатёнке ветхой, где туман клубился,
Похожий на тарелку кверху донцем,
Объект какой-то с неба опустился.

На тот момент, склонившись к наковальне,
Прищуриль глаз, работал в хате мастер.
Он не заметил, как сквозь стену в спальне
Проникли двое и сказали: «Здрасьте!»

Левша – так звали местного умельца, –
Поскольку занят был не праздным делом,
Спросил, не отрываясь:
– Что вам, немцы?
Опять в часах кукушка захрипела?

Я ж говорил, сменить у этой птицы
Немецкий голос надобно на русский.
Она морозу нашего боится,
А посему хрипит, как сторож прусский.

– Да вот, брат, приключилась незадача,
Пришлось нежданно в Туле приземлиться:
Шуруп сломался в межпланетной качке.
Нужна починка нашей колеснице.

До Марса целый год ещё полёта.
И до Луны, боимся, не дотянем.
Надежда на тебя. Найдётся что-то,
Мы за любой ценой стоять не станем.

Левша наш был покладист на приколы,
А тут вскипел. Аж молотком – по пальцам!

– Опять ты дурью маешься, Никола!
Эх, посажу тебя на курины яйца!

Не погляжу, что ты мой лучший кореш
И балагур известный в околотке. –
С рукой Левши, сам знаешь, не поспоришь:
Не к месту шутка – разговор короткий...

И оторвавшись от блохи с подковой,
Остолбенел Левша от удивленья.
Он в жизни не видал ещё такого:
По горнице гуляют приведенья.

Глаза – что ложки.
Ростом неказисты.
На узких лбах глубокие морщины.
На первый взгляд им точно лет по триста.
И непонятно – женщины ль, мужчины...

Левша, крестом широким осеняясь,
Шептал:
«Свят, свят... Анафема, изыди!»,
Я нынче трезв!
Намедни – было. Каюсь!
Так ведь никто ж, как будто, не в обиде».

Потёр глаза пудовым кулачищем,
Пожал плечами: «...дверью не скрипели,
Но как вошли они в моё жилище?
Как незаметно прошмыгнуть успели?

Неужто по трубе? ...как домовые.
Так нет же, – вся белёшенька одежда.
Видать и правда, гости – неземные.
А я их тут встречаю как невежда».

– Да вы, - развёл руками, – проходите.
Я тут вожусь с одной заморской штукой.
На ней сломал все пальцы мой родитель.
И мне передалась его наука.

Так что стряслось? А ну-ка, дайте, гляну...
Деталька, скажем прямо, грубовата.
Я дверь свою такой крепить не стану:
Металл – дерьмо! Закалки маловато.

Ковал я тут намедни сталь булатну,
Как раз к шурупам заготовки делал.
Резьбу нарежу и вкручу бесплатно,
Чтоб колесница ваша полетела.

Мы ж, как-никак, вселенские соседи,
Бросать в беде друг друга – не годится.
Глядишь, Бог даст, и мы на Марс приедем,
И с нами может всякое случиться.

Шуруп готов. За качество ручаюсь.
А золотых монет давать не нужно.
Мы здесь за так соседей выручаем.
Для русских нет дороже чувства дружбы.

Ведите к колеснице, сам прилажу,
Чтобы сомнений... – даже ни на йоту.
И нареканий мне от экипажу
Чтоб тоже не досталось за работу.

И он хотел было уж по привычке
Дверь распахнуть ногой перед гостями,
Но те прощобетали как синички:
– Пойдёмте, мастер, через стену с нами.

И взяв его под локти, марсиане,
Минуя дверь, легко прошли сквозь стену.
Левша глаза зажмурил от сиянья,
Что радугой взошло над стогом сена.

Когда же снова распахнул ресницы, –
Как будто подавился чёрствым хлебом:
Надеялся увидеть колесницу,
А тут – гигантский гриб закрыл полнеба.

Покачиваясь медленно на ножке,
Он излучал цветные фейерверки.
– Даа..., – протянул Левша, – такую блошку
Не разместишь в поющей табакерке...

За этой мыслью даже не заметил,
Как внутрь гриба вошли они без трапа,
Там, в глубине угла при тусклом свете,
Сидел мужик, похожий на арапа.

Он бил себя ладонью по макушке
И завывал бессвязно и утробно.
Так мужа потерявшая старушка,
Рыдая, убивается над гробом.

– Что с ним? – спросил Левша. – Какое горе?
Глаза глядят бессмысленно и тупо.
– Случился резкий сбой в его моторе,
Разладилась система без шурупа.

Когда мы в спячку долгую впадаем,
Он управляет всей этой машиной.
Был президентом его предок дальний.
Зовут Бараком. Человек-машина.

Марс души всех, кто распрощался с телом,
И все мозги с других планет вселенной
Хранит надёжно и пускает в дело,
Поскольку этот материал – нетленный.

Создай ему любую оболочку
И отправляй на тяжкую работу...
– Всё, как у нас: есть барские сыночки, –
Сказал Левша, – а есть и в лапоточках,
Что спины гнут, мешая землю с потом.

Так значит, не шурупит, говорите?
– Ну да, чуть что, так сразу лезет в драку.
– А ну-ка, марсиане, отойдите,
Я успокою буйного Бараку.

У нас у русских есть такое слово, –
Любого зверя делает ягнёнком.
Боюсь я, вам не выдержать такого.
Постойте лучше, милые, в сторонке.

Уж что там говорил Бараке мастер –
Большой секрет народного умельца.
Но только поутихли в парне страсти,
В груди забилось снова ровно сердце.

Смолистое лицо порозовело.
В глазах зажглись живительные искры.
– Ну, вот, – сказал Левша, – всего-то дела,
На пару рюмок аглицкого виски.

Причина сбоя тут была простая:
Что ж вы шуруп – в смышлённую машину!
К тому же из такой паршивой стали.
Он всё же человек наполовину.

А стало быть, и с ним держись как ровня.
И отдохнуть давай в дороге дальней.
Ведь нет у вас других, его окромя,
Как у меня – окрёмья наковальни!

Шурупами не крепят узы дружбы.
Но добрым словом крепят, делом добрым.
Благодари товарища за службу,
Чтобы не стала служба песней скорбной.

К таким нравочениям пришельцы
Совсем, как видно, были не готовы.
Но уши их – прорубленные щельца –
Заметно расширялись с каждым словом.

– Любезный мастер, вы мудрец, философ.
У нас таких уж днём с огнём не сыщешь.
Мы не решаем нравственных вопросов,
Как вы в своих убогоньких жилищах.

Чем отплатить за работа, не знаем.
Вы в нищете, но к злату равнодушны.
А может любопытства ради с нами
Прокатитесь в пространстве безвоздушном?

Со стороны на Землю поглядите.
Такой красивой рядом нет планеты,
Где вы, как нам казалось, сладко спите,
Как спят в утробе материнской дети.

Вас не гнетут вселенские заботы,
От коих мы уже – не человеки.
Порой в душе и защемит вдруг что-то,
Но тут же и угаснет вновь навеки.

Бессмертье не даёт душе отрады.
В нём нет страстей, нет искренних печалей.
Тех мелочей, что вам приносят радость,
На Марсе мы уже не замечаем.

У нас других размахов бездорожье.
И дураков иное измеренье.
Вы всё ещё живёте здесь по-божьи.
А мы давно – по своему хотенью.

– Послушать вас, – сказал Левша, – так скука
Всю жизнь на Марсе, как сквозняк, пронзает.
И по наследству переходит к внукам.
Что будет завтра, всяк заранее знает.

Не то у нас. Вы правы, с божьим словом
Идём ко сну и новый день встречаем.
К друзьям – добры. А к недругам – суровы.
В своей родной земле души не чаем.

Хоть всяк чужак горазд пинать Россию,
Наш государь – дай Бог ему терпенья! –
Взывает к миру. Но копёт и силу
На все дурные их поползновенья.

И то не правда, что в простых заботах
Мы к Небесам не устремляем взоры.
Есть на Руси немало доброхотов
Разведывать небесные просторы.

Порой и я на Марс гляжу ночами,
И мысль сверлит: а почему он красный?
Неужто у вас ружья кирпичами
Солдаты чистють при погоде ясной?!

Мы так не чистим, почитай, лет двести.
Я вам сейчас большой секрет открою:
Совсем не чистим... Но и в гиблом месте
Ружьё у нас всегда готово к бою.

В него хоть ты песку насыпь полдула,
В болото брось – и всё равно стреляет.
О том, что есть на свете город Тула,
По ружьям всякий басурманин знает.

Ребят у нас немало башковитых.
Веками удивляют всю Европу:
Хоть водки без закуски выпить литр,
Хоть подковать блоху без мелкоскопу.

Вот я – косой, левша, но даже взявши,
На блошки ножки смастерю обувки.
Глаз у меня сызмальства пристрелявши.
Хотя с трудом осилил в школе буквы.

Поди, осиль, коли учитель – немец.
Ему букварь наш, словно ладан чёрту.
Он спит и видит в русском только немощь.
Считает существом второго сорту.

Да, не сильны мы в аглицкой науке.
И к чистоплюйству немцев тяги нету.
Но дал Господь мастеровые руки
И головы, где мы храним секреты.

За головой моей идёт охота.
А вот душа, видать, для них – потёмки.
Всё нороят в неё подсыпать что-то –
Травы забвенья иль дурман-соломки.

Иной раз порыбачить соберёшься,
Глазам дать на природе передышку,
Закинешь снасть – давай, ловись, рыбёша!
А там ...русалка – прыг тебе в подмышку!

И ну – ласкать! Выделывать такое,
Что и во сне срам суций видеть это.
И думает, что я сейчас открою
За нежность ласк державные секреты.

А шиш тебе, заморская блудница!
Мы хоть царя за рюмкой и ругаем,
Но встанем грудью защищать столицу.
И меру в ласках откровенных знаем.

У нас есть поговорка «делу – время!
Потехе – час!» И то короткий очень.
Пора и вам, пришельцы. Ногу – в стремя!
А мне ещё с блохой корпеть полночи.

Сказать по правде, други марсиане,
Слетать к вам в гости мне не помешало б.
Но что с заказом делать для Британи?
Они ж Москву завалят кучей жалоб.

И туляки, конечно же, осудят:
«Продался! – скажут. – Поздно раскусили».
Пусть лучше всё как было, так и будет:
Вам – красный Марс. Мне – уголок России.

Левша, прощаясь, подошёл к Бараке.
Обнял за плечи и сказал на ухо:
– Обидят если, не склоняйся к драке,
А отбивайся русской наукой.

Слова запомни, что сказал тебе я
В начале этой необычной встречи.
От них даже медведь в лесу робеет,
Когда бороться с зверем больше нечем.

Мужик-машина рухнул на колени
И молвил, руку мастера целуя:
«О, мудрый целовека, руськи гений,
Всё без шурупа в память запишу я ...»

Тут всё внезапно громко загудело
И растворилось, как в густом тумане...
Левша очнулся за привычным делом.
Пред ним подковка звёздочкой блестела
И сломанный шуруп на наковальне.

24 ноября 2014 г.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – К ТРОНУ

Поэма

*Монологи-воспоминания императрицы
Екатерины Великой наедине с собой.
(За пять месяцев до кончины)*

ПРОЛОГ

(Петергоф. Июнь 1796 г.)

Белёсый туман по аллеям струится.
Пора удивительных белых ночей,
Когда даже Матушке Императрице,
Как в юные годы, до зорьки не спится,
А в спальне светло без горящих свечей.

Она, седину укрывая за ухом,
В глубь зеркала смотрит, как в память свою:
«Уже отцвела.
Но ещё не старуха,
Ещё над обрывом судьбы не стою.

К закату иду не с разбитым корытом –
Горжусь воплощённой заветной мечтой:
Россия из пропасти – взмыла к зениту.
Сияет во славе мой Век Золотой.

О прожитом нет беспросветной печали,
Хотя уже многое скрылось в тени...
С младым фаворитом¹ рассветы встречаю
И тем продлеваю закатные дни».

В саду слышен говор четы голубиной.
Рассветным лучом зажигается клён.
А перед глазами царицы – картины,
Давно уже канувших в Лету времён:

Она молода.
Пусть не очень красива,
Но есть в этой немке врождённый магнит,

---

¹ Фаворит (итал. favorito, от лат. favor — благосклонность) — лицо, пользующееся благосклонностью правителя, влиятельного лица, получающее от него различные привилегии.

Которым она в дряхлом сердце России
Должна запустить обновления ритм.

Но чтобы сменить этот марш похоронный
На полный мажора, бравурный галоп.
Ей надо пройти через тернии к трону,
У самых опасных, обрывистых троп.

КОСА – НА КАМЕНЬ!

(Июнь 1762 г. Петергоф. Канун переворота)

Недобрые вести...
Душа не на месте...
Супруг, между нами сжигая мосты
(Совсем не к его императорской чести),
Задумал меня заточить в монастырь.

Вчера при послых злобно выпалил: «Дура!»
И сам на английский язык перевёл
Понятную всем речевую фигуру –
«You’r fool!»¹
Я покинула трапезный стол,
В сердцах ему бросив по-русски: «Осёл!»

Уж как там толмач объяснял это слово,
Не знаю, но думаю, оных послов,
Изрядно набравшихся зелья хмельного,
Назвать можно каждого было ослом.

Мой муж себя мнит прокуратором римским:
Любовница в спальне – милей, чем жена,
Дитя оторвал от груди материнской,
Я видеться с сыном родным не должна,

Теперь откровенно грозит Соловками.
В опасные игры решил поиграть.
Тут явно коса наскочила на камень.
Но я даже голыми буду руками
Дурную траву государеву рвать.

---

¹ Ю’р фулл! – Ты дура!

А за что же тогда полегли
Солдаты, что храбро в атаку вставали,
И вражьи мундиры штыками пронзали,
За тысячу вёрст от родимой земли?

Европа всегда ищет слабость в России:
Ей нужен медведь для потехи зевак.
Когда ж накопил он на волюшке силы,
Готова травить сворой гончих собак.

Что ж, будем дубину готовить для своры,
Как было при Грозном царе и Петре.
Но прежде, без лишнего шума и споров,
Порядок хочу навести при Дворе.

Надёжные люди уже, слава Богу,
Готовы стоять за моею спиной.
Господь да не будет судить меня строго
За этот державный, решительный бой!

РОДОСЛОВНАЯ ТАЙНА

Местечко, где я родилась, – муравейник,
Откуда сбежала тоску разгонять
В богемных столицах – в Париже и Вене –
Моя, с авантюрным характером, мать.

Красивая.
Страстная.
Полная жажды
Водить хороводы мужчин за собой.
В объятьях её оказался однажды
Известный российский вельможа – Бецкой.

Я – плод той любви, вне закона рождённый.
Об этом не знает законный отец.
Блаженны мужья, коих юные жёны
Хранят от секретов, в сердцах потаённых,
Простым оберегом из брачных колец.

Немецкое пиво на русской закваске
Искристо вздымается пенной волной.
Всё это, быть может, наивная сказка,
Но, чувствую, нрав мой такой же взрывной.

Я веру сменила не ради забавы
И именем русским не зря нареклась.
По-русски молюсь о величье державы,
Где нынче такая бездарная власть.

Конечно, сверженье царя – авантюра.
Тут важно, как в шахматах, предугадать,
Когда может слабая с виду фигура
За пару ходов королевою стать.

В момент эйфории нельзя ошибиться:
Когда королю объявляется мат,
То пешка становится – Императрицей!!!
Она возглавляет победный парад.

Я часто во сне эту партию вижу.
В фигурах знакомых людей узнаю:
Одних подпускать к себе можно поближе,
Другим – и намёка на то не даю,

И в этом я очень похожа на маму.
От папы, увы, нет пока ничего.
Возможно, когда буду старою дамой,
В чертах моих вызреет образ его.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ И ПРОВЕРЕННЫЙ ДРУГ

1.

Июньская ночь перед главным сраженьем –
Пуглива, как лань, и как миг, коротка.
А мир в напряженье застыл без движенья,
Как в лютый мороз застывает река.

В груди сердце бьётся встревоженной птицей:
Не чаю дожидаться хороших вестей,
Что, верно, везёт мне уже из столицы
Григорий Орлов, не жалея коней.

Проверенный друг, беззаветно мне предан,
Весьма уважаем в армейской среде,
Где ценят за храбрость, за волю к победам,
За то, что язык держит в крепкой узде.

Он знает все тонкости тайного плана,
Поскольку и руку к нему прилагал,
И вызвался быть исполнителем главным,
А коль вдруг случится, что зря рисковал,
То взвалит вину на себя за провал.

2.

Огромного роста, приятен обличем,
В плечах его крепких – косая сажень,
Но важных наук не прошёл в заграничье,
Манерам не выучен дипломатичным –
В политике тень наводит на плетень.

Подобным талантом супруг мой отмечен
И этим всё чаще сегодня грешит.
Григория трудно уже онемечить –
Он русской суровою ниткою шит.

В нём чувства простые, как факел, пылают.
В душе не гнездится притворная лесть.
А сплетни, что злая молва распускает,
Как бравый солдат почитает за честь.

Он мой талисман
И предвестник удачи.
Скорей бы...
Как тягостна летняя ночь!..

.....

Чу!..
...всхрапы коней...
Вон фигура маячит...
Григорий!!!
...приехал...
Сомнения – прочь!

В ДОЛГОЖДАННЫХ ОБЪЯТЯХ

И вот я уже в долгожданных объятях:
Ловлю его губы... вздымается грудь...
Набросила в спешке какое-то платье,
Корсет впопыхах не успев застегнуть...

И – в путь!
По ухабистым русским просторам.
«...успеем ли, Гриша?»
«...успеем, Катюш.
Сей ночью отрётся наш царь от престола...»
«...Пётр Третий?!»
«Да, Третий! И ... первый твой муж.

Там братья мои поработали славно,
Чтоб пушке на время заклинило ствол.
Теперь, дорогая, забота о главном –
Достойно тебя возвести на престол.

Готов у царицы быть правой рукою,
Корону златую и трон охранять.
Приказы её и желанье любое
Мне в радость и ночью, и днём исполнять».

Ах, Гришенька, милый!
Бесстрашный вояка!
В бою рукопашном,
    в атаке хорош!
Но вряд ли в придворных ты выстоишь драках,
Где ценность отваги – лишь ломаный грош.

Затопчут бойцы подковёрных баталий,
Стать правой рукой ни за что не дадут,
Широкою грудь в орденах и медалях
На подступах к трону всегда обойдут.

Гадать о грядущем не стану я, Гриша.
Что будет – увидим.
Что было – прошло.
Дороги судьбы назначаются свыше,
И наша забота, покуда мы дышим,
Чтоб снегом забвенья их не занесло.

Встречает карету заря расписная,
Диск солнца – что твой каравай для гостей.
И громко стрекочет сорока лесная
В предчувствии важных державных вестей.

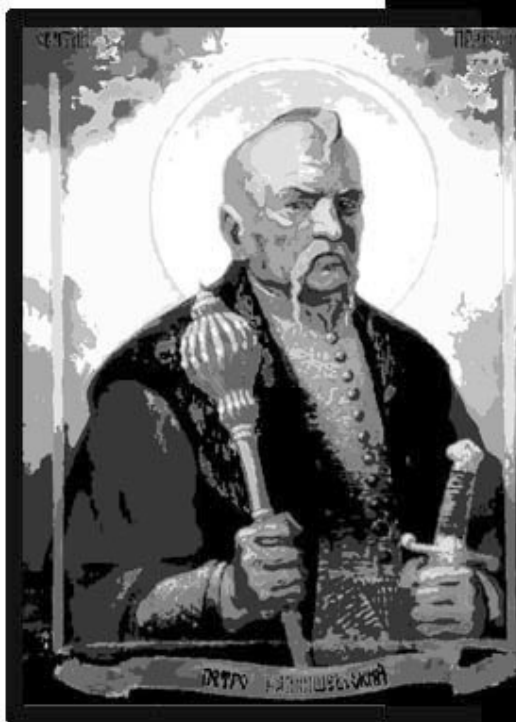
ЭПИЛОГ

Победный салют засиял над столицей.
Торжественным маршем проходит парад...
«Да здравствует Матушка Императрица!!!»
«Ура!!!» – громогласно гвардейцы кричат,

И благовест звучный плывёт над Невою,
И «Многая лета» гудит в куполах,
И старый священник святою водою
Кропит на удачу в грядущих делах.

Потомки со временем сложат былины
О том, как не будучи в жизни святой,
Вошла венценосная Екатерина
Во имя России в свой Век Золотой.

И вместе с Россией Великою стала!
Прославлено имя народом в веках...
Так камень становится чудным кристаллом
У мастера в добрых, умелых руках.

ПОСЛЕДНИЙ КОШЕВОЙ

Поэма

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Мысль написать поэму о последнем кошевом атамане Запорожской Сечи Петре Кальнишевском возникла у меня после знакомства с интересным человеком, кубанским казаком, которого в Орле многие знали просто как «боцмана». Это прозвище пристало к нему с тех пор, когда он впервые появился на Орловщине после службы на Северном Флоте ещё в начале 50-х годов, теперь уже прошлого столетия. Имидж «боцмана», как модно сейчас говорить, полностью соответствовало как его манере одеваться, так и внутренней сути этого неординарного человека, настоящее имя которого Александр Иванович Зубарев-Мистряк.

Несмотря на почтенный возраст, он с гордостью носил матросскую тельняшку и плоскую кепку, наподобие бескозырки. И грудь его, как и душа, в любую погоду была нараспашку. В дополнение к этому, он был ещё и прекрасным рассказчиком, сочинял патриотические стихи. Одним словом, этакий, выдавший виды – Боцман.

Узнав, что я интересуюсь Кальнишевским, он рассказал мне, с нескрываемым волнением, как ему довелось, больше года, отбывать наказание за какую-то провинность в дисциплинарном батальоне на территории Соловецкого монастыря. Каждый день арестантов водили строем на работу и с работы мимо надгробной плиты с могилы «...кошевого бывшей некогда Запорожской грозной Сечи казаков атамана Петра Кальнишевского...» и он, родовой казак, знавший это имя по старинным песням, ежедневно обращался мысленно к нему, как обращаются с молитвой о помощи к Святому и это, по его словам, помогало переносить все невзгоды. Ведь стыдно жаловаться на свою судьбу, когда есть яркий пример стойкости и мужества в гораздо более тяжёлых условиях и сроке заточения.

Потом Александр Иванович снабдил меня некоторыми документальными материалами. И когда работа над поэмой

пошла уже сама собой, я почитал некоторые первоначальные наброски своим друзьям, чем вызвал, скажем так, «мягкий» упрёк в свой адрес, выраженный в словах «а почему это ты льёшь воду на мельницу хохлов?» Меня такая оппозиция удивила, но не заставила бросить начатой работы, ибо я всегда считал, что мы с «хохлами» мелем муку на одной и той же мельнице.

История двух братских народов, украинского и русского, настолько глубока, тесно переплетена и крепко связана, что разделять её в угоду националистическим идеям и псевдопатриотическим порывам, по крайней мере, было бы оскорбительно как для России, так и для Украины.

Откуда «есть пошла земля Русская?» От Руси Киевской.

Куда бежал, скрываясь от непосильного гнёта, русский и украинский крепостной крестьянин, и где искал убежища беглый разбойник, вор? На Руси «украинной», где в низовьях Днепра просуществовала несколько веков подряд знамени тая казачья вольница – Запорожская Сечь, основу которой и составляли эти самые беглые россы и малороссы.

А какой, скажите, народ имеет больше преимуществ приписывать себе великие творения Гоголя или Репина?

И тот и другой – национальная гордость и России, и Украины. Гоголь создавал свои малороссийские шедевры

«Тарас Бульба», «Вечера на хуторе близ Диканьки»,

«Ночь перед Рождеством»... на русском языке. В переводе на украинский, они блекнут, теряя весь свой национальный колорит. И только на гоголевском русском, они передают всю прелесть и обаяние малороссийской речи.

А Илья Репин искал образы для своего знаменитого полотна «Запорожцы пишат письмо турецкому султану» в кубанских черноморских станицах, среди потомков «славных запорожцев», которые после разрушения Сечи поселились на Кубани. На этой казачьей земле, воистину, произошло настоящее воссоединение Украины с Россией. Здесь две славянские культуры слились в одну. Она украсилась неповторимым кавказским колоритом, который питает её, подобно свежим горным ручьям и речушкам, что наполняют главную казачью реку – Кубань.

В кубанских станицах до сих пор поются старинные запорожские песни, в которых главными героями являются любимые в народе исторические личности. Это атаманы-сечевики: Байда-Вишневецкий, которого турки казнили, сбросив на крюки, вделанные в крепостной стене, на которых он провисел несколько дней, проклиная своих мучителей, пока его не расстреляли стрелами из луков; Иван Сирко, писавший знаменитое письмо турецкому султану; гетман Петро Дорошенко, гетман Сагайдачный, что «...променяв жинку на тютюн та люльку необачно»; писарь Захар Патока, замученный в Соловецком монастыре, которому вырезали язык.

В одном ряду с ними стоит имя и последнего кошевого атамана Запорожской Сечи – Петра Кальнишевского (Калнаша), который избирался на этот высокий пост в течение десяти лет подряд, как никто другой до него, и которого, также, как и Патоку, постигла участь соловецкого узника. Жизнь этого «кряжистого дуба запорожского» и его роль в трагической судьбе Сечи, по сегодняшний день ещё мало изучена. Она полна тёмных пятен, вымыслов и легенд.

Мой герой прожил очень долгую по человеческим понятиям жизнь. К моменту разрушения Сечи в 1775 году, ему уже было восемьдесят шесть лет. До этого возраста многие люди просто не доживают. Он же прожил ещё двадцать семь лет, проведя двадцать пять из них в одиночной тюремной камере-каземате, где многие до него или сходили с ума, или умирали мученической смертью. На Соловках атаман быстро ослеп, но встретил указ о помиловании в здравом уме, будучи глубоким старцем ста десяти лет от роду. В конце жизни, на сэкономленные деньги, он приобрёл евангелие, весом более 34 фунтов, стоимостью в 2435 рублей, и подарил его монастырю. Не пожелав уезжать, остался при монастыре. Умер там же, на Соловках, в 1803 году, в возрасте 112 лет.

В силу того, что кошевой был человеком богатым, состоял в дружбе и родстве со Светлейшим князем Григорием Потёмкиным, и не дал запорожцам защищать Сечь с оружием в руках, когда генерал Текели пришел со своими полками выполнить царский указ, ему ставят в вину измену и предательство современные украинские историки. В свою очередь,

известны доносы на Кальнишевского, который, якобы, «вознамерился выступить против России ...и уйти под турецкую протекцию», что и послужило одним из пунктов обвинения в «дерзновенных проступках» и «вероломном буйстве» самого атамана, а также судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы. Всех троих, без суда и следствия, было предписано «отправить на вечное содержание в монастыри, из коих кошевого – в Соловецкий, а прочих – в состоящие в Сибири...». После этого след Кальнишевского был потерян на целую сотню лет, ввиду строгой секретности его заточения.

Дело историков, разбираться в правдивости, или лживости всего того, что связано с именем последнего запорожского атамана. Моя задача более проста: используя исторические документы как побудительный мотив, изложить в поэтической форме своё видение событий, участниками которых были мои предки, запорожские казаки, современники Кальнишевского. Поэма, произведение не документальное, и поэтому действующие лица и хронология событий не всегда совпадают с реально имевшими место быть. Это, как я уже сказал выше, дело историков. Мне хотелось создать документ эмоциональный. Насколько это удалось, судить тебе, читатель.

В заключение предисловия хочу ещё раз вернуться к тому, о чём говорил в начале. История и судьба Украины и России – неразделима и не должна служить яблоком раздора между двумя народами-братьями, ибо нашу историю и нашу судьбу чаще всего вершили одни и те же личности. Ещё одним подтверждением этому явилось открытие в 2003 году памятника последнему Запорожскому атаману Петру Ивановичу Кальнишевскому в Соловецком монастыре. Инициатива исходила от украинской стороны при братской поддержке России.

Слава Богу, что мёртвые напоминают нам, живым, откуда мы «есть пошли».

ПОСЛЕДНИЙ КОШЕВОЙ

(Поэма)

ПРОЛОГ

(Запорожская Сечь.

Ночь с 4 на 5 июня 1775 года)

*Наступає чорна хмара
Ще й дощик із неба;
Зруйнували Запорожжя –
Колись буде треба.*

(из старинной куб. казачьей песни)

Как улей потревоженный
Гудит с рассвета Сечь:
Повис над Запорожьем
Судьбы Дамоклов меч.
Скликаая всех на Раду,
В литавры довыш бьёт.
Тяжёлый, безотрадный
Церковный звон плывёт.

Всё войско в нетерпении:
«Чего мы, батько, ждём?
Иль станем на колени
Перед москалём?
Кольцом уже сжимаются
Текелия¹ полки.
Не жди от пушек здравицы, –
До зброи, козаки!²»

Опухший от бессонницы –
Тяжёлой ночь была, –
Калнаш³, казалось вольнице,
Был выбит из седла.

---

¹ Текелий (Текели) - российский генерал, командовавший уничтожением Сечи.

² До зброи, козаки! (Укр.) - К оружию, казаки.

³ Калнаш – запорожское прозвище кошевого атамана Петра Кальнишевского..

Таким еще ни разу он
На Раде не стоял:
Впервые хлопцев к разуму –
Не к битве призывал.
«Не верю.
Нет, не верю я,
Что нас кончина ждёт.
Что славянин Текелий
Казачью кровь прольёт.
Не станем в драку первыми,
Как нехристи, влезать
И православноверных
На пики поднимать».

Громада¹ раскололась:
«Какой он брат – он враг! –
Кричит, срывая голос,
Хмельной полковник Лях. –
Мне лучше уж к султану
Под полумесяц стать,
Чем москалю Ивану
Поклоны отбивать.
Дурить народ – кончай-ка!
Чем задарма в полон,
Садимся, хлопцы, в «чайки»²
И – гайда за кордон!
Спасем и честь, и славу.
Построим нову Сечь.
А под орлом двухглавым
Себя нам не сберечь.
Калнаш, видать, проданся.
С Нечёсой³ водку пьёт.
С царицей лобызался.
Под дудку их поёт!
Осыпан бриллиантами!
И слава, и почёт!
На кой мы ему чёрт!»

---

¹ Громада (укр.) – общество.

² Чайки – казачий флот.

³ Грыцько Нечёса – запорожское прозвище Потёмкина.

Кипят, бушуют страсти.
Не войско, а толпа:
Над нею нету власти,
Как в церкви без попа.

Походным атаманом
Был тут же выбран Лях.
Согласных с дерзким планом
Нашлось во всех полках.

На счастье, план удался:
Их спас казачий флот.
Текелий просчитался,
Не взяв того в расчёт.

Легки казачьи лодки.
Проворны в камышах.
К свободе путь короткий –
Лети на всех ветрах!

О берег бьются волны.
Не молкнет птичий грай.
Мечта о воле вольной
Ушла в турецкий край.

Она ещё вернётся,
Как ласточка весной.
Но здесь могилы хлопцев
Сравниются с землей.

Поруганные храмы
Разграбят, разберут.
И Сечь, казачью славу,
Забвенью предадут.

Колодники пополнят
Острожные края.
Кого-то в песнях вспомнят,
Как нынче вспомнил я

Того, кому досталось
Быть в славе и в чести
И до глубокой старости
Тяжелый крест нести.

СОЛОВКИ

1. СЕВЕР

Север матушки России.
Край, суровостью красивый.
Даже мысленному взору –
Напрягай, не напрягай –
Велики его просторы.
Необъятен этот край!
От границ спокойных финнов
До чукотских берегов –
Богатырский шлем былинный
Из хрустальных ледников.
Тундра, топи да болота,
Гнус и звери, даль снегов...
Вряд ли есть на свете что-то
Отдалённей Соловков.

Посредине Бела моря,
В окруженье островов,
Мощью стен с ветрами споря, –
Монастырь – гроза веков:
Символ веры и страданий
Сына божьего, Христа.
Обиталище преданий,
Шепотком, из уст в уста.
Стоны тайно убиенных,
Быль и небыль – всё хранят
Непомерной толщи стены,
Молчаливые стоят.

Мало кто по доброй воле
Путь держал на острова.
Отправляла на Поморье
Всех ослушников Москва.
Не за ягодой морошкой,
Не за прелестью озёр:
В кандалах торил дорожку
Бунтовщик, расстрига, вор...
Те, кому ещё осталось
Богу должное отдать,
Те, кому не доставалось
В одночасье умирать.

Только чем застенок мрачный
Лучше крючьев палача?
Ничего в нём жизнь не значит.
Здесь душа, страдая, плачет,
Как горящая свеча.
Смерть даёт тебе отсрочку,
Но берется за тесак,
Отрезая по кусочку
Ежедневно свой ясак¹.

2. ДОРОЖКА ТОРЁНАЯ

*«Дорожка торёная
эх, торёная да незнакомая.».
(Русская нар. песня.)*

К Соловкам на Беломорье
От Москвы не близок путь.
Амуниция конвою
Ломит плечи, давит грудь.
Но приказ – не расслабляться!
В клетке, чай, не попугай:
Поважнее птица, братцы,
Так что рот не разевай!

---

¹ Ясак (татарск.) – дань, доля, налог, побор.

Мчит тюремная карета
По ухабистой Руси.
Сквозь дожди, шальные ветры,
Боже правый, пронеси!
Хоть оно и не зимою,
Но дорога такова –
Дотянуть бы до постоя,
Там бы выспаться едва.
Стражник тягостно зевает
Под недремлющим штыком,
Узник кости разминает
Под прохладным ветерком.
День за днём возок скрипучий,
Храп усталых лошадей.
Сквозь решётку – только тучи.
Только тучи двадцать дней.
Лучик солнца – редким гостем,
Бог не кажет светлый лик.
К непогоде ноют кости,
Думу думает старик.

У МЕНЯ БЫЛ КОНЬ БУЛАНЫЙ

*«Думы мои думы,
льхо мэни з вами».
(Укр. нар. песня)*

Славно было Запорожье –
Вольница казачья!
Сабли редко клали в ножны,
Да и как иначе?
То на турка, то на ляха,
То поход на шведа...
Сичевик не ведал страха:
Смерть – или Победа!
Как могло такое с нами,
Хлопцы, приключиться,
Чтобы верх над казаками
Вдруг взяла царица?

И татары нас боялись,
И дрожали ляхи.
А царица положила
Головы на плахи.

Чем же так мы прогневили
Всевышнего Бога,
Чтобы кости наши гнили
В тюрьмах и острогах?

Или мы не проливали
Кровь за Русь Святую?!
Или Бога поминали
Непотребно, всуе?
Может били мы поклоны
Не совсем усердно?
Или матушкину трону
Не служили верно?

Костью в горле для России
Стало Запорожье.
Раздавила сила силу –
Пушками и ложью.

Думай, батько, в тяжкой доле
Время есть в запасе.
Думай думку о неволе
И о смертном часе.
Где твой верный конь споткнулся,
Потерял дорогу?
Дух мятежный встрепенулся
Песней на подмогу.

Гэй, у мэнэ був коняка.
Був коняка – розбьяка.
Була шабля, щей рушныця
И дивчина чаривныця.

Коня мого туркы вбылы.
Ляхы шаблю пощербылы.
И рушныця полomalась.
И дивчина видцуралась.

(У меня был конь буланый.
Конь буланый – окаянный.
Была сабля, пика длинна
И красавица дивчина.

Коня турки зарубили.
Ляхи саблю зазубрили.
Ружьё, пика полomalась.
И дивчина отказалась.)

(перевод мой – В. С.)

БЕЛОМОРЬЕ

В последний раз он видел море.
В последний раз, в последний раз,
Лаская девственную волю,
Прощальный взгляд бросает глаз
На исчезающий навеки
В густом тумане материк.
И чутко вздрагивают веки
На отраженный солнца блик.
Вода во всех морях похожа.
Но в Чёрном – мягче и теплей.
На Беломорье ветры строже,
А штормы яростней и злей.
Природа, будто бы в насмешку,
Готовит узника к тюрьме:
Орёл ли выпал или решка,
Но твой удел – истлеть в ярме.

На горизонте показалась
Монастыря крутая грудь.

И словно туча разрасталась...
Пришёл к концу неблизкий путь.
Баркас уткнулся в берег носом...
И для людей на сотню лет
Так и останется вопросом:
Где потерялся батьки след?
Молва уйдёт в легенды, в песни.
И лишь старинный документ
Откроет времени завесу,
Означив истины момент.

МОНАСТЫРЬ

*Ой, полети ж ти, та чорная галко,
Та й на Дон рибу їсти.
Ой, принеси нам, ти чорная галко,
От Калниша вісті.
(Стар. казачья песня)*

На лице архимандрита
Две морщины между глаз.
Развернув бумажный свиток,
Как привычную молитву,
Он читает вслух указ.

«...Содержать бывшего атамана безвыпускно из монастыря и удалять не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения за неослабным караулом находящихся в монастыре солдат».

– Пусть забудет о вчерашнем:
Дверь с запорами крепка.
В Головленковскую башню
Отведите казака.
Там, под номером пятнадцать,
Есть уютный каземат.
Правда, негде разгуляться

Батьке вольного казачтва,
Но ему и чёрт – не брат.
Чем богаты, тем и рады.
Мы – не тёща.
Он – не зять.
Есть указ.
И есть порядок.
Наше дело – исполнять.

Караульный поднял палец:
– Не проветрилось ишшо,
Предыдущий постоялец
Пару дней, как отошёл.

– Не беда.
Оно и лучше:
Хоть какой-то дух живой...
Дверь тяжёлая, скрипучая
Закрылась за спиной.

– Неужели жизнь возможна
В этой келье гробовой?
Сохрани, помилуй, Боже!
Я теперь навеки Твой.

– Размещайся, казачище,
Глубоко, брат, не вздыхай.
Привыкай к скоромной пище:
Знамо, тут не Божий Рай!
Может, дальнею дорогой,
Лучше б сразу помереть...
Даст Господь, и ты недолго
Будешь муки здесь терпеть.

Свет в окошке каземата
Незаметно потускнел.
Спать не велено солдату,
Узник тихо захрапел.

Сон ли это,
Или дрёма,
Или просто забытьё?..
Позади раскаты грома,
Впереди – небытиё.

Прошло 15 лет

5. ЮБИЛЕЙ (Год 1791)

*Солнце всходит и заходит,
а в тюрьме моей темно.
(Руск. нар. песня)*

Когда-то зоркие глаза
Уже не видят Божий свет.
В них даже высохла слеза.
В глухой тюрьме просвета нет.
Четыре каменных стены.
Будь зрячим ты или слепым,
С какой ни глянешь стороны –
Могильный склеп – живым.

Священных книг уже давно
Он не читал, свечей не жёг.
Лишь через памяти окно
Ещё летать, как птица, мог.
Туда, где в кость его судьбы
Клинком врубилось слово – Сечь.
Ах, если б, если б да кабы...
Но не растут во рту грибы:
Не вышло вольницу сберечь...
И лучше было б не листать
Пропахших порохом страниц:
Полёты памяти подстать
Возне пленённых птиц.
Казни и миловай себя
За не свершённые дела,

Пока небесная труба
К себе не позвала.

Так запорожский атаман
Встречал столетний юбилей.
Никто на ужин не был зван,
Никто не говорил речей.
Заказан не был в храмах звон,
Молчали пушки за рекой.
И не несло со всех сторон:
«Здоров будь, батько кошевой!»
Лишь сам себе шептал он: «Пей!
Тебе, знать, свыше суждено
За всех товарищей, друзей,
Пить это горькое вино.»

Потёмкин умер в этот день.
Была в слезах императрица...
Едва ли траурная тень
Коснулась узника в темнице.

Пять лет спустя, другая весть
Осталась также за стеною.
Екатеринин Век, как есть,
Ушел со славой и виною.¹

ГРИЦЬКО НЕЧЁСА (рассказ кошевого)

*Одной рукой он в шахматы играет.
Другой рукою он народы покоряет.
Одной ногой разит он друга и врага,
Другую топчет он вселенны берега.
(А. Державин – торжественные «Хоры»)*

Потёмкин, сказывали, был
Любимцем первым у царицы.

---

¹ В 1796 году умерла Екатерина Великая.

В Сечь наезжал. Горилку пил.
Меж казаками просто слыл
«Грыцьком Нечёсой из столыци».

У казака ж такой язык,
Что как из пушки – точно бухнет!
Ведь на Потёмкине – парик
И нерасчёсанные букли.
Что за паршивая овца!
От смеху Сечь кишки порвала,
Когда вельможу «из Дворца»
В казачье братство принимала.
Стать запорожцем пожелал.
Не поскупился речью сладкой:
Во всеуслышание звал
Меня «мой милостивый батько».
На верность Кошу присягал.
Братался с хлопцами, как равный.
Но слово чести не сдержал,
Подрезал Сечь, как волк барана.
Да разве мог подумать я,
Что отпрыск мамки толстогрудой
Полз в Запорожье, как змея,
Уже играя роль Иуды.
Я атаман, а не Христос.
И хлопцы наши не пророки.
– Принять?
Принять! Какой вопрос!
И чин, по праву, дать высокий.
Громада рассудила так,
Как испокон в Сечи велось:
Уж если ты теперь – козак,
Сбривай ненужные волосья.
Для запорожца важен чуб,
Усы и люлька меж зубами.
Таким Сечи ты будешь люб.
Не хочешь – отправляйся к маме!

– А ну, братва, скорей срывай
С него все тряпки бабки старой!
А ты, вельможе, не зевай,
Да поживее примеряй
Кунтуш, сорочку, шаровары!¹

– Найди-ка чоботы ему
Да дёттем смажь жирней, Данило,
Чтоб и татарину в Крыму
От духа нос отворотило.
А был чтоб полным козаком,
Не задирали на людях носа,
Пусть будет питерский Грицько
К Сечи приписан как Нечёса.

– У нас потомственным князьям
И их воспитанным потомкам,
Будь ты хоть трижды князь Потёмкин,
Бродить без прозвища нельзя.
Оно – пароль для казака.
А уж в потёмках – особливо!
Нечёса – это на века!
Как, скажем,
Бульба,
Дуля,
Слива...
Я, до того, как в Сечь пришёл,
Сам паном Кальнишевским звался.
Но окрестили Калнашом
И в атаманах им остался.
Не кочевряжился Грицько,
Он знал про здешние порядки.
Расстался с буклями легко,
Дал хлопцам снять с себя все тряпки.
Обрили князя.
И усы
С хвоста задрипаной кобылы

---

¹ Кунтуш, сорочка, шаровары – одежда запорожца.

Такие гарные зобылы,
Что только свистнешь от красы.

Потом же надо всё обмыть,
Оно ж порядок есть порядок!
«А ну, Грыцьку-Нечёсе влить
Из Запорожских старых кадок!»
Горилку с перцем, морщась, пил,
Но кухлик¹ выцедил немалый.
И на закуску попросил
Не что-нибудь – «цыбули з салом».

«Музыки, вдарьте гопака!
Да так, чтоб пыль пошла по Сечи».
И закружили козака.
Тому и крыть уж было нечем.

На городи пастэрнак, пастэрнак.
Чи я ж тоби нэ козак, нэ козак.
Чи я ж тэбэ нэ люблю, нэ люблю,
Чи я ж тоби чэрэвычкы нэ куплю!

ДОНОС (Видение кошевого)

1. ПАВЛО САВИЦКИЙ

*«И я говорю вам,
что один из вас предаст меня».
(Евангелие от Иоанна ст.13.21)*

Скрипит перо.
Уткнут в бумагу нос.
В стараньи сгорбилась спина.
Строчит на Кальнишевского донос –
Подумать только! – верный старшина
Павло Савицкий.

---

¹ Кухлик (укр.) – кружка.

Хочется схватить
За длинный чуб, нагайкой отхлестать.
Но прошлое уже не изменить,
На старшине том Каина печать.
Душе без плоти лишь взирать дано
На прожитую жизнь со стороны.
И атаман, читая тот донос,
Не помешает мыслям старшины.
Перо скрипит.
И где-то казначей
Уже отсыпал долю из мешка.
Звон серебра обещанных грошей
Бросает в пот иуду-казака.
Слова за мыслью злобною бегут,
Нагромождая трудный оборот.
Там, наверху, оценят и поймут.
И в нужный час дадут бумаге ход.

Пока ж она лишь пишется ещё,
Читатель мой, используя момент,
Даю тебе взглянуть через плечо
На сей прелюбопытный документ.
Хотя придётся тоже попотеть,
Вникая в суть корявого письма,
Что обрекает ближнего на смерть.
То говорит история сама.

«Ваше Высокопревосходительство.

Премилосерднейший Отец и Патрон.

Доношу верно, что атаман кошевой Петр Кальнишевский вознамерился сего 767 году будущей весны, буды поизвестной войска Запорожского просьбе никакой, как он кошевой просит от высочайшего императорского величества двора милостивейшей резолюции получить не удостоится то уже совсем усуетованы з своим войсковым писарем, а к войску от себя своего войскового есаула с таким же советом посылал, ...которой уже и возвратися с россияей начать междуусобство как то прошлого «766» году в исходе великого поста приехав-

ши со двора от вашего высокопревосходительства много говорили з своим войсковым писарем... чтоб выбрать в войски двадцати человек Добрых и послать бы к турецкому императору с прошением, в случай принятия под турецкую протекцию... посылались з коша козаков двадцати человек добрых или нет сказать не могу... ак войску точно моей рукой чрез полковника антона красовского... писали чтоб все в готовности были к походу против России...»

2. ФАНТОМ

Уже светает.
Должен кошевой,
Точнее – привидение, фантом,
Вернуться в каземат, где часовой
Ночь коротаает, стоя под штыком.
Едва живые мощи казака
Сольются вновь с незримым двойником,
И тихий сон, что Господа рука,
Опустится над древним стариком.

Пусть отдохнёт усталый человек.
Ему до смерти дом родной – тюрьма.
А мы вернёмся в тот далёкий век
И проследим историю письма.

3. ПЕРВЫЙ ДЕРЖАВНЫЙ ДИАЛОГ (В спальне Екатерины II)

– Григорий милый, что-то мне не спится.
Роятся мысли в голове, как вши.
Перед глазами лица да границы
И странное томление души.
Мне кажется, пора заняться Сечью,
Не на словах.
На деле.
И всерьёз.
Как там в народе говорится:
«Легче, когда без бабы тянет лошадь воз?»

– Чуть-чуть не так, но смысл один и тот же.
Я, матушка, готов тебя понять.
Но, думаю, что всё-таки – попозже,
Поскольку надо с турком воевать.
А в этом деле, мама, запорожец
Набил, и крепко, руку за века.
А посему, мне кажется, негоже
Лишать себя поддержки казака.

– Не надо, Гриша, гладить против шерстки.
Хотя совет, признаться, дельный дан.
Ты – я-то знаю – дружишь с Кальнишевским.
Он – твой «любезный батяно атаман».
К племяннице его не равнодушен.
Она, кажись, теперь твоя кума?

– Ох, мама, ты и впрямь – глаза и уши,
И средоточие отнюдь не женского ума.
Дружу с народом.
Где-то ради шутки,
Но в основном – державный интерес.
Клыкастый волк хорош в собачьей будке:
Когда он сыт, не часто смотрит в лес.

– Не часто.
Только всё же кажет спину.
Возьми-ка на столе моём пакет,
Что передал Румянцев с Украины.
Там есть один занятный документ.
Точнее, два.
Источник хоть и разный,
Но об одном и том же речь идёт.
Я разговор с тобой веду не праздный,
Мне «черевичек» этот ногу жмёт.
Надеюсь, имена тебе знакомы.
И почерк тоже, думаю, знаком.
Не зря ж в полку Савицкого «сиром»
Горилку пьёт с Нечёсою Грицьком?

– Ты, как обычно, мама, на ночь глядя
Заводишь нелюбовный разговор.
Я ж для тебя и для России ради
Тружусь на этой ниве с давних пор.
Что до письма, так мне оно не в диво.
И почерк этот вижу не впервой.
А вот насчёт горилки... сотник Слива
Поплатится чубастой головой.
Да, ты права: мозоли натирает
До крови «черевичек» на Днестре.
Со всей Руси отребье укрывает.
Ворьё там исчезает, как в дыре.
Был Ивановым, станешь Бульбоносом.
Был с шевелюрой, станешь Кавуном
Меня там знают как Грыцька Нечёсу.
Потёмкина ж не сыщешь днём с огнём.
Соседи наши жалуются часто
На грабежи в пределах их земель.
Не примем мер, глядишь, лихое братство
Корабль российский выбросит на мель.
Но Сечь пока советую не трогать.
Успеется.
Наступит день и час.
Султан, как полумесяц, – круторогий.
И этот факт тревожить должен нас.

– Пожалуй, прав ты.
Рассуждаешь мудро.
Как муж державный должен рассуждать.
Мы... подождём. Как говорится, утро
Всё ж мудреней, чем вечер.
Марш в кровать!

– Конечно, Катя, утро мудренее.
Такою ты мне нравишься всегда.
И пусть горит над спальнею твоею
Любви незаходящая звезда.

Мешать не будем царственным особам,
Они ведь тоже хлеб земной жуют.
И как металл, пусть и высокой пробы,
От непомерной власти устают.

4. ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕНИКОВ

Не знаю, дошли или нет
Из тощей державной казны
Серебряных тридцать монет
В карман потайной старшины.
Но то, что к патрону донос
Дошёл, словно царский указ,
Снимает ненужный вопрос,
Кто оплатил тот заказ,
Кому непокорная Сечь
Недугом была головным,
И где будет выкован меч
Расправы с «ворьём кошевым»?

5. ВТОРОЙ ДЕРЖАВНЫЙ ДИАЛОГ (Год 1775, после церемонии вручения наград, по случаю окончания войны с Турцией.)

*Шли с надеждою в столицу,
Поклонялись низко:
«Дай нам землю, мать царица,
От границы близко».*

*Там, где чистые колодцы,
Степи да лиманы,
Чтоб ловили рыбу хлопцы,
Справляли жупаны.*

*Наловили-таки рыбы.
Справили обновы:
Оказались впору дыбы,
Цепи да оковы. (В. С.)*

– Утомилась я, Григорий,
От фанфар и славословий.

Мне сейчас бы к Чёрну морю,
Подлечить своё здоровье.
Полежать бы на песочке,
Принять солнечные ванны,
Прогуляться тёмной ночью
С кавалером у фонтана.
Где растут арбузы, дыни,
Виноград янтарный зреет.
Где Российский флаг отныне
Оскорблять никто не смеет.
Но, увы!
Дела, заботы.
Трудно быть императрицей:
С Оттоманской¹ нянчусь Портой,
Атаман казачий снится.
Что там просит Кальнишевский?
Бриллиантов, что ли, мало?
Или я не по-имперски
Кошевого принимала?
По заслугам был оценен
Труд его на поле бранном.
Что-то долго старый мерин
Засиделся в атаманах.

– Десять лет уж правит Сечью.
Как никто другой допрежде.
Стар уж стал, но крепки плечи:
Впору царские одежды.

– Ты на что это, Григорий,
Намекаешь так туманно?

– Я о том, что в Белом море
Есть земля для атамана.
Он ведь к Вам лишь с этой просьбой
Шлёт посольства с Понизовья.
Кошевому Сечи грозной
Соловки отдать готов я.

---

¹ Оттоманская Порта – Турция.

По нему скучает плаха.
Но на то уж Ваша милость,
Чтоб чубатенькая птаха
С головою не простилась.
Головатому¹ и Глобе²,
Не обидеть хлопцев чтобы,
Предлагаю дать Сибирь.
Там медведи и сугробы,
Там морозы высшей пробы,
Там и даль им, там и ширь.
С остальными разбираться
Хоть сейчас готов Текелий.
Вам лишь стоит подписаться...
Петухи давно пропели.

«...с истреблением на будущее время
и самого названия запорожских казаков...
в неповиновение нашим высочайшим повелениям».

Быть по сему.
Е. И. В. Екатерина.

Прошло 25 лет

ПАСХА (Соловки. Апрель 1801 г.)

1. ПОВИЙ, ВИТРЭ, НА ВКРАИНУ

Загремел засов железный.
Заскрипела дверь натужно.
– Бог ты мой, Отец Небесный,
Как же смрадно тут и душно!
Преисподняя – и только!
Слизь на стенах – дёготь чёрный.
Да, казак попался стойкий
И в молениях упорный.

---

¹ Павел Головатый – сичевой судья.

² Иван Глоба – сичевой писарь.

Столько лет без бела света!
Двадцать пять, по норме строгой.
Почитай, сквозь три столетья
Пролегла судьбы дорога.
Прожил век да сверху десять –
Животворно корневище.
Крест несёт за всех без спеси.
Духом, стало быть, не нищий.

– Просыпайся, долгожитель!
Хватит спать. Христос воскрес!
Внял мольбам твоим Спаситель,
Хочешь – плачь, а хочешь – смейся.
Высочайшим повеленьем
Из самой Первопрестольной
Привезли тебе прощенье.
Ты теперь, казаче, – вольный».

Узник, белый, словно призрак,
Шевельнул костлявой кистью:
– Нынче образ в светлой ризе
Мне явился. Лик Пречистой.
Праздник Пасхи. День Великий.
Я сажу в резной палате
Посредине чащи дикой,
А напротив – Божья мать.

– Вещий сон тебе был, старче.
Золотою шитый ниткой.
Люб ты Богу, не иначе,
Собирай свои пожитки.
Чё лежишь, казак, вставай-ка!
Я теперь тебе товарищ.
Для начала примешь баньку,
Кости старые попаришь.
Сбросишь грязные лохмотья.
Облачишься человеком.
И, как «Ваше Благородие»,
В церковь божью, в кои веки.

Атаман, вздохнул глубоко.
Разогнул, расправил спину.
Сухопарый, бельмоокий,
Вдруг запел, как издалёка,
«Повий, витрэ, на Украину».

Повий, витрэ, на Украину,
Дэ покынув я дивчину.
Дэ покынув кари очи,
Повий витрэ з полуночи
.....

И смотрел оторопело
Настоятель монастырский,
Как величественно пел он
Низким басом богатырским.

И откуда столько силы
В этом дубе запорожском?!
Он и в дряхлости – красивый.
От корней пойдут отростки.
.....

А як мэнэ позабула
И другого прыгорнула,
То розвийся край долины,
Нэ вэртайся з Украины.

2. ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Торжественно звонят колокола.
Великий день.
Святое Воскресенье.
Возносится Всевышнему хвала
В словах молитв и в дивных песнопеньях.

Уже свершилось Чудо из чудес.
Но в сотый раз священник восклицает:

– Христос воскрес!
– Воистину воскрес! –
Монаший хор едино утверждает.

– Христос воскрес! – И к небесам глаза.
– Христос воскрес! – О, радость всепрозренья!
И сладкой каплей катится слеза
В день Светлого Христова Воскресенья.

3. ПОДАРОК

Рубаха белая,
Как первый чистый снег,
На исхудавшей донельзя фигуре
Висит, как парус в штиль.
И человек –
С лицом матроса, выжившего в бурю.
Глаза – белки.
Белым-белы усы.
За ухом жидкий оселедец белый:
Следы от буйной некогда красы,
Что время беспощадное не съело.

Сухие пальцы щупают, дрожа,
Евангелие в серебряном окладе.
На Божий свет летит его душа:
– Уж не моё ль, скажите, Бога ради?

– Твоё, твоё, – басит архимандрит. –
Такой подарок нынче кстати очень.
Христос воскрес!
И пусть Он озарит
Твои, казак, невидящие очи.
Ты собирал копейки много лет.
Не для себя копил, на Слово Божье.
По всем канонам выполнен Завет,
Монастырю подарка нет дороже.
Как пожелал ты, воля будь твоя:

Обитель наша – дом твой до могилы,
Покуда соловецкая земля
Ещё даёт тебе для жизни силы.
Ты слаб, как пламя восковой свечи,
Но дух такой не в каждом человеке.
Исповеданьем душу облегчи.
И да хранит тебя Господь вовеки!

4. ИСПОВЕДЬ

– Не по божески, отче, я жил.
Гласом бедной казацкой «сиромы»¹
Я, порой, в трудный час «дорожил»,
Как цыган прошлогодней соломой.
О богатстве болела душа.
Как бы вдруг не разгневать старшину...
А «сиромы» меня, Калнаша,
Не на шутку, порою, страшила.
Помню, был третий год кошевым.
Неимущая Сечь взбунтовалась:
Поначалу-то гомон, как дым,
Но потом, как пожар, – разгоралось.
Беспощадный погром и грабёж
Продолжался три дня и три ночи.
И какой бы ты ни был хорош,
Всё бросай, и беги «свит за очи»².
От голодных пощады не жди:
Обирали «заможных» до нитки.
Крест один прижимая к груди,
Удирал я, оставив пожитки.
Стыдно вспомнить, но слишком я стар,
Чтоб кривить перед Богом душою:
Через дырку в горище³ – и в яр.
От расправы жестокой ушёл я.
Гольтьба бунтовала всегда.
До меня и при мне бунтовала.

¹ Сиромы (запор.) – неимущие казаки, беднота, голь.

² Свит за очи (укр.) – куда глаза глядят.

³ Горище (укр.) – чердак.

Как весною рвёт гати вода,
Так и Сечь иногда прорывало.
Вся надежда на верных старшин,
Куренных атаманов надёжных.
А без них я не смог бы один
Удержать «запорожские вожжи».
Времена уже были не те,
Что при Бульбе, Сирке или Байде.
Когда честью клялись на кресте,
Когда смерть была равной награде.
Сечь теряла ту самую суть,
На которой веками держалась:
Братство, «лыцарство»¹,
Вера – вот путь,
От которого пыль лишь осталось.
Я уже понимал и тогда,
Что коса наскочила на камень.
Что придёт в Запорожье беда,
Но не шёл на раздор с казаками.
Жил надеждой: авось пронесёт.
Верил в дружбу и в царское слово.
Но молва знала всё наперёд,
И вина – на плечах кошевого.
Если б с честью погибли в бою,
Уравнились бы с дедовской славой.
Но отдали свободу свою
«За понюх табаку» на расправу.
– Дело гиблое, верить царям,
Но не верить духовному братству –
Грех.
И ты осознал это сам,
Потерявши и власть, и богатство.
Ты молитвами грех искупил.
Одиночеством дух твой не сломлен.
Дал Господь долголетия и сил,
На перинах ли спать, на соломе.
Древен ты еси,

---

¹ Лыцарство – рыцарство.

Пахнешь землёй.
Словно вышел на свет из могилы.
Затянулись глаза пеленой.
Но ...Покров над тобой, братец милый.
Богородице чаще молись,
В этом мире мы все Её дети.
Бог с тобою. Иди причастись,
А монахи споют «Многолетье».
Пострадавший за други своя,
Да помилован будешь Всевышним!
Буди, Господи, воля Твоя –
И вовеки,
И ныне,
И присно!

5. МОЛИТВА

(Два года спустя, 14 октября 1803 года.
Праздник Покрова Пресвятой Богородицы.)

«Дева Пресвятая Богородица,
Возношу к тебе свою молитву.
Дни мои к закату, видно, клонятся.
Все они прошли сквозь жизни сито.

Богоматерь, Дева непорочная,
Ты была заступницею нашей.
На тебя молились дни и ночи мы,
За живых товарищей и павших.

Сколько раз у врат Отца Небесного,
Кланялась ты в ноги Сыну Божьему
За дела и думы наши грешные
И за все слова неосторожные.

Под твоим Покровом битвы трудные
Сичевик не раз вершил победами.
Но коварным племенем Иудиним
Мы, как сын Христос твой, были преданы.

Дева, Пресвятая Богородица,
Когда вздох земной последний сделаю,
Дай душе навеки успокоится,
К небесам взлететь голубкой белою.

Повстречаться снова с братским воинством,
Лившим кровь за веру Православную.
Пусть в потомках наших зёрна Вольницы
Прорастают буквами заглавными.

Через 16 дней, последнего атамана Запорожской Сечи не стало. В 1856 году, по распоряжению настоятеля монастыря, на его могиле появилась надгробная плита с эпитафией:

«Здесь погребено тело в бозе почившего кошевого бывшей некогда Запорожской грозной Сечи казаков атамана Петра Кальнишевского, сосланного в сию обитель по высочайшему повелению в 1776 году на смирение.

Он в 1801 году, по высочайшему же повелению, снова был освобождён, но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрёл душевное спокойствие смиренного христианина, искренно познавшего свои вины.

Скончался 1803 года, октября 31 дня, в субботу, 112 лет от роду, смертью благочестивою, доброю».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Как Петро Кальнишевский попал на Сечь¹

Восьмилетний Петрик, сын казачьей вдовы Агафьи, пас скотину за селом, когда увидел небольшой конный отряд запорожцев. Некоторые курили трубки. К одному из них обратился хлопчик с просьбой дать и ему попробовать «козацкой люльки». Это развеселило запорожцев, они остановились и угостили пастушка «носогрейкою».

---

¹ Авторская интерпретация легенды села Пустовойтовка, Роменского района Сумской области,

- А куда вы идёте? – тот к ним.
- На Сичь, хлопец!
- Так возьмите же и меня с собою!
- Ну, коли ты уже и люльку козацкую смалишь¹, то садись сзади, – позволил сотник, тот, что «носогрейку» ему одолжил.
- ты, видать, хлопец бедовый, будешь у меня посыльным.

Петрика дважды просить не довелось – он сразу вскочил на коня.

- А батько что скажет?
- А нет у меня батька, – потупился Петрусь. – убили.
- Ну, тогда уж и за сына мне будешь.

И поехали они туда, где «Луг – отец, а Сечь – мать», и побрело стадо в село само, без пастуха...».

Люлька моя пеньковая
С вечера курилась.
На полочку положил,
Упала – разбилась.

Люлька моя пеньковая,
Без тебя не жить мне.
По базару похожу,
По люлечке потужу.

На базаре девка красна
Пшено продавала,
Козаченьке молодому
Люльку сторговала.

За люлечку копеечку,
За табачок грошик.
Кури, кури, козаченько,
Кури, мой хороший.

Россия – США, 2004 г.

---

¹ Смалишь (укр.) – дымишь, куриш.

НЕ ТЕРЯТЬ – КАК ПРЕДКИ СЕЧЬ!

Поэма

*Посвящается запорожским казакам –
первым переселенцам на Кубань,
в числе которых, по семейному преданию
и архивным документам, были,
как предки по отцовской линии – Садовские,
так и по материнской – Овсиенко. (Автор)*

Ой, тысяча семьсот
Дэвяносто пэршого року, гэй!
Выйшов указ вид нашой царыци
З Петербургу городу.
Ой, що пан Чепига и пан Головатый,
Зибравшы все вийсько Запорижськэ, ...
Гэй, выступае та на Кубань-ричку,
На вишнее время все.
(Старинная песня кубанских казаков)

1.

На подворье куренного¹
От рассвета суета:
Кони ржут,
Голосят бабы,
Нараспашку ворота.
На цепях собаки брешут.
Запах! –
Шмалится² кабан...
Сыновей своих и внуков
Нынче старый атаман
Отправляет на Кубань.

Гости едут и от ближних,
И от дальних куреней.
Хлопцы весело хлопочут –
Ладят в дальний путь коней.
Вьются осами девчата,
Шутки, слёзы,
Песни, смех.
Под вербой борщи дымятся,
Чарки льются через верх.
Старики ведут беседу.

---

¹ Куренной атаман.

² Шмалится – полится, обжигается.

О былом, конечно, речь:
Про походы,
Про победы,
Про «зруйнованную»¹ Сечь.

2.

Славным было Запорожье
Всеми сторонами.
А теперь – не кара ль божья? –
Меч висит над нами.
Говорили кошевому:
Укрепляй заставы!
Потеряем Запорожье,
Козацкую славу.
Не берётся Калнишевский
Ни с моря, ни с поля –
В Петербургских казематах
Томится в неволе.

Во субботу тёмной ночью
Полки наступали,
А с рассветом в день воскресный
Лагерь разбивали.

Прикатили из столицы
Новенькие пушки:
Заливайте, запорожцы,
Мягким воском уши.

Ах, как верить не хотелось:
Чтобы брат – на брата!
Но порой бывают братья
Хуже супостатов.
Размечтались хлебом-солью
Встретить генералов,
Но своей солёной кровью
Захлебнулись алой.

---

¹Зруйнована (укр.) – разрушена, уничтожена.

С четырёх сторон палили
Ядрами, картечью.
Чёрным смерчем бушевала
Смерть над вольной Сечью.
Положили Сечь на плаху.
Разграбили храмы.
По сибирским хлопцы шляхам
Гремят кандалами.
За кордонами чужими
Заживляют раны.
Только петь нам «вечну память»,
Думается, рано.

Вражья баба, Катерина –
Растрепи её перину! –
Для державы в трудный час
Всё же вспомнила про нас.
Поначалу умудрилась
Разогнать сичевиков,
А теперь вот, спохватилась –
Трудно ей без казаков.

Нечем сдерживать границу.
От Азова до Чечни
Турку сушь и плавня снится.
Там донцы, считай, одни.
Старый шлях – всё больше лесом,
С перевала, на хребет.
От назойливых черкесов,
Как от ос покоя нет.

Нам сподручно с турком драться.
Скажем так, – не привыкать.
На Кубань придёт, как зайца,
По горам будем гонять.
А с черкесом, брат, иначе:
Будет долгим разговор
По обычаям казачьим
И по заповедям гор.

С горцем жить придётся в дружбе,
Как невестка и свекровь.
Но по долгу царской службы,
Выпускать дурную кровь.
Очень тонкая работа –
Не доверишь мужику.
Оттого-то мать-царица,
Век бы ей ходить в девицах,
Поклонилась казаку.
Мы народ, конечно, гордый.
Но с обидой в сердце жить –
Тяжкий грех.
С Кубани воду
Наши кони будут пить.
Не царице Катерине,
Не турецкому паше,
Мы идём служить России,
Как служили ей уже.

– Мудро, батько, рассуждаешь.
Не про нас, про старых, речь.
Пусть потомки возрождают
На земле кубанской Сечь.
Там их воля.
Там их слава.
Там их песни.
Там им жить.
Ну а нам в ковыльных травах
Светлы головы сложить.
На днепровских старых кручах,
Где деды́ наши лежат,
Ляжем к ним и мы до кучи
Головою на закат.

3.

Бандурист, слепой Омелько,
Певший славу всей Сечи,

Потихоньку в струны бренькнул:
– Дайте горло промочить,
Шось у горли дэрэнчить.
– А и правда, от беседы
Только хрипнут голоса.
Ну-ка влейте чарку деду,
Помянём его глаза.
Как по ним девчата сохли!
Или было всё не так?
– Правду кажешь, батько, сохли,
Разудалый был казак!
Что с татарами рубиться,
Что в бандуру поиграть.
Как в такого не влюбиться?!
Как с таким не погулять?!
Атаман взглянул на жинку,
Выгнув сабелькою бровь:
– Ты б пошла до баб, Полинко,
Там расскажешь про любовь.
Мы тут сами конопельку
И посеем и пожнём.
И безглазого Омельку
Песней в молодость вернём.
Ну-ка вдарь струну, музЫка,
Запорожский соловей!

И Омелько длинноликий
Затянул негромко:
«Гэй!..
Пыйтэ, люды, горилочку,
А вы, гусы, воду.
Горэ ж мэни на чужбыни
Та й бэз своего роду.

(Пейте, люди, хмельну брагу,
А вы, гуси, воду.
Горе, горе на чужбине
Казаку без роду.)

Стихли сразу разговоры,
Дружных чарок перезвон.
Подхватили стройным хором,
Как привыкли испокон:

В кого батько, в кого маты –
Е з кым пыть-гуляты.
Мэни, бидной сыротины,
Ни з кым розмовляты.

(У кого-то мать родная,
Братья и сестрицы,
А мне, бедной сиротине,
Не с кем поделиться.)

И от женской половины,
Словно в Днепр ручьи весной,
Голоса в напев старинный
Потекли живой водой.

Браты мои, братья мои,
Браты козаченьки,
Прыбуйтэ вы до мэна
Хоч у нэдилэньку.

Хлиба-соли роздобуду,
З вами гулять буду.
Горилочки розшукаю.
З вами погуляю.

Песня крепла, расширялась,
Поднималась к небесам.
Как в венок, в неё вплетались
Молодые голоса.
И Омелькины глазницы
Переполнились слезой,
Как весенние криницы
Родниковою водой.

Он был чубатый запорожец.
 Она – с раскосыми глазами.
 Он нежно гладил её кожу
 И пил засохшими губами
 Степную утреннюю свежесть,
 Хмельной настой из трав июля,
 Когда святую безмятежность
 Взорвала бешеная пуля.
 И в нежный девственный цветок
 По рукоять вошёл клинок –
 Кривая плоть дамасской стали.
 Ах, что ж вы, хлопцы, опоздали!
 Сон одолел вас в ранний час,
 Мирза успел свершить намаз.
 Увы! Без вас.
 Кровавым жертвоприношением
 Аллаха возблагодарил
 За долгожданное отмщенье
 Той, женой которой был.
 Той, что посмела без боязни
 Священный преступить Коран.
 Теперь степным шакалам праздник.
 Аллах неверных покарал.

Он был, как все, с пелёнок – воин
 И, чтя обычай вековой,
 Считал, что должен смыть достойно
 Позор, нависший над роднёй.
 Ходить посмешищем в ауле
 Родные братья не дадут.
 Пусть лучше вражеская пуля
 Свершит в кровавой схватке суд.
 И, упоённый хмелем мести,
 Не торопил коня в аул,
 А всё кружил на том же месте,
 Твердя: «Я жду тебя, гяур!»

Он знал: они тут будут скоро.
Мертва невеста и казак.
И на груди их старый ворон
Сидел, выклёвывал глаза.
Коней казачьих дробный топот
Вернул его из забвения...

.....

Сверкнул клинок, – он вскрикнул дико:
«Алла Акбар!

...Шайтан урус!..»

...И голова его на пике
Взлетела к небу, как арбуз.

Когда над Мелькой иссечённым
Склонились братья казаки,
Степной обжора – ворон чёрный
Уже успел склевать белки.
Но кровь ещё не охладела.
Не вся ушла из крепких жил.
Смерть обошла иль пожалела.
Не умер, значит, будет жив!
К нему ещё вернуться силы,
Но навсегда погаснет день.
На свежей девичьей могиле
Весною зацветёт сирень.
Сестра на ней повяжет ленты.
И защечечут соловьи.
И будут сказывать легенды
И песни петь о той любви.

С тех пор, с бандурой за плечами,
(Она – жена и поводырь)
Он там, где радость и печали.
Где детский смех и вдовьи шали.
Где куреней казацких пыль.

5.

Дело близится к обеду.
Солнце греет – не печёт.
Между песней и беседой
Быстро времечко течёт.

У плетня под старой ивой,
Атамана внук Петро –
Русочубый и красивый –
К девкам ластится хитро.

Той пригладит мягко косу,
Той косынку сдёрнет с плеч.
Ненавязчивым вопросом
Про любовь заводит речь.

«Ой, девчатки-каченятки¹,
Как же буду я без вас.
Без речей, без ваших, сладких,
Без ревнивых ваших глаз?
На кого ж теперь собаки
По ночам будут брехать.
Кто старому Задираке
Станет сено разгребать?
Кто у дида Заверюхи
Будет дыни толочить.
И кого ж теперь старухи
Будут разуму учить?»

А девчата, как девчата –
Не клади им палец в рот!
Отгрызут и будут рады,
Если снова отрастёт.
И они щебечут звонко.
И хмелеют без вина...
Лишь одна стоит в сторонке,

---

¹ Каченятки – утята.

Не по-девичьи грустна.
Грудь её вздыхает тяжко.
Взгляды ловят казака.
И дрожат в цветке ромашки
Два последних лепестка.
Оторвать – немеют пальцы,
Холодеет всё нутро.
Скоро время расставаться,
Подойди, утешь, Петро.

Ой, куды ж ты улитаешь,
Сызокрылый орлэ.
Ой, кто ж мэнэ молодую
Цэй вэчир прыгорнэ?

Ой, куда же ты собрался,
Орёл сизый, улетать.
Ой, кто ж меня в этот вечер
Будет к сердцу прижимать?

– Не гадай напрасно, дочка, –
Мать к дивчине подошла. –
Подожди хоть с полгодочка
До заветного числа.
Проку нет в твоём гаданье.
Горевать будешь потом,
Если парубок¹ с Кубани
Не пришлёт сюда сватов.
Там черкешенок под боком,
Как черешенок в саду.
Приглянётся черноокой –
Жди в казачий двор беду.

– Это что ж за пересуды! –
Дед в защиту стал Петра, –
Так гремят пустой посудой –
Слышно в дальних хуторах!
На подворье атамана

---

¹ Парубок – парень.

Так ведётся испокон:
«Не пускай в глаза туману,
Слово данное – закон.»
Ты, онучек,¹ баб не слухай.
Лучше нет для казака,
Испытать любовь разлукой,
Чтобы знать наверняка:
Любит девка, или просто –
Тень наводит на плетень.
Доверяйся шашке острой
Да и то не каждый день.
Крепко держишь – верно рубит.
Чуть ослабил – сам убит.
Бабы нас в разлуке любят,
Намотай на ус, джигит.
Я лукавить не умею,
Подрастёшь, поймёшь меня.
Не пора ли, Пелагея,
Дать по чарке «На коня!»
Хлопцам, чтобы не скучали –
Шлях-дорожка далека.
Да чтоб песни распевали,
Песня красит казака.

Засвыстали козаченькы
В поход з полуночи,
Заплакала Марусэнька
Свои кари очи.

Нэ плачь, нэ плачь, Марусэнько,
Нэ плачь, нэ журыся.
За своёго мылэнького
Богу помолыся.

Подошли к Сухому Броду.
Из Днепра в последний раз
Долго кони пили воду...
Однорукий дед Панас

---

¹ Онучек – внучок.

Машет с кручи:
«В добрый час!
Хай вам, хлопци, будэ краще...»
И старуха у межи,
Осеня уходящих,
Шепчет:
«Боже, поможы!»

Ой вы, прощавайтэ,
Курени козацьки,
Уже ж нам у вас билше нэ жыты.
Ой вы, прощавайтэ, вы,
Стэпы буджацьки,
Вжэ ж нам по вас билш нэ ходыты.
Бувай же здорова
Днипр-вода мутная,
Пидэм на Кубань,
Иншой напьемеся...

(Ой вы, прощайте,
Курени казацкие,
Уже нам тут больше не жить.
Ой вы, прощайте,
Степи буджацкие,
Уже нам по вам не ходить.
Бывай же здорова,
Днепр-вода мутная,
Пойдём на Кубань,
Другой напьёмся.)

Покидали Украину,
Слёз горючих не тая.
Им Кубань была чужбиной,
Нам – родимая земля.

Дай-то Бог, любить, лелеять,
Защищать, пахать и сеять.
Пуще глаз своих беречь.
Не терять, как предки Сечь!

ПО ДОРОГЕ К ЛУКОМОРЬЮ

Поэма

ПУШКИН НА КУБАНИ

В августе 1820 года, после двухмесячного отдыха в Горячеводске¹, семья генерала Раевского в трёх экипажах, под охраной конвоя казаков, отправилась в сторону Крыма. Большая часть пути пролегла по правому берегу Кубани, в том числе и через территорию казачьего кордона на реке Курке, где располагается ныне моя родная станица Курчанская. В одном из экипажей, в компании с самим генералом и его дочерьми, ехал молодой Александр Пушкин. Впереди была целая неделя пути, которым завершалась первая поездка поэта на Кавказ.

(В.С.)

ГРАНИ ДРУЖБЫ И ВРАЖДЫ

В туман ушёл Горячеводск,
Горбун Бештау и Машук.²
День начал плавиться, как воск,
В ушах колёс неровный стук –
Унылый спутник долгих дней,
Как и гортанные слова,
Что, забавляя дочерей,
Твердит Раевский, сам едва
С трудом «жующий» горцев речь –
Сплошных согласных звуков рой,
Так на жужжащую картечь
Похож порой.

Путь большей частью каменист.
Лишь к Темрюку помягче грунт.
По лошадям гуляет хлыст.
Тот путь и впрямь, что «лиха фунт».

---

¹ Горячеводск – нынешний Пятигорск.

² Бештау и Машук – горные вершины.

Дорога к Крыму не легка.
Таит опасность дикий лес.
Надежда вся на казака:
Он той же крови, что черкес.
Отец им – Северный Кавказ.
Их мать – бурливая Кубань.
Друг с друга не спускают глаз,
Как звери, алчущие лань.

Аулы горцев за рекой,
Укрыты зеленью дерев...
Лихой обманчивый покой,
Как грозный, чутко спящий лев...
И дым, ползущий по горам,
Кизячный запах, лай собак
Вовеки не откроют вам
То место, где таится враг...
Здесь грани дружбы и вражды
Остры, как лезвие ножа.
В мгновенье ока до беды
Лежит незримая межа.
Но в праздник, горец и казак
Танцуют вместе «Шамиля».
«Обиды – прочь! Ты – мой кунак!..»
Что значит – общая земля!

Так думал молодой поэт,
В расцвете сил, в расцвете лет,
Отдавший сердце своё сразу
Непокоренному Кавказу.
Увидев Музы Вышний знак,
Он словно растворился в нём,
Совсем не ведая о том,
Что будут горец и казак
С подножий до вершин седых
Обожествлять его следы.

КАЗАКИ

(письмо с дороги брату Льву)

И видел берег я Кубани,
И крыши бедных хуторов.
И цепь сторожевых постов,
И отраженную в лимане
Луну.
И скачущих в ночи
Черкесов, черных, как грачи.
И шесть десятков казаков,
Сопровождавших нас,
Готовых
Сию минуту принять бой,
Тащивших пушку за собой
С зажжённым фитилём.
Казачек вдовых видел я:
С неизъяснимою тоской
Они глядели на меня,
Поэта сердце леденя.
И так до самой до Тамани,
С ружьём и шашкой наголо
Никто не покидал седло.

КАЗАЧЬИ ПЕСНИ

Ах, эти песни казаков
Над хуторами в летний вечер!
Степной простор, полынь веков!
Они – что кони без уздечек.

Неповторимой красоты!
Они немислимы в повторе,
Как эти дикие цветы
На этом древнем кособоре.

В них крепкий запах чебреца.
И задушевный запах мяты.

И вид сурового лица
В согласном пении – приятен.

Так голоса плетут венок,
Что и с закрытыми глазами
Увидишь куреня дымок,
Полёт гусей над камышами.

Услышишь тихий плеск волны.
И рыбы всплеск в вечерних водах...
Казачьи песни, вы сильны
Глубинной памятью народа.

С небес красавица луна
Глядится в зеркало лимана.
А песня, чувствами полна,
Плывёт, как лебедь из тумана.

МЕДОВЫЙ СПАС В ТЕМРЮКЕ

Солёной рыбы запах смачный
Ударил в нос внезапно, вдруг!
Расшевелил конвой казачий
Столица рыбная – Темрюк.

Пушкарь не прячет в ус улыбку:
Душа казацкая поёт.
Сама, на запах пряный рыбки,
Под горку пушечка идёт.

Базар шумит за поворотом.
Сады, куда не кинешь взгляд...
Носы лишь барышни воротят –
Им не по сердцу аромат.
Устало машут веерами:
Жара!
От платьев пар, как дым.
Кропят французскими духами,

Но рыбный дух непобедим.
Поэт же, как казак без жинки,
Воздавший должное делам,
Вина отведав с осетринкой,
Весёлый ходит по рядам.

«Сыны и дочери Кубани,
Примите мой поклон земной.
И уж простите вы заране
Мне мой характер озорной.
На торжества являться к сроку
Я так, увы, и не привык.
Особы царские пороком
Считают острый мой язык.
Я с детства был большой проказник!
Бил едким словом наповал.
В мечтах лишь грезил о Кавказе,
По царской милости – попал.
А к вам спешил, скрывать не стану.
Но был задержан за версту
Казачьей чаркой на посту.
Бог весть, ещё ли встречусь с вами,
Увижу ль снова – молодых,
Красивых, с жгучими глазами
Потомков конников лихих?
Всесильный рок над всеми властен,
И от него не скрыться нам.
Дай Бог вам мира, доли, счастья.
Храни Он вас от всех напастей...
А я пройдуся по куреням.
Люблю я шумные базары,
И, даже если пуст карман,
Меня развеселит задаром
Толпа кочующих цыган».

ГАДАЛКА

- Не скупися, кучерявый,
Положи на ручку грош.
Кошелёк, чай, не дырявый,
Не от бедности помрёшь.
Ты не бойся, я не сглажу.
Дай, ладонь твою разглажу,
На красавицу жену,
На судьбу гадать начну.
- Что ж, гадай, цыганка Настя,
Если в этом ты сильна.
Я не скуп, не в деньгах счастье, –
Хватит хлеба и вина.
Кочевое ваше племя
Для души моей – нарзан.
Не висит над вами время:
Время, знать, не для цыган.
Ни границ для вас державных,

Ни указов царских нет.
Вас никто не провожает.
Вы - как призрачный рассвет:
Нынче здесь, а завтра в поле.
Утро дарит вам росу...
Я не жалею на долю,
Крест, что выбрал, сам несу.
- По коню, милок, уздечка!
Жизни линия твоя
Исчезает в Черной речке.
Это ясно вижу я.
Все твои пути-дороги
К ней ведут и только к ней.
Нет в глазах твоих тревоги –
Дух твой всех цыган вольней.
Ты свободен в слове, в мыслях.

Резв умом и речь остра.
Но держи в узде, что вышло
Из-под острого пера.
В этом корень всех злосчастий.
И ...в красавице жене.
Жаль, судьбу не правит Настя.
Это дело – не по мне.
Бог на помощь, кучерявый!
Спрячь монеты в свой карман.
Пусть в твоей грядущей Славе
Будет место для цыган.

ЛУКОМОРЬЕ

Вот оно!
Вот – Лукоморье!
Берег скалистый, пустынный.
Плещется дикое море,
Гривой колышется львиной.
Древняя Тмутаракань.
Доброе утро, Тамань!

Здесь, по-мужски, с Редедёю
Храбрый Мстислав разобрался.
Здесь под счастливой звездой
Парус Петра поднимался.
Древняя Тмутаракань.
Доброе утро, Тамань!

Много народов, наречий
Здесь меж собой породнилось
Много вопросов извечных
В толще времен накопилось.
Древняя Тмутаракань.
Доброе утро, Тамань!

Тайны, что канули в Лету,
Знают и суша, и море.

Ты ещё будешь воспето
Музой грядущих поэтов.
Здравствуй, моё Лукоморье –
Древняя Тмутаракань!
Доброе утро – Тамань!

МЫСЛИ

Дорога тянет к размышлению...
И тучи, что вдали нависли,
И звон ручья, и птичье пение,
И храп коня... тревожат мысли.

То молодецки-сумасбродные,
То вековые, как у старца...
Вдруг в небе звёзды путеводные
Над головой засеребрятся..

И смысл их – вечное движение...
Любите, путники, дорогу:
Дорога тянет к размышлению.
...И сон наводит понемногу.

СМИРИСЬ, КАВКАЗ?

*«Улыбка неприятная,
потому, что неестественна».
(А. С. Пушкин о П. А. Ермолове.)*

«Смирись Кавказ, идёт Ермолов!»
Так восклицал недавно он.
А нынче мыслею крамольной
Внезапно ум его пронзён.
Она сверкнула и погасла...
Но воскресала вновь и вновь:
Она была ещё не ясной,
Но, тем не менее, опасной,
Как здесь – запретная любовь.

Та мысль чеканила вопросы,
А он не знал на них ответ.
Вот так предутренние росы
Блестят, но не рожают свет:
«Смирись Кавказ! – Стань на колени
Перед жестокостью врага!
Чтоб и в далёких поколениях
В сердцах потомков угли тлели:
Им – честь была не дорогá?»

Смирись, Кавказ! – В глухом безмолвье
Живи как лист, всю жизнь дрожа:
Знай, что страшней небесных молний
Слуга царя Ермол-паша?..
Смирись, Кавказ!
Но громы пушек
Лишь сеют рознь, рождая месть.
В них голос разума заглушен.
В них не звучит благая весть!»

Поэт был не готов к ответам.
Но для вопросов путь открыт.
И мысль, подхваченная ветром,
Уже в грядущее летит.
Она, озвученная лирой,
Всё будет разрастаться в нём:
«Не сотвори себе кумира!» –
Один останешься потом.
Увы!
Предчувствие сбылось:
Ермолов – юности кумир,
Сомнений зёрна в сердце бросив,
Покинул музы светлой мир.
Герой полей России ратных,
С которым жизнь его свела,
Ушёл с «улыбкой неприятной»,
Растаяв в улочках Орла.

«... И ПРОТЯНУЛ ДЛЯ ДРУЖБЫ ДЛАНЬ»

Уже в Крыму, где жизнь спокойней
И меньше прелестей для глаз,
Поэт почти в мажорном тоне
Напишет, вспомнив про Кавказ.
Походы в горские селенья.
Гостеприимства ритуал.
Где отнеслись к нему с почтением
Джигит и древний аксакал.

Потоком диким в мир поэзии
Ворвался мир степей и гор:
Он полоснул по сердцу лезвием,
Но Пушкин выдержал напор.
Он принял вызов с упоением.
И протянул для дружбы длань.
И счастлив я, что светом гения
Моя пронизана Кубань.

И БЫТЬ ТОМУ!

Внимают молча музам пушки,
Когда им нечего сказать.
Не генералы – гений Пушкин
Без крови смог вершины взять.
Не по монаршему велению,
Но по велению души
Пред ним Кавказ встал на колени
И преклонил снега вершин:
Пред музой Пушкина склонился.
Любовь свою отдал ему.
И русским духом укрепился.
Так было. Есть.
И – быть тому!

Музыка и слово

*Мой старый друг, надёжный самый,
Прошёл со мною много стран.
Звения родными голосами,
Играл баян и пел баян.
Он был посредником в беседе,
Когда язык бессилён был.
Не раз враждующих соседей
На мирный лад переводил.
Теперь под белую стеною
Стоит, как дряхлый ветеран.
Тряхнём, дружище, стариною!
Играй, мой друг! Играй, баян!*
В. Садовский

Он и сейчас редко выпускает баян из рук, поёт и читает стихи везде, где представляется возможность. Ему трудно выступать: болезнь глаз лишила способности отчётливо видеть, но не отняла желания творить и дарить своё творчество людям.

Рассказывать о Викторе Фёдоровиче Садовском можно много и долго, ведь он – известный на Орловщине музыкант, композитор, певец, собиратель и исполнитель казачьих народных песен, член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор нескольких десятков музыкальных и стихотворных сборников. Виктор Фёдорович – дипломант Министерства культуры РФ, победитель многих международных и всероссийских музыкальных конкурсов и фестивалей, лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды».

Виктор Фёдорович – кубанский казак, потомок легендарных запорожцев, родился в станице Курчанской Краснодарского края.

Первой профессией, первой творческой любовью Виктора Фёдоровича была музыка. В Орловское музыкальное училище он поступил в 1972 году, а позже закончил Московский институт культуры и искусств. Учителем работал в школе, пел в народном хоре, писал песни на чужие и свои стихи, публиковался в газетах. Свой первый творческий коллектив – Народный хор русской песни ДК сталепрокатного завода – Виктор Фёдорович создал более полувека назад и двадцать четыре года руководил им.

Садовский мыслил служить только музыке, но довелось послужить и поэзии. Кто знает, вышел бы в 2000 году в свет его первый сборник стихов «Оберег», если бы не случай, вернее, два. Виктор Фёдорович умирал накануне Троицы дважды с промежутком в год и в поэтических местах:

Спасском-Лутовинове и Клеймёнове. Оба раза музыкант чувствовал, как его втягивает неумолимая круговерть и возносит над всем сущим, а спустя время приходил в себя на земле в окружении медиков.

Подлечив сердце, Садовский собрал свои стихи и показал поэту Ивану Александрову, который, ознакомившись с поэзией друга, напутствовал на издание книги. Вот так: умирая как человек, Виктор Фёдорович родился как поэт.

Случилось, в Орле побывала американская делегация, сопровождать которую поручили нашим музыкантам, в их числе и Садовскому. Иностранцы особо отличили именно Виктора Фёдоровича, пригласили в гости. Тот взял да и поехал, и в итоге объездил с авторскими концертами 30 штатов США в течение пяти лет. По возвращении Садовский работал в редакции газеты «Орловская правда». До сих пор его очерки о культуре являются, по словам коллег, эталоном отношения к профессии.

Вплоть до 2022 года Виктор Садовский руководил музыкальными коллективами: «Народный коллектив Ансамбль русской песни «Приокские родники» (посёлок Глазуновка) и хор русской песни села Первый Воин Мценского района. Он также является составителем и редактором песенных и инструментальных сборников орловских и кубанских композиторов. Виктор Фёдорович – автор музыки к песне «Почётным гражданам Орла», автор гимна нашего города и марша-гимна «Орловские казаки».

Родная речь – ещё одна любовь Виктора Фёдоровича. Важной целью творчества В.Ф. Садовского является сохранение местного диалекта, наречия (балачки) казаков станицы Курчанской. В 2021 во Владивостоке году вышла книга Виктора Фёдоровича «Кубанские мотивы» («Кубанские напевы») с авторскими стихами и народными песнями на балачке (наречии) кубанских казаков станицы Курчанской. А в 2022 году издана книга «Весёлый голохвай», посвящённая необычному наречию старожилов Голохвастовского поселения Орловского района Орловской области.

Цель достигнута, но разве творчество стало бесцельным, потеряло смысл? Только не для Виктора Фёдоровича. Уверена, мы ещё услышим его музыку и прочтём новые стихи, а не то так он сам со свойственным ему артистизмом исполнит их со сцены городского парка, в радиоэфире, у бюста А.А. Фета, в библиотеке им. И.А. Бунина.

*Светлана Голубева,
член Союза писателей России*

СОДЕРЖАНИЕ

Кúкша – начало пути праведного. Поэтический сказ-легенда.....	3
Орёл за дымами времён. Музыкально-поэтическая композиция.....	13
Пруд Савиной. Лирическая поэма.....	43
Судьба симфонии – симфония судьбы. Поэма.....	55
Окí Дона чистая волна. Поэма.....	73
Его певучая душа. Поэма.....	93
Гармони русская душа (или Любовь моя – «Ливенка»). Поэма.....	107
Светла твоя сказка, черна больно быть. Поэма.....	125
Подарок для генсека. Поэма.....	159
Шуруп.....	181
Через тернии – к трону. Поэма	193
Последний кошевой. Поэма.....	203
Не терять – как предки Сечь! Поэма.....	239
По дороге к Лукоморью. Поэма.....	253
Светлана Голубева «Музыка и слово» (послесловие).....	265

Садовский Виктор Фёдорович

Тернистые тропы

Поэмы

Редакторы: Ю.А. Оноприенко, С.С. Голубева

Художник В.И. Овсиенко

Технический редактор Т.А. Агапий

Бюджетное учреждение культуры Орловской области
«Орловский Дом литераторов»
302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1

Подписано в печать 10.05.2023 г. Формат 60x84/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл.п.л. 16,75. Тираж 400 экз. Заказ № 592

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Типография «Труд».
302028, г. Орёл, ул. Ленина, 1.